

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

ЭЛИНКИЕ

ПОЭТЫ

В ПЕРЕВОДАХ
В. В. ВЕРЕСАЕВА

*Издание осуществляется под общей редакцией
С. Апта, М. Грабарь-Пассек, Ф. Петровского,
А. Тахо-Годи и С. Шервинского.*

Предисловие

Н. САХАРНОГО

Комментарии

**В. ВЕРЕСАЕВА, М. БОТВИННИКА
и А. ЗАЙЦЕВА**

Художник

Д. БИСТИ

І. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

Вспомню,— забыть не смогу,— о метателе стрел Аполлоне.
По дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут.

С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.

⁵ Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
С Фебовых плеч многомошных оружие снимает руками
И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.

¹⁰ В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
Нектар отец подает. И тогда божества остальные
Тоже садятся по креслам. И сердце Лето веселится,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.

¹⁰ Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
Спеть ли, как смертных утеха, Лето, тебя на свет родила,
К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове бедном
Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
На берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.

Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.
30 Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
35 Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
Благоустроенный Имброс и Лемнос труднодоступный,
Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных в море,
И каменистый Мимант, и высокие главы Корики,
40 Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,
Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
Вверх возносящийся Книд, и Карпат, от ветров не закрытый,
Рению, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос,—
45 Все их Лето обошла, собираясь родить Дальновержца,
Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
Но трепетали все земли от страха, никто не решился
Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.
В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
50 И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:

«Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище
сын мой,

Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
Думаю я, ни овцами ты не богат, ни быками,
55 Зелень скудна на тебе и плодов никаких не родится.
Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,
Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
Жертвенный дым без конца над тобою начнет подниматься...

* * * * *

Если б ты только кормил их, владыка, имели бы боги...

* * * * *

60 От посторонней руки: под почвой твоею нет жира».

Так говорила. И радостно Делос богине ответил:

«Верь мне, Лето, многославная дочь великого Кея:
С радостью принял бы я Дальновержца-владыки рождение,
Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.

65 После же этого все бы почет мне оказывать стали.

Сильно, однако,— не скрою, богиня,— страшат меня слухи:
Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал,
Нукротим и суров, и великая власть над богами
И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.

70 Вот я чего опасуюсь ужасно умом и душою:

Ну как, сияние солнца впервые увидев, презренье
К острову он загорится,— скалиста, бедна моя почва,—
И в многошумное море меня опрокинет ногами.

75 Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.

Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить безобидно.

80 Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться великой,
Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет на первом
Для провещения божьих велений, и после того лишь...

* * * * *

Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен он имеет».

И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:

85 «Этой Землею клянуса я Небом широким над нами,
Стикса подземно текущей водой,— меж богов всеблаженных

Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой:
Истинно Фебов душистый алтарь и участок священный
Вечно останутся здесь, и почитит он тебя перед всеми».

После того как она поклялась и окончила клятву,
С радостью роды царя Дальновержца приветствовал Делос.
Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
Схватках родильных Лето. Собрались вокруг роженицы
Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,
Рей, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
95 Также другие. Лишь не было там белолокотной Геры.
97 Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
Хитростью там удержала ее белокурая Гера,
100 Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.

С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
105 Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернули обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде,—
Та побежала и вмиг через все пропесляся пространство.
Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
110 Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога
И с крыленными к ней обратилась словами, сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
И убедила Илифии душу в груди ее милой.
Обе помчались, походкой подобные робким голубкам.

115 Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралась богиня.

Пальму руками она охватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет. И громко богини вскричали.

120 Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
Чисто и свято омыли и, белую тканью повивши,—
Новую, сделанной тонко,— ремнем золотым закрепили.
Грудь своей не давала Лето златолирному Фебу:
125 Нектар Фемида впустила в нетленные губы младенца
Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.

После того как вкусил ты, владыка, от пищи бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
130 Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
Людам начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле неисчетнодорожной
Феб длинновласый, далеко стреляющий. Все же богини
135 Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
139 Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.

140 Ты же, о, с луком серебряным царь, Аполлон
дальнострельный,
То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рош многодревных;
Любы все вышки тебе, уходящие в небо вершины
145 Гор высочайших и реки, течение стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.
Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,
С ними и жены, достойные их, и любезные дети.

Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
150 Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,
Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними бессильны.
Видел бы он обходительность всех и душой веселился б,
Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,
155 На корабли быстроходные их и на все их богатства.
К этому ж — диво большое, которого славе не сгнуть:
Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки.
Песнью хвалебной они Аполлона сначала прославят;
После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
160 Стрелолюбивую, песни поют о мужах и о женах,
В древности живших, и племя людей в восхищенье приводят.
Дивно умеют они подражать голосам и напевам
Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это
Голос его, — до того хорошо их налажены песни.

165 Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон с Артемидой!
Вам же, о девы, привет! Обо мне не забудьте и позже.
Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
«Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?
170 Кто доставляет из них наибольшее вам наслаждение?»
Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем»,
Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно,
175 Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных,
Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.

П. К А П О Л Л О Н У П И Ф И Й С К О М У

Ликией ты, повелитель, владеешь, Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом, желаемым всеми;
Сам же с великою честью на Делосе царствуешь славном

* * * * *

Стопы свои направляет к утесам скалистым Пифона
5 Сын многославной Лето, на блистающей лире играя.
Благоухают на божге одежды бессмертные. Струны
Страстно под плектром звучат золотым на божественной лире.
Мысли быстрее с земли на Олимп перенесшись, оттуда
Входит в палаты он Зевса, в собрание прочих бессмертных.
10 Тотчас желанье у всех появляется песен и лиры.
Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным
И терпеливую стойкость, с какою под властью бессмертных
Люди живут, — неумелые, с разумом скудным, не в силах
15 Средства от смерти найти и защиты от старости грустной.

Пышноволосые девы Хариты, веселые Оры,
Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
За руки взявшись, водить хоровод начинают веселый.
Не безобразная с ними танцует, не малая с виду,—
20 Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,
25 Быстрые ноги мелькают, и пышные вьются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова мать, Лето златокудрая, с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он меж бессмертных.

Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
30 Спеть ли о том, как ты был женихом, как любовью горел ты,
Как приходил, домогаясь Азановой дочери милой,
С Исхием, равным богам, многоконным Елатионидом?
Иль как Форбанта из рода Триопова, иль Амаринфа...
Или, как вместе с Левкиппом и вместе с женою Левкиппа...

* * * * *

35 Пеший, а он на конях.

* * * * *

Или о том, как, замысливши первый для смертных оракул,
Места ища для него, по земле ты бродил, Дальновержец?

Прежде всего в Пиерию ты путь свой направил с Олимпа;
Лакмос, Эматию после того миновал, Эниены,
40 Через Перребы прошел ты. И скоро достиг Иаолка.
В славной судами Евбее на мыс поднимался Кенейский.
Стал пред Лелантской равниной,— но сердце твое не прельстилось
Храм твой на ней заложить и тенистые рощи густые.

После того перешел ты Еврип, Аполлон-дальновержец,
45 И поднялся на зеленую гору святую, с нее же
Быстро сошел в Микалесс и в луга травяные Тевмесса.
В Фивы оттуда пришел ты, дремучим одетые лесом:
Не жили в те времена еще люди в божественных Фивах,
И ни дорог, ни тропинок еще никаких не бежало
50 По хлеборобной равнине фиванской: лишь лес простирался.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей.
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
55 Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает;
Кони ж, не зная вожжей, опустевшей гремят колесницей.
Если с повозкою въедут они в многодревную рощу,—
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
Ибо таков изначально священный обычай: владыке
60 Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
Вскоре достиг ты прекрасно струящейся речки Кефиса,
Льющейся светлотекучей своею водой из Лелеи.
Через Кефис перейдя, миновав Окалейские башни,
65 Ты пересек, Дальновержец, густые луга Галиарта
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты местом спокойным.
Здесь захотел ты свой храм заложить и тенистые рощи,
Встал пред Тельфусою близко и слово такое ей молвил:

«Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм собираюсь.
70 Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безукорные мне гекатомбы,—
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.

75 Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. Увидевши это,
Сильно разгневалась сердцем Тельфуса и слово сказала:

«Феб-дальновержец, владыка, скажу тебе некое слово.
80 Храм заложить благолепный на этом замыслил ты месте,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут тебе приносить безукорные здесь гекатомбы.
Вот что, однако, скажу я тебе, — и подумай об этом:
Топотом будут тебя раздражать быстроногие кони
85 И у божественных наших истоков поймы мулы.
Станет иной тут охотней глядеть на коней пышногривых,
С топотом мчащих в пыли колесницу с отделкой прекрасной,
Чем на великий твой храм и сокровища многие в храме.
Если б, однако, меня ты послушал, — могучей и лучше
90 Ты, о владыка, чем я, и весьма велика твоя сила, —
Храм ты построил бы в Крисе, в долине под снежным Парнасом.
На колеснице прекрасной никто уже там не промчится,
Топот коней быстроногих вокруг алтаря не раздастся.
Станут в безмолвии там племена знаменитые смертных
95 Иэпеану дары приводить, и прекрасные будут
Жертвы окрестных людей доставлять тебе радость большую».

Так говоря, убедила она Дальновержца, чтоб слава
Не Дальновержцу была на земле, а самой ей, Тельфусе.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
100 В город флегийцев, мужей нечестивых и гордых, пришел ты:
Знать не желая о Зевсе, они на земле обитают
Недалеко от болот кефисийских в прекрасной долине.

Быстро оттуда бегом на скалистый хребет поднялся ты.
В Крису пришел наконец, под Парнасом лежащую снежным;
105 Обращена она склоном на запад, над ней нависает
Сверху скала, а внизу глубоко пробегает долина
Дикая. Там-то в душе порешил Аполлон-повелитель
Храм свой построить уютный и слово такое промолвил:

«Вот где прекраснейший храм для себя я воздвигнуть решаю,
110 Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы,—
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
115 В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. На том основанье
Входный порог из камней Трофоний возвел с Агамедом,
Славные дети Эргина, любезные сердцу бессмертных.
120 Вкруг же порога построили храм из отесанных камней
Неисчислимыя роды людей, на бессмертную славу.
Близко оттуда — прекрасно струистый родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука,—
Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
125 Людям беды причинил на земле,— причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам,— бедоносец кровавый.

[Был на вскормление отдан ему златотронною Герой
Страшный, свирепый Тифаон, рожденный на пагубу людям.
Некогда Гера его родила, прогневившись на Зевса,
130 После того как Афины преславную из головы он
На свет один породил. Разъярилась владычица Гера
И средь собранья бессмертных такое промолвила слово:

«Слушайте, слушайте все вы, о боги, и вы, богини,
Как опозорил меня мой супруг, облаков собиратель,—
135 Первый, в то время как я остаюсь женой ему доброй:
Он совоокой Афиной помимо меня разрешился,
Всех остальных превзошедшей блаженных богов олимпийских.
Мной же самую рожденный Гефест между тем оказался
На ноги хилым весьма и хромым между всеми богами...

* * * * *

140 В руки поспешно схватив, и в широкое бросила море.
Но среброногая дочь Нерея Фетида младенца
Там приняла и его меж сестер меж своих воспитала.
Лучше б другим, чем она, угодить постаралась бессмертным...
Жалкий, коварный изменник! Теперь еще что ты замыслишь?
145 Как же один породить светлооую смел ты Афины?
Разве бы я не сумела родить? Ведь твоею женою
Я средь бессмертных зовусь, обладающих небом широким.
Ныне, однако, и я постараюсь, как бы дитя мне,
Не опозоривши наших с тобою священных постелей,
150 На свет родить, чтоб блистало оно между всеми богами.
Больше к тебе на постель не приду. От тебя в отдаленье
Буду я с этой поры меж бессмертных богов находиться».

Молвивши так, от богов удалилась с разгневанным сердцем.
И возложила на землю ладонь волоокая Гера
155 И, сотворяя молитву, такое промолвила слово:

«Слушайте ныне меня вы, Земля и широкое Небо!
Слушайте, боги-Титаны, вокруг Тартара в глуби подземной
Жизнь проводящие,— вы, от которых и люди и боги!
Сделайте то, что прошу я: помимо супруга Кронида,
160 Дайте мне сына, чтоб силою был не слабее он Зевса.
Но превзошел бы его, как Кроноса Зевс превосходит».

Так восклицала. И в землю ударила пышной рукою.
Заколебалась земля живоносная. Это увидев,
Возвеселилась Гера: решила — услышана просьба.
165 И ни единого разу с тех пор в продолжение года
Не восходила она на постель многомудрого Зевса
И не садилась, как прежде, на пышный свой трон, на котором
Часто советы супругу разумные в спорах давала.
В многомолитвенных храмах священных своих пребывая,
170 Тешилась жертвами, ей приносимыми, Гера-царица.
После ж того, как и дней и ночей завершилось течение,
Год свой закончил положенный круг и пора наступила,
Сын у нее родился — ни богам не подобный, ни смертным,
Страшный, свирепый Тифаон, для смертных гибель и ужас.
175 Тотчас дракону его отдала волоокая Гера,
Зло приложивши ко злу. И дракон принесенного принял.
Славным людским племенам причинил он несчастий немало.]

День роковой наступал для того, кто с драконом встречался.
Но поразил наконец-то стрелою его многомошной
180 Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался.
Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалялся:

185 «Здесь ты теперь изгнивай, на земле, вскармляющей
смертных!
Больше, живя, ты не будешь свирепую пагубой людям!
Мирно вкушая плоды многодарной земли, постоянно
Станут они приносить мне отборные здесь гекатомбы.
Ныне от гибели злой не спасти тебя ни Тифозю,
190 Ни злоимянной Химере. На этом же месте сгниешь ты
Силою черной Земли и лучистого Гипериона».

Так он хвалился. Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в *гниль* превратил его силой своею святою.
Вот почему он *Пифоном* зовется теперь, а владыку
195 Мы называем *пифийским*: на месте на этом сгноила
Острога Гелия сила останки свирепого гада.

Здесь только понял в уме своем Феб-Аполлон
дальнострельный,
Из-за чего он обманут прекрасноструистой криницей.
Гневом пылая, пошел он к Тельфусе, достиг ее быстро,
200 Стал очень близко пред нею и слово такое ей молвил:

«Ты обманула, Тельфуса, меня. Не хотела ты, видно,
Местом прелестным владея, струить светлобежную воду.
Славу свою ты зато здесь отныне разделишь со мною».

Так сказавши, скалой завалил каменистое устье
205 Царь — Аполлон-дальновержец, и скрыл под обвалом течение.
Здесь же себе он построил и жертвенник в роще тенистой
Около самой криницы прекраснотекущей. Владыке
Все там возносят мольбы, именуя его *Тельфусийским*.
Так как *Тельфусы* священной течение там посрамил он.

Начал в уме своем тут размышлять Аполлон-дальновержец,
210 Как бы ему и кого из людей привести в это место,
Чтобы жрецами его они стали в Пифоне скалистом.
Жертвы ему приносили б и всем возвещали законы
Золотолукого Феба-властителя, что б ни сказал он,
215 Из-под Парнасской скалы прорицанья давая из лавра.

Так размышляя, узрел он в дали винно-черного моря
Быстрое судно. Везло оно много мужей благородных,
Критян из града Миносова Кноса,— они для владыки...

* * * * *

Ради богатств и товаров они на судне своем черном
220 Плыли в песчанистый Пирос, к родившимся в Пиросе людям.
Вдруг повстречался им Феб-Аполлон. На корабль быстроходный
Высочил он из воды, уподобившись видом дельфину.
Там и остался лежать он чудовищем страшным, огромным.
Из моряков же никто догадаться не мог и не видел...

* * * * *

225 И отовсюду толкал он и тряс корабельные балки.
Молча, объятые страхом, сидели внутри мореходцы;
Не распустили снастей на бокастом судне они черном
И парусов корабля черноносового ставить не стали:
Как они что-либо где укрепили ремнями сначала,
230 Так и поплыли. Порывами Нот быстроходный корабль их
Сзади, с кормы, подгонял. Миновали сначала Малею,
Землю Лаконскую мимо проплыли и Гелос приморский,
Прибыли в Тенар, страну, где царит утешающий смертных
Гелиос; в мягких лугах превосходного этого края
235 Много пасется обычно овец густорунных владыки.
Здесь пожелали они свой корабль задержать и, сошедши,
Дивное диво вблизи осмотреть и глазами увидеть,
Будет ли чудище дальше на днище лежать корабельном
Иль в многорыбную бездну морскую опустится снова.
240 Не подчинился, однако, рулю превосходный корабль их,—
Дальше пошел самовольно вдоль тучного Пелопоннеса:
Легким своим дуновеньем его направлял потихоньку
Царь Аполлон дальнострельный. Дорогу свою совершая,
Судно в Арену пришло, в Аргифею, приятную видом,
245 В Фриос на броне Алфейском и славные зданьями Эпи,
Дальше — в песчанистый Пирос, к родившимся в Пиросе людям.
Круны потом их корабль миновал, и Халкиду, и Диму,
Мимо Элиды священной прошел он,— державы епейцев.
Зевсову радуясь ветру попутному, Феры покинул.

250 И показались вдали из-за облак утесы Итаки,
Следом — Дулихий, и Сам, и Закинф, покрытый лесами.
Пелопоннес целиком обогнул их корабль быстроходный,
И беспредельный Крисейский залив пред глазами открылся,
Пелопоннес плодоносный собой отделивший от суши.
255 Вдруг, при безоблачном небе, бурливо рванул из эфира
С запада ветер великий, по Зевсовой воле, чтоб морем
Горько-соленным как можно скорее промчался корабль их.
Быстро обратной дорогой они на зарю и на солнце
Поплыли. Вел же Кронионов сын, Аполлон-повелитель.
260 К Крисе пришли они, издали видной, богатой лозами,
В гавань. И врезался в берег песчаный корабль мореходный.

Из корабля поднялся тут наверх Аполлон-дальновержец,
Видом средь белого полдня звезде уподобившись; искры
Сыпались густо с нее; достигало до неба сиянье.
265 В храм он спустился, пронесшись дорогой треножников ценных.
Ярко сверкнувши лучами, зажег он в святилище пламя,
И осветилась вся Криса сияньем. И громко вскричали
Жены крисейцев и дочери их в поясах многоценных
От Аполлонова взблеска. И ужас объял их великий.
270 Снова оттуда назад к кораблю он, как мысль, устремился,
Образ принявши весьма молодого и сильного мужа;
Длинные кудри его на широкие падали плечи.
Громко он критян окликнул и слово крылатое молвил:

«Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
275 Едете ль вы по делам иль блуждаете в море бесцельно,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам?
Что так печально сидите вы здесь, отчего не сойдете
На берег вы, отчего не свернете снастей корабельных?
280 Нет меж трудящихся тяжело людей, кто бы делал иначе,

После того как на черном своем корабле быстроходном
К суше пристанет, трудом изнуренный; душой его тотчас
Овладевает желанье великое сладостной пищи».

285 Так он сказал и сердца их отвагою бодрой наполнил.
Критян начальник немедля в ответ ему слово промолвил:

«О чужестранец! Осанкой и всем своим видомходишь
Ты не на смертнорожденных людей,— на бессмертного бога.

* * * * *

Здравствуй! Привет тебе наш! Да пошлют тебе счастье боги!
290 Дай мне, прошу я, правдивый ответ, чтоб доподлинно знать мне:
Что за земля? Что за край? Что за смертные здесь обитают?

В место другое держали мы путь по великому морю,—
В Пилос из Крита: оттуда мы родом, и этим гордимся.
Ныне ж сюда мы пришли с кораблем не по собственной воле,
Плыли б домой мы другою дорогой, другими путями:
295 Против желания кто-то сюда нас привел из бессмертных».

Им, на их речь отвечая, сказал Аполлон-дальновержец:

«Странники! в Кносе, богатом деревьями, вы обитали
Раньше. Но ныне домой вы к себе не воротитесь больше,
300 В город возлюбленный ваш и в прекрасные ваши жилища,
К милым супругам. Но здесь вы получите храм мой богатый,
Здесь вы останетесь жить, почитанием пользуясь общим.
Сын я великого Зевса. Горжуся я быть Аполлоном,
Вас же сюда я привел через великую бездну морскую,
Не замышляя вам зла. Богатейший мой храм во владенье
305 Здесь вы получите, всеми людьми почитаемый много.
Волю бессмертных вы будете знать и, богов изволением,
Станете жить в величайшем почете во вечные веки.
Ну, а теперь поскорее исполните все, что скажу я:
Прежде всего развяжите ремни и спустите ветрила;

310 Сделавши это, ваш черный корабль извлеките на сушу,
Из равнобокого выньте судна все богатства и снасти,
Соорудите мне жертвенник здесь высоко над прибоем,
И разожгите огонь, и ячмень принесите мне в жертву,
И обступите алтарь, и молитву ко мне сотворите.
315 Так как впервые из моря туманного в виде *дельфина*
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь, как *Дельфинию*, и да зовется
Жертвенник этот *дельфийским*. И будет он славен вовеки.
Кончивши, сядьте обедать близ черного вашего судна
320 И возлиянья свершите блаженным богам олимпийским.
После ж того, как свой голод вы сладкой едой утолите,
Вместе идите со мною, пра̀н затянувши, доколе
Вы не придете в страну, где получите храм богатейший».

Так он промовил. Они же приказу его подчинились.
325 Прежде всего развязали ремни и ветрила спустили,
Мачту к гнезду притянули, спустивши ее на канатах,
Сами же вышли на берег крутой многошумного моря.
После того из воды высоко на песок оттащили
Свой быстроходный корабль, укрепив на огромных подпорках.
330 Жертвенник богу воздвигли над берегом шумноприбойным,
Белых насыпали зерен ячменных в огонь разожженный,
Сами же стали вокруг и молились ему, как велел он.
Кончивши, сели обедать вблизи быстроходного судна
И возлиянья свершили блаженным богам олимпийским.
335 После того как желанье питья и еды утолили,
Двинулись в путь. Во главе их пошел Аполлон-дальновержец,
С лирой блестящей в руках, превосходно и сладко играя,
Дивно, высоко шагая. И, топя дружно ногами,
Критяне следом спешили в Пифон и пра̀н распевали,
340 Как распевается песня у критян, которым вложила
В груди бессмертная Муза искусство сладчайшего пенья.

Неутомимо на холм поднимались они и достигли
Вскоре Парнаса и края уютного, где предстояло
Жить им остаться теперь, почитанием пользуясь общим.
345 Храм свой богатый он им показал и святилище в храме.
Но нерешимостью в милой груди волновалась душа их,
И, вопрошая владыку, сказал ему критян начальник:

«О повелитель! Сюда, далеко от друзей и отчизны,
Нас ты завел, ибо так твоему пожелалось сердцу.
350 Как же, однако, мы будем тут жить? Укажи нам, владыка!
Ни виноградников нет, ни лугов в этом крае прелестном,
Чтобы прожить хорошо и не хуже людей оказаться».

И, улыбнувшись, отвечивал им Аполлон дальнострельный:

«Вечно вы ищите духом, нестойкие, глупые люди,
355 Тягостных мук для себя, и забот, и душевных стеснений!
Легкое слово скажу я и в души его заложу вам:
В правую руку возьмите вы жертвенный нож и закланью
Будете скот предавать, что сюда чередой непрерывной
Станут ко мне пригонять племена знаменитые смертных.
360 Храм сторожите священный и роды людей принимайте,
Сколько б сюда ни пришло их, и, волю мою соблюдая...

* * * * *

Если же слово пустое за вами замечу иль дело,
Если проявите гордость, что часто меж смертных бывает,—
Люди другие тогда властелинами станут над вами,
365 И в подчиненье у них навсегда вам придется остаться.
Сказано все. А тебе сохранить это следует в сердце!»

Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

III. К ГЕРМЕСУ

Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
5 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
10 Время пришло,— и свершилось решенье великого Зевса:
13 Сын родился у богини,— ловкач изворотливый, дока,
Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатай, разбойник,
15 В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
[Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона;
Было четвертого это числа, как явился он на свет.]

20 После того как из недр материнских он вышел бессмертных,
В люльке священной своей лишь недолго Гермес оставался:
Вылез и в путь припустился на розыск коров Аполлона,
Через порог перешедши пещеры со сводом высоким.
Там, черепаху найдя, получил он большое богатство.
26 Встретил ее многославный Гермес у наружного входа.
Сочную траву щипала она перед самым жилищем,
Мягко ступая ногами. Увидев ее, рассмеялся
Сын благодетельный Зевса и слово немедля промолвил:

30 «Знаменье очень полезное мне,— и его не отвергну!
Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,
Пира подруга! Откуда несешь ты так много утехи,
Пестрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?
Дай-ка возьму я тебя и домой отнесу: ты нужна мне.
35 Мимо тебя не пройду; мне на выгоду первую будешь.
Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Правда, пока ты жива, то защитой от чар вредоносных
Служишь; зато, как умрешь, превосходною станешь певицей».

Так он сказал. И, руками обеими взяв черепаху,
40 Снова домой воротился, неся дорогую утеху.
Стиснувши крепко руками, резцом из седого железа
Горную стал потрошить черепаху Гермес многославный.
Как через грудь человека, которого злые заботы
Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
45 Как за миганием глаза другое миганье приходит,
Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.
Точно по сделанной мерке нарезав стеблей тростниковых,
Их укрепил он над камнеподобной спиной черепахи,
Шкурой воловьей вокруг обтянул, догадавшись разумно,
50 Пару локтей прикрепил, перекладину сделал меж ними
И из овечьих кишок семь струн приладил созвучных.

Милую эту утеху своими сготовив руками,
Плектром одну за другою он струны испробовал. Лира
Звук испустила гудящий. А бог подпевал ей прекрасно,
55 Без подготовки попробовав петь, как на пире веселом
Юноши острой насмешкой друг друга язвят, не готовясь.
Пел он о Зевсе-Крониде и Майе, прекрасно обутой,
Как сочетались когда-то они в упоенье любовном
В темной пещере; о собственном пел многославном рожденье;
60 Славил прислужников он, и жилище блестящее нимфы,
И изобилие прочных котлов и треножников в доме.
Пел он одно, а другое в уме уж держал в это время.
Кончив, отнес он и бережно спрятал блестящую лиру
В люльке священной своей. И мяса ему вдруг захотелось.
65 Выскочил вон из чертога душистого быстро в пещеру,
Хитрость в уме замышляя высокую: темною ночью
Замыслы часто такие в умах воровских возникают.

Гелий меж тем в Океан опустилсЯ под землю с конями
И с колесницей своею. Сын Майи бежал без оглядки
70 И к Пиерийским горам наконец прибежал многотенным.
Там у блаженных богов на прелестных лугах некошѐных
Стойло имели коровьи стада их, не знавшие смерти.
Быстро полсотни протяжно мычащих коров криворогих
Аргуса зоркий убийца, сын Майи, отрезал от стада.
75 Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,
Перевернувши следы им: повадки он хитрые помнил.
Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
Задние сделал передними, задом и сам подвигался.
Снявши сандалии с ног, на морской он песок их забросил
80 И принялся измышлять несказанные, дивные вещи:
Миртоподобные ветви с ветвями смешав тамариска,
Эти охапки ветвей зеленеющих крепко связал он,
Их под подошвами в виде сандалий искусно приладил

86 Вместе с листвою и пошел, избегая проезжей дороги,
Словно спеша напрямик, чтобы путь сократить себе дальний.
И увидел тут старик, в винограднике землю копавший,
Как чрез богатый травую Онхест на равнину спешил он.
Это заметивши, первым Гермес к старику обратился:

90 «Старец с согнутой спиною! Мотыжишь ты землю усердно.
Только бы вызрели лозы,— вина ты получишь немало!

* * * * *

Если и видишь — не видь! Оглохни, если и слышишь!
Сделайся нем, раз тебе самому здесь не будет убытка!»

Столько сказавши, погнал он гурьбою коров крепколобых.
95 Много в пути за собою Гермес многославный оставил
Гор густотенных, цветущих лугов и шумливых ущелий.
Но уже близкий конец надвигался помощнице черной —
Ночи священной. Вставало к работе зовущее утро.
101 Сын многомогущный Кронида к Алфею-реке в это время
Широколобых коров подогнал Аполлона-владыки.
Бодро приблизилось стадо к загону со сводом высоким
И к водопойным корытам, стоявшим пред лугом прелестным.
105 Вволю протяжно мычащих коров накормивши травую,
Всех их гурьбою направил в пещеру Гермес многославный.
Шли они, клевер жуя и росую обрызганный кипер.
Сам же искусство огонь добывать он измысливать начал.
Ветку блестящую лавра ножом от коры он очистил,
110 Чтоб по руке приходилась. И дым за клубился горячий.
112 Много поленьев набравши сухих, он обильно и тесно
Яму глубокую ими набил. Засветилося пламя
И далеко задышало горячим, плавающим жаром.
115 Силой Гефеста огонь разгорался, а он в это время

Двух крепкорогих, протяжно мычащих коров из загона
Вывел наружу к огню: обладал он великою силой.

Дышащих тяжело коров повалил он спиною на землю,

120 * И, наклонив, опрокинул, и мозг им спинной перерезал.
Дело свершалось за делом. Отрезавши мясо от жира,
Тщательно начал он жарить, на вертел надев деревянный,
Бедрa и спины — почетный кусок — и наполненный черной
Кровью кишечник; а рядом на землю сложил остальное.

Шкуры ж убитых коров на кремнистом утесе развесил:

125 И до сих пор еще те, долговечными ставшие, шкуры
Можно на той же скале увидеть. А потом, разложивши
Жирное мясо на камне широком и гладком, разрезал
Радостнодушный Гермес на двенадцать частей это мясо,
Жребий метнув. И почет соответственный каждой воздал он;

130 Очень хотелось Гермесу попробовать мяса от жертвы:
Хоть и бессмертен он был, раздражал его ноздри призывно
Запах приятный. Но дух его твердый ему не позволил

* Жертвенной шеи священной попробовать, как ни тянуло.

Часть приношенья сложил он в загоне со сводом высоким, —

135 Мясо обильное, сало; другую ж на воздух вознес он,

* Нового знак воровства. И, сухих набросавши поленьев,

Ноги и головы все целиком сожжению предал.

После того как исполнил он все сообразно обряду,

В водовороты Алфея сын Майи сандалии бросил,

140 Угли костра затушил и по воздуху пепел развеял.

142 Утром, едва рассвело, на священные главы Киллены
Снова вернулся Гермес. И на длинном пути никого он
Ни из бессмертных богов, ни из смертнорожденных не встретил.

145 Даже собаки молчали. И Зевсов Гермес-благодаеть,
Съевшись, в дом сквозь замочную скважину тихо пробрался,
Ветру осеннему или седому подобный туману.

150 Там в колыбельку поспешно улегся Гермес многославный.

Плечи окутав пеленкой, лежал он, как глупый младенец,
В руки простынку схватил и ею играл вокруг коленок.
Лиру же милую слева под мышкой прижал. Но не смог он
Скрыться от матери,— бог от богини. И молвила Майя:

155 «Выдумщик хитрый! Откуда сюда, облеченный бесстыдством,
Ты возвращаешься ночью глухой? погоди, мой голубчик!
Крепкими узами скрутит по ребрам тебя Дальновержец,
И под тяжелой рукой Летоида пойдешь ты отсюда,—
160 Либо же впредь воровством заниматься начнешь по долинам.
Прочь убирайся, несчастный! Ведь вот на какую заботу
Людам и вечным богам произвел тебя на свет отец твой!»

Матери тотчас Гермес хитроумный отвечивал речью:

«Мать! Не пугай, не старайся! Меня запугать не удастся!
Или меня ты считаешь младенцем невинным и глупым? —
165 Видит, разгневалась мать,— испугался младенец, затрясся.—
Знай, заниматься я стану искусством, из всех наилучшим:
* Будем мы в день изо дня скотоводничать вместе с тобою.
И уж тогда без даров и молитв меж блаженных бессмертных
Нам не придется с тобой никогда оставаться, как ныне.
170 Много приятней с богами бессмертными вечно общаться,
В полном довольстве, в богатстве, с запасами хлеба, чем дома
В сумрачной этой пещере сидеть. И с великою честью
Буду такую ж, как Феб, отправлять я священную службу.
Ну, а не даст мне ее мой родитель,— так что же? Другое
175 Я попытаю: могу предводителем жуликов стать я.
Если же здесь меня сын многославной Лето и отыщет,—
Штуку другую, куда покрупней уж, ему я устрою:
Тотчас отправлюсь в Пифон, проломаю дворцовую стену,
Вдоволь котлов и прекрасных треножников там наворую,
180 Золота вдоволь себе наберу с искрометным железом,
Много и разной одежды. Увидишь сама, коль захочешь»

Так они оба словами вели меж собой разговоры,—
Зевса эгидодержавного сын и почтенная Майя.

185 СмЕРТНЫМ несущая свет, спозаранку рожденная Эос
Из Океана вставала глубокотекущего. Прибыл
Феб в это время в Онхест, многомилую рошу святую
Земледержателя громко шумящего. Там увидел он:
* Скармливал изгородь старец волу в стороне от дороги.
Первым сын многославной Лето к старику обратился:

190 «Старец, срыватель колючек в Онхесте, богатом травую!
Из Пиерии пришел я, ищу я мой скот запропавший:
Все это были коровы из стада, с кривыми рогами.
Бык же пасся один, от других в отдалении, черный;
Огненнооких четыре собаки за стадом ходили,
195 Дружно его охраняя, как будто разумные люди.
Бык и собаки остались — и это особенно странно,—
Все же коровы, как только стемнело, куда-то исчезли,
Мягкий покинувши луг и от вкусной травы удалившись.
Вот что, о древнерожденный старик, мне скажи, не видал ты,
200 Не прогонял ли какой человек их по этой дороге?»

И Аполлону словами ответил старик и промолвил:

«Друг! Нелегко рассказать обо всем, что придется глазами
Видеть кому: по дороге тут путников много проходит.
Эти идут, замышляя худые дела, а другие —
205 Очень хорошие. Где там узнать, что у каждого в мыслях?
Я же весь день непрерывно, покуда не скрылося солнце,
Землю прилежно копал в винограднике, там вот, на склоне.
Точно, хороший, не знаю, однако мальчишку я словно
Видел, который мальчишка коров подгонял крепкорогих.
210 Малый младенец, с хлыстом. И, ступая, усердно вертелся,
Взад он коров оттеснял, с головою, к нему обращенной».

Так он сказал. Аполлон поскорее отправился дальше.
Вдруг быстрокрылую птицу узрел он и понял тотчас же,
Что похититель — родившийся сын Громовержца-Кронида.
215 Чтобы коров отыскать тяжконогих, в божественный Пилос
Быстро направил шаги Аполлон-повелитель, сын Зевса,
Облаком темно-багряным покрывши широкие плечи.
И увидел Дальновержец следы, и промолвил он слово:

«Боги! Великое чудо своими глазами я вижу!
220 Вот на дороге следы предо мною коров круторогих,
Снова, однако, они повернули на луг асфодельный.
Эти же вот отпечатки — ни женщины след, ни мужчины,
Также ни серого волка, ни дикого льва, ни медведя;
И не сказал бы я также, что это кентавр густогривый
225 Быстрым копытом своим тот чудовищный след наворочал.
Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче».

Так сказавши, пошел Аполлон-повелитель, сын Зевса.
Вскоре пришел он на гору Киллену, заросшую лесом,
К густотенистой пещере в скале, где бессмертная нимфа
230 Милого сына на свет родила Громовержцу-Крониду.
Склоны священной горы той окутывал запах прелестный.
Много овец легконогих паслося на пастбище мягком.
Там, через каменный входный порог торопливо шагнувши,
В сумрак тенистый пещеры сошел Аполлон-дальновержец.

235 Только завидел сын Зевса и Майи могучего Феба,
Из-за пропавшего стада горящего гневом ужасным,
Быстро нырнул он в пеленки душистые. Как под покровом
Пепла скрывается куча углей, раскаленных и ярких,
Так под пеленками скрылся Гермес, увидев Дальновержца.
240 Голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек,
Только что будто из ванны, приятнейший сон предвкушая,
Хоть и не спящий пока. А под мышкой держал черепаху.

Сразу узнал — не ошибся — Кронионов сын

дальнострельный

Майю, горную нимфу прекрасную, с сыном любезным,
245 Малым младенцем, исполненным каверз и хитрых уловок.
Все оглядев закоулки жилища великого нимфы,
Ключ захватил он блестящий и три отомкнул кладовые:
Нектаром были они и приятной амвросией полны,
Золота много хранили внутри, серебра и блестящих
250 Платьев серебряно-белых и пурпурных нимфы прекрасной,—
То, что обычно хранится в священных домах у бессмертных.
Все оглядевши места потайные великого дома,
С речью такой Аполлон-Летоид обратился к Гермесу:

«Мальчик! Ты! В колыбели! Показывай, где тут коровы?
255 Живо! Не то мы с тобою неладно расстанемся нынче!
Ибо тебя ухвачу я и в Тартар туманный заброшу,
В сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют
Вывести оттуда обратно ни мать, ни отец твой великий.
Будешь бродить под землю, погибших людей провожая».

260 Тотчас лукавою речью Гермес отвечал Аполлону:
«Сын Лето! На кого ты обрушился словом суровым?
Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц поля?
Видом твоих я коров не видал, и слухом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это.
265 Я ли похож на коров похитителя, мощного мужа?
Нет мне до этого дела, совсем я другим озабочен:
Сон у меня на уме, молоко материнское — вот что.
Мысли мои — о пеленках на плечи, о ванночке теплой.
Как бы нас кто не услышал, чего ради спор происходит:
270 Право, великое было бы то меж бессмертными чудо,
Если бы новорожденный ребенок да выскочил за дверь,
Чтобы коров воровать. Несуразную вещь говоришь ты!

Я лишь вчера родился, ноги нежны, земля камениста.
Хочешь, великою клятвой — отца головой — поклянуся,
275 Что и ни сам я ничем в этом деле ничуть неповинен,
И не видал никого, кто украл. Да притом и не знаю,
Что за коровы бывают: одно только имя их слышал».

Так он ответил и начал подмигивать часто глазами,
Двигать бровями, протяжно свистать и кругом озираться,
280 Чтоб показать, сколь нелепой считает он речь Аполлона.
И, добродушно смеясь, отвечал Аполлон-дальновержец:

«О мой голубчик, хитрец и обманщик! Я чую, как часто
Будешь в дома хорошо населенные ты пробираться
Темною ночью, — как много народу дотла ты очистишь,
285 Делая в доме без шума свою воровскую работу.
Много и в горных долинах ты бед принесешь овцепасам,
Жизнь проводящим под небом открытым, когда, возжелавши
Мяса, ты встретишься с стадом коров и овец руноносных.
Если, однако же, сном ты последним заснуть не желаешь,
290 Черной ночи товарищ, — вставай, покидай колыбельку!
Почесть же эту, мой друг, и потом меж богов ты получишь:
Будешь главою воров называться во вечные веки».

Так сказал Аполлон. И, схвативши, понес он мальчишку.

В руки попав Дальновержца, в уме своем принял решенье
295 Аргоубийца могучий и выпустил знаменье в воздух, —
Наглого вестника брюха, глашатая с запахом гнусным;
Вслед же за этим поспешно чихнул он. Услышавши это,
Наземь из рук Аполлон многославного бросил Гермеса,
Сел перед ним, хоть и очень с дальнейшим путем торопился,
300 И, над Гермесом глумясь, такое сказал ему слово:

«Не беспокойся, пеленочник мой, сын Зевса и Майи:
Время придет, и позднее найду я по знаменьям этим
Крепкоголовых коров. И дорогу мне ты не укажешь!»

305 Так он промолвил. И быстро Гермес поднялся килленийский
И побежал, поспешая за Фебом. К ушам он руками
Крепко пеленку прижал, облакавшую плечи, и молвил:

310 «О Дальновержец, в богах силачина! Куда меня мчишь ты?
Из-за каких-то коров, разозлившись, ты так меня треплешь.
Пусть бы пропало все племя коров! Да клянусь же, не крал я
Ваших коров, не видал никого, кто украл, и не знаю,
320 Что за коровы бывают. Одно только имя их слышал.
Дай же ты мне и прими правосудье пред ликом Кронида!»

315 Так, препираясь, подробно в отдельности все перебрали
Пастырь овечий Гермес с Аполлоном далекоразящим,
Разное в сердце имея: один — говорящий лишь правду,
Знающий верно, что снапал того за коров не напрасно,
Тот же, другой, Киллениец, — коварно ласкательной речью
Только хотел обмануть Аполлона с серебряным луком.
Но не сумел многохитрый от многоразумного скрыться,
320 И, поспешая, шагал он теперь по песчаной дороге
Спереди, сзади же, следом за ним — Аполлон-дальновержец.

325 Прибыли скоро на многодушистые главы Олимпа
К Зевсу-родителю оба прекрасные сына Кронида.
Там ожидали того и другого весы правосудья.
Ясен и тих был Олимп многоснежный. Толпою сбирались
Боги бессмертные после восхода Зари златотронной.
Остановились Гермес с Аполлоном серебрянолуким
Перед коленями Зевса. И Зевс, в поднебесье гремящий,
Спрашивать сына блестящего начал и слово промолвил:

330

«Феб! Откуда несешь ты богатую эту добычу,—
Мальчика, только что на свет рожденного, с видом герольда?
Важное дело, я вижу, встает пред собранием бессмертных!»

Царь Аполлон дальнострельный немедля в ответ ему молвил:

«О мой родитель! Услышишь сейчас не пустое ты слово:

335

Ты ведь смеялся, что я лишь один до добычи охотник.
Путь совершивши великий, нашел я в горах Килленийских
Этого вот негодяя мальчишку — плута продувного.
В мире мошенников много,— такого, однако, ни разу
Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не

встречал я.

340

Выкрал он с мягкого луга коров у меня и погнал их
Вечером поздно песками прибрежными шумного моря.
К Пиросу он их пригнал. Но на диво чудовищны видом
Были следы их,— деянье поистине славного бога!

345

В черной пыли подорожной коровьих следов отпечатки
Шли в направленье обратном опять к асфодельному лугу.
Неуловимый же этот хитрец за коровами следом
Сам не ногами ступал, не руками по почве песчаной:
Способ измыслив какой-то особый, следы натоптал он
Столь непонятные, словно ступал молодыми дубами!

350

Первое время с коровами шел он по почве песчаной,
И отпечатались ясно следы их в пыли подорожной.

355

После ж того, как песчаной дороги прошел он немало,
Сделалась твердою почва; и стал на дороге не виден
След ни его, ни коров. Но один человек заметил,
Как направлялся со стадом лобастых коров он на Пирос.
После того как коров преспокойно куда-то он запер,
Накуролесивши в разных местах в продолженье дороги,—
С черною сходствуя ночью, залег он в свою колыбельку,

360 В темной пещере, во мраке. И даже орел остроглазый
Там рассмотреть бы его не сумел. И руками усердно,
Хитрые замыслы в сердце питая, глаза протирал он.
А на вопрос мой тотчас же решительным словом ответил:
Видом твоих я коров не видал, и слухом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это!»

365 Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на место.
Начал с своей стороны и Гермес отвечать, и промолвил,
И указал на Кронида, богов олимпийских владыку:

«Зевс, мой родитель! Всю правду, как есть, от меня ты
услышишь.

Правдолюбив я и честен душою и лгать не умею.
370 Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров, и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных.
Дать указанья приказывал мне с принуждением великим,
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий.
375 Он-то вон в нежном цвете многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился,— он и сам это знает,—
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.
Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься

милым:

Если коров я домой пригонял,— да не буду я счастлив!
380 И за порогом я не был совсем, говорю тебе верно!
Гелия я глубоко уважаю и прочих бессмертных,
Также тебя я люблю и вот этого чту. И ты знаешь
Сам, как невинен я в том. Поклянуса великою клятвой:
Этой прекрасною дверью бессмертных клянусь,— невиновен!
385 А уж за обыск я с ним сосчитаюся так или этак,
Будь он как хочешь силен! Ты ж тому помогай, кто моложе!»

Кончил Киллениец и глазом хитро подмигнул Громовержду.
Так и висела на локте пеленка,— ее он не сбросил.
Расхохотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
890 Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.
И приказал он обоим с согласной душою на поиск
Вместе идти, а Гермес чтоб указывал путь, как вожатый,
И чтоб привел Аполлона-владыку, умом не лукавя,
К месту, в котором коров крепколобых его он запрятал.
395 Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилья.

Оба прекрасные сына владыки Кронида поспешно
Прибыли в Пилос песчаный, лежащий на броне Алфейском,
К полю пришли наконец и к загону со сводом высоким,
400 Где сберегал он добычу свою в продолжение ночи.
Тут многославный Гермес, подойдя к каменистой пещере,
Крепкоголовых коров Аполлоновых вывел наружу.
В сторону взор Летоид обратил, на высоком утесе
Шкуры коровьи заметил и быстро к Гермесу промолвил:

405 «Как же, однако, сумел ты, хитрец, две коровы зарезать,—
Этакий малый младенец, едва только на свет рожденный?
Будущей силы твоей я страшусь. Невозможно позволить,
Чтобы ты вырос большой, о Майи сын, Киллениец!»

Так он промолвил и прутьями ивы скрутил ему крепко
410 * Руки. Но сами собою на нем распустилися узы
И, перепутавшись, тотчас к ногам его наземь упали...

* * * * *

413 По измышленью Гермеса, лукавого бога. Увидел
Феб-Аполлон и весьма изумился. Усердно моргая,
415 Аргоубийца могучий оглядывал искося местность...

* * * * *

Спрятать пытаюсь. И очень легко, как желал, успокоил
Сердце он сына Лето многославной, царя-Дальновержца,
Как тот ни был могуч. Положивши на левую руку,
Плектром испробовал струны одну за другою. Кифара
420 Звук под рукою гудящий дала. Аполлон засмеялся,
Радуясь; в душу владыки с божественной силой проникли
Эти прелестные звуки. И всею душою он слушал,
Сладким объятый желаньем. На лире приятно играя,
Смело сын Майи по левую руку стоял Аполлона.
425 Вскоре, прервавши молчанье, под звонкие струнные звуки
Начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос.
Вечноживущих богов воспевал он и темную землю,—
Как и когда родились и какой кому жребий достался.
Первою между богинями он Мнемосину восславил,
430 Матерь божественных Муз: то она вдохновляла Гермеса.
Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился,
И по достоинству стал воспевать сын Зевса преславный,
Все излагая прекрасно. На локте же лиру держал он.
Неукротимой любовью душа разгорелась Феба,
435 И, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:

* «О скоторез, трудолюбец, искусник, товарищ пирушки,
Всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за это!
Мирно отныне с тобою, я думаю, мы разойдемся.
Вот что, однако, скажи мне, о Майи сын многохитрый:
440 Дивные эти деянья тебе от рожденья ль присущи,
Либо же кто из бессмертных иль смертных блистательным этим
Даром тебя одарил, обучив богогласному пенью?
Слушаю я этот дивный, доселе неслышанный голос,—
Нет, никогда не владел тем искусством никто ни из смертных,
445 Ни из бессмертных богов, в Олимпийских чертогах живущих,
Кроме тебя одного, сын Зевса и Майи, воришка!
Что за искусство? Откуда забвенья забот с ним приходит?

Как научиться ему? Три вещи дает оно сразу:
Светлую радостность духа, любовь и сон благодатный.
450 Сопровождаю и сам я божественных Муз олимпийских,
Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
Пышно цветущие песни и страстные флейт переливы.
Но никогда ни к чему еще сердце мое не лежало
Больше, чем к этим деяньям искусным, явленным тобою.
455 Сын Кронидов, игре превосходной твоей удивляюсь!
Хоть невелик ты, но что за прекрасные знаешь ты вещи!
Сядь же, голубчик, и слово послушай того, кто постарше.
Ныне же славу великую ты меж бессмертных получишь,—
Верно тебе говорю я,— и сам ты, и мать твоя также.
460 Этим тебе я клянуся кизиловым дротиком крепким:
Славным тебя и богатым я сделаю между богами,
Пышных даров надарю и ни в чем никогда не надую!»

Речью лукавою Фебу Гермес отвечал многославный:

«Как осторожно меня ты пытаешь! А мне бы завидно
465 Не было вовсе, когда бы искусство мое изучил ты.
Нынче ж узнаешь. Желаю тебе от души угодить я
Словом своим и советом: ведь все тебе ведомо точно.
Ибо на первом ты месте сидишь меж богов всеблаженных,
Смелый душой и могучий. И любит тебя не напрасно
470 Зев-промыслитель. По праву так много даров и почета
Ты от него получил. Говорят, прорицать ты умеешь
С голоса Зевса-отца: ведь все прорицанья от Зевса.
Ныне ж и сам я узнал хорошо, до чего ты всеведущ.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь.
475 Так как, однако, желаешь душой на кифаре играть ты,—
* Пой и играй на кифаре и праздник устраивай пышный,
В дар ее взяв от меня. Ты же, друг, дай мне славу за это.

Звонкую будешь иметь на руках ты певицу-подругу,
Сможет она говорить обо всем хорошо и разумно.
480 С нею ты будешь желанным везде,— и на пире цветущем,
И в хороводе прелестном, и в шествии буйно веселом.
Радость дает она ночью и днем. Кто искусно и мудро
Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши,—
Много приятных для духа вещей он узнает чрез звуки,
485 * Тешиться нежными станет привычками с легкой душою
И от работы несчастной забудется. Если же неуч
Грубо за струны рукою неопытной примется дергать,
Будет и впредь у него дребезжать она плохо и жалко.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь.
490 Сын многославный Кронида, тебе отдаю эту лиру!
Мы же на пастбищах этой горы и равнины привольной
Будем пасти, Дальновержец, коров, обитательниц поля.
И в изобилии станут коровы, сопрягшись с быками,
Нам и бычков и телушек рожать. А тебе не годится,—
495 Как бы о выгоде ты ни заботился, гневаться слишком!»

Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял.
Сам же Гермесу вручил он блистающий бич свой и отдал
Стадо коровье в подарок. И с радостью принял сын Майи.
В левую руку тотчас же кифару Гермесову взявши,
500 На многоснежный Олимп воротились, в собрание бессмертных,
Лирию тешась. И радость взяла промыслителя-Зевса.

* * * * *

Дружбу меж ними возжег он. И с этого времени крепко
И нерушимо навеки Гермес возлюбил Летоида,
Милую дав Дальновержцу кифару как знаменье дружбы.
510 И, обучившись приемам, играл он, с кифарой на локте.
Сам же Гермес изобрел уж искусство премудрости новой:
Тотчас создал далеко разносящийся голос свирелей.

И обратился к Гермесу тогда Летоид со словами:

«Очень боюсь я, сын Майи, вожатый, на выдумки хитрый,
515 Как бы кифары моей не стянул ты и гнутого лука:
Ибо в удел тебе Зевсом дано всевозможные мены
Производить между смертных людей на земле многодарной.
Если б, однако, великою клятвой богов поклялся ты,—
Либо кивком головы, либо Стикса могучей водою,—
520 Все бы тогда мне приятным и милым ты сделал для сердца».

И головою кивнул знаменитый Гермес, обещаясь
Не воровать никогда ничего из имущества Феба,
Не приближаться и к прочным палатам его. И ответно
Клятву в союзе и дружбе принес Аполлон дальнострельный —
525 В том, что милее не будет ему ни один из бессмертных,—
Ни человек, от Кронида рожденный, ни бог.

«Превосходным

* Будешь посредником ты у меня меж людьми и богами,
Веры достойным моей и почтенным. Поздней тебе дам я
Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из злата.
530 Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
* Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
Сколько бы я их ни знал по внушению вещему Зевса.
Что ж до гаданий, которым ты, друг, научиться желаешь,
Этой наукой владеть не дано ни тебе, ни другому.
535 Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
Знать ни единый не будет решений обдуманных Зевса.
Так не настаивай также и ты, златожезленный брат мой,
540 Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещие мысли.
Вред я несу одному человеку и пользу другому:
Много имею я дела с родами несчастными смертных.

И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
Лету и голосу птицы надежной, ко мне обратится:
545 Тот от оракула пользу получит, не будет обманут,
Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги,—
Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.
550 Но расскажу я тебе и другое, сын Майи преславной
И Эгиоха-Кронида, в богах божество-благодаеть!
Некие Фрии на свете живут, урожденные сестры,
Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы.
Трое числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
555 А обитают они в углублень Парнасской долины,
Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
К сотам они приникают и каждый дотла очищают.
560 Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда,—
Всею душою хотят говорить они чистую правду.
Если же сладостной пищи богов не отведают нимфы,
Тех, кто доверится им, поведут безо всякой дороги.
Их я тебе отдаю. Обо всем вопрошая подробно,
565 Тешь себе душу. А если гадать ты и смертному станешь,
Часто твоих прорицаний запросит он: лишь бы сбывались!
Это возьми ты, сын Майи, и стадо коров криворогих.
На попеченье прими лошадей и выносливых мулов...

* * * * *

Огненноокие львы, белоклыкие вепри, собаки,
570 Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой,—
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!
Быть лишь ему одному посланцом безупречным к Аиду.
* Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет».

Так возлюбил Дальновержец Гермеса, рожденного Майей,
575 Всяческой дружбой. А прелесть придал их союзу Кронион.
Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.

Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
580 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

IV. К А Ф Р О Д И Т Е

Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожденье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
5 Скольким из них ни дает пропитанье земля или море.
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея.
Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины,—
Мало лежит ее сердце к делам многозлатной Киприды.
10 Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожей нежной она обучила в чертогах
15 Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.
Также не в силах Киприда улыбкалюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями,

Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
20 Роши, богатые тенью, и город мужей справедливых.
Дел Афродиты не любит и скромная дева-Гестия,
Перворожденная дочь хитроумного Крона-владыки,
Снова ж потом и последнерожденная, волею Зевса.
Феб-Аполлон добивался ее, Посейдон-земледержец,—
25 Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала,—
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличие прекрасное Зевс в возмещение безбрачья:
30 Жертвенный тук принимая, среди дома она восседает;
С благоговением богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она, как первойшая между богами.

Этих троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избегнуть ее никому невозможно,
35 Будь то блаженные боги иль смертнорожденные люди.
Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды,—
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
Стоило лишь пожелать ей — сводила со смертной женою
40 И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным.
Славную Крон хитроумный и мать Рея родили.
Знающий вечные судьбы, властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.

45 Но и саму Афродиту зажег сладострастным желаньем
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Что не смогла и она не взойти к человеку на ложе
И чтоб нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,

50 Как она с женами сводит земными богов всеблаженных,
И сыновей для бессмертных богов они смертных рождают,
Как и с мужами земными блаженных богинь она сводит.

Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу,
Пас в это время быков на горах он высоковершинных
55 Иды, богатой ключами,— осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбкалюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожделенье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой
душистый

В Пафосе: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
60 В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери.
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
Маслом бессмертным, какое обычно для вечно живущих.

64 Чудной облекшись одеждой и все превосходно оправив,
65 Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный
И понеслась Афродита улыбкалюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную мать.
Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
70 Серые волки вослед за богинею шли и медведи,
Огненноокие львы и до серн ненасытные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.
В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас
По двое все разошлись по логом тенистым. Она же
75 Прямо к пастушьим куреням приблизилась, сделанным прочно.
Там-то Анхиза-героя нашла. В отдаленье от прочих,
Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.
Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравистым
Все остальные. От них вдалеке, он туда и обратно
80 По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя.

Встала внезапно пред ним Афродита, Кронидова дочь,
Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
Чтобы Анхиз не пугался, ее увидавши глазами.

Он же, увидев богиню, в уме размышлял и дивился
85 Виду и росту ее и блестящим ее одеяньям.
Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
Ярко блестели на теле витые запястья и пружки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья,
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
90 Месяц вокруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.
Страсть овладела Анхизом. Он слово навстречу ей молвил:

«Здравствуй, владычица, в это жилище входящая,— кто бы
Ты ни была из блаженных,— Лето, Артемида, Афина,
Иль Афродита златая, иль славная родом Фемида!

95 Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся?
Или ты нимфа — из тех, что источники рек населяют,
Влажногустые луга и прекраснотенистые рощи?
Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной?

100 Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров,
Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем постоянно
Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских,
Даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай
105 Так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго
Жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой».

Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:

«Славный Анхиз! Из мужей, на земле порожденных,
славнейший!
Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.

110 Смерти подвержена я. И жена родила меня, мать.
Славноименный Отрей — мой отец, коли слышал о нем ты.
Царствует он нераздельно над всей крепкостенной Фригией.
Но языком хорошо я и нашим и вашим владею,
Ибо меня воскормила троянка-кормилица дома,
115 Девочкой малой принявши от матери многолюбимой.
Вот почему хорошо языком я и вашим владею.
Ныне же Аргобийца с лозой золотою из хора
Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды:
Много нас, нимф, веселилось и дев, для мужей вожделенных,
120 И неисчетные толпы венком хоровод окружали.
Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.
Нес он меня через земли, являвшие труд человека,
Нес и чрез дикие земли, лишенные меж, на которых
Лишь плотоядные звери блуждают по логом тенистым;
125 Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
Он мне сказал, что на ложе Анхиза законной супругой
Я призываюсь взойти и детей народить тебе славных.
Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
Аргобийца могучий в собрание прочих бессмертных.
130 Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
Именем, ибо худые такого, как ты, не родили б!
Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты
И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,
135 Также и близким, с тобой находящимся в родственных связях,
Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду?
Быстрого вестника тотчас пошли к резвоконным фригийцам,
Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжко скорблящей.
Золота много они тебе вышлют и тканой одежды.
140 Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
Чтоб оценили его и бессмертные боги и люди».

Так говорила и сладким желаньем наполнила душу.
Страсть овладела Анхизом; он слово сказал и промолвил:

145 «Если ты смертная впрямь и жена родила тебя матерь,
Если отец твой — Отрей знаменитый, как ты утверждаешь,
Если ты здесь по решенью бессмертного Аргоубийцы
И навсегда суждено тебе быть мне законной женою,—
150 То уж никто из богов и никто из людей земнородных
Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою
Тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-дальновержец
Луком серебряным слал на меня многостонные стрелы!
Мне бы хотелось, о дева, богиням подобная видом,
Ложе с тобой разделивши, спуститься в жилище Аида!»

155 Руку он взял Афродиты улыбкалюбивой. Она же,
Светлый потупивши взор, повернулась и тихо скользнула
К посланной пышно постели. Там сложено было уж раньше
Ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
Шкурами тяжко рыкающих львов и косматых медведей,
160 Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхизом.
Рядом воссели они на прекрасно устроенном ложе.
Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела —
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
Пояс потом распустил, и сиявшие светом одежды
165 С тела богини совлек и на стуле сложил среброгвоздном.
И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.

В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют
С тучными овцами к дому, с цветами усыпанных пастбищ,
170 Крепкий и сладостный сон излила на Анхиза богиня,
С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.
Все со вниманьем вокруг тела оправив, у самого входа

Остановилась богиня богинь, головой достигая
Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
175 Той красотой нетленной, какую славна Киферея.
И пробудила от сна, и такое промолвила слово:

«Встань поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне
непробудном?

Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
Деве, какую сначала меня ты увидел глазами».

180 Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
И увидел он глаза и прекрасную шею Киприды,
И ужаснулся душою, и, в сторону взор отведя,
Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал,
И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:

185 «Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
Понял я, кто ты, и понял, что ты мне неправду сказала.
Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю:
Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался
Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет
190 Тот человек, кто с бессмертной богиней ложе разделит!»

И отвечала ему Афродита, Кронидова дочь:

«Славный Анхиз! Из людей, на земле порожденных,
славнейший!

Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
195 Зол испытать никаких: олимпийцы к тебе благосклонны.
Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится.
Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной.
Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном
Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.

200 Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем,—
205 Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко,—
Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
Сына его дорогого умчало божественным вихрем.
Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
210 Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещение за сына,
Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.
Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.
215 После того как услышал он Зевсово это известье,
Трос горевать перестал, и душою внутри веселился,
И, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих.
Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос,—
Тоже из вашего рода и видом подобного богу.
220 С просьбой прибегла она к чернотучему Зевсу-Крониду,
Сделать бессмертным его, чтобы жил он во вечные веки.
Зевс головою на это кивнул и исполнил желанье.
Глупая! Вон из ума упустила владычица Эос
Вымолить юность ему, избавленье от старости жалкой.
225 Первое время, пока многомилою юностью цвел он,
Рано рожденною он наслаждался Зарей златотронной,
Близ океанских течений у граней земли обитая.
С той же поры, как сединки в его волосах появились
На голове благородной и на подбородке прекрасном,
230 Ложе его посещать перестала владычица Эос,
Но за самим продолжала ходить и амвросией сладкой,
Пищей кормила его, одевала в прекрасное платье.

После ж того, как совсем его грозная старость настигла
И ни единого члена не мог ни поднять он, ни двинуть,—
235 Вот каковое решенье представилось ей наилучшим:
В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
Сила, которою были исполнены гибкие члены.
Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
240 Между блаженных бессмертных ты жил бесконечною жизнью.
Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом
Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит,—
245 Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
Трудная, полная горя, которой и боги боятся.
Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время
Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
Раньше боялися боги моих уговоров и козней,
250 Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею.
Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
255 Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..
После того как впервые от солнца сиянье увидит,
Горные нимфы с грудями высокими вскормят младенца,—
Здесь обитают они, на горе на божественной этой.
Род их — особый; они не бессмертны, но также не смертны:
260 Долгое время живут, амвросийной питаются пищей
И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
Их в закоулках уютных пещер заключают в объятья
С лаской любовной Силены и Аргуса зоркий убийца.
С ними, как только родятся они, появляются на свет
265 Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,

Либо высокие дубы, прекрасные зеленью пышной.
Стройно стоят и высоко. Священною рощей бессмертных
Их называют. И люди рубить их железом не смеют.
Но наступает судьбою назначенный час умиранья —
270 И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
В это же время и души тех нимф растаются со светом.
Сына они моего у себя воспитают и вскормят.
После ж того, как впервые придет к нему милая юность,
275 Мальчика нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
278 Милый свой отпрыск впервые когда ты увидишь глазами,
Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен,
280 Мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.
Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей
В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
То отвечай,— и навеки запомни мое приказанье,—
Что родила тебе сына того цветколикая нимфа,—
285 Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь безрассудно,
Что сочетался в любви с Кифереей прекрасновеночной,—
Зевс тебя в гневе низвергнет, обугливши молнией жгучей.
Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:
290 Не проболтайся, сдержись,— трепещи перед гневом
бессмертных!»

Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла.

Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

V. К ДЕМЕТРЕ

 Пышноволоосу петь начинаю Деметру-богиню
С дочерью тонколодыжной, которую тайно похитил
Аидоней, с изволения пространно гремящего Зевса.
Не было матери с ней, златосерпой Деметры, в то время.
5 В сонме подруг полногрудых, рожденных седым Океаном,
Дева играла на мягком лугу и цветы собирала,
Ирисы, розы срывая, фиалки, шафран, гиацинты,
Также нарциссы,— цветок, из себя порожденный Землею,
По наущению Зевса, царю Полидекту в угоду,
10 Чтоб цветколицую деву прельстить — цветок благовонный,
Ярко блистающий, диво на вид для богов и для смертных.
Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
Благоуханью его и вверху все широкое небо,
Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море.
15 Руки к прекрасной утехе в восторге она протянула
И уж сорвать собиралась, как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины, и прынул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный.

Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице
20 Быстро помчал. Завопила пронзительным голосом дева,
Милого клича отца, высочайшего Зевса-Кронида.
Но не услышал призыва ее ни один из бессмертных.
Слышала только из темной пещеры Персеева дочь,
25 Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева.
Слышал и Гелиос-царь, Гиперионов сын лучезарный,
Как призывала богиня Кронида-отца. Но далеко
В многомолитвенном храме отец пребывал в это время,
От земнородных людей принимая прекрасные жертвы.
30 Деву же, против желанья ее, наущением Зевса,
Прочь от земли на бессмертных конях увлекал ее дядя,
Гостеприимец-властитель, сын Кроноса многоименный.
Все же, покамест земля и богатое звездами небо,
И многорыбное, сильно текущее море, и солнце
35 С глаз не исчезли у девы,— надежды она не теряла
Добрую мать увидеть и племя богов вековечных:
В горькой печали надежда ей все еще тешила душу...

* * * * *

Ахнули тяжело от вопля бессмертного темные бездны
Моря и горные главы. И вопль этот мать услышала.
40 Горе безмерное остро пронзило смущенное сердце.
Раздрала на бессмертных она волосах покрывало,
Сбросила с плеч сине-черный свой плащ и на поиски девы
Быстро вперед устремилась по суше и влажному морю,
Как легкокрылая птица. Но правды поведать никто ей
45 Не захотел ни из вечных богов, ни из смертнорожденных,
И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью.

Девять скиталася дней непрерывно Део пречестная,
С факелом в каждой руке, обходя всю широкую землю,
И не вкусила ни разу амвросии с нектаром сладким,

50 Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою.
Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос,
Встретилась скорбной богине Геката, державшая светоч,—
Вествуй матери, слово сказала и так взговорила:

«Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра!
55 Кто из небесных богов или смертных людей дерзновенно
Персефонею похитил и милый твой дух опечалил?
Голос ее я слыхала, однако не видела глазом,
Кто — похититель ее. По совести все говорю я...»

* * * * *

Так говорила Геката. И ей не ответила речью
60 Реи прекрасноволосая дочь, но вперед устремилась
С факелом в каждой руке, в сопутствии девы Гекаты.
К Гелию обе пришли, пред конями его они стали,
И взговорила к богов и людей соглядатаю мать:

«Гелиос! Сжался над видом моим, если словом иль делом
65 Я хоть когда-нибудь сердце и душу тебе утешала.
Дева, дитя мое, отпрыск желанный, прекрасная видом,—
Слышала я сквозь пустынный эфир ее громкие вопли,
Словно бы как от насилья, однако не видела глазом.
Ты из священного смотришь эфира своими лучами,
70 Все озираешь ты сверху — широкую землю и море.
Если ты милую дочь мою видел, скажи мне всю правду.
Кто из бессмертных богов иль, быть может, из
смертнорожденных,
Быстро схватив ее, силой похитил от матери тайно».

Так говорила. В ответ же ей сын Гиперионов молвил:

75 «Реи прекрасноволосая дочь, о царица Деметра!
Все я поведаю. Чту я тебя глубоко и о деве

Тонколодыжной печалюсь совместно с тобой. Не иной кто
В том из бессмертных виновник, как Зевс, облаков собиратель.
Брату Аиду назвать твою дочь цветущей супругой
80 Зевс разрешил, и ее он, вопящую громко, схвативши,
В сумрак туманный под землю увлек на конях быстроногих.
Но прекрати, о богиня, великий свой плач. Понапрасну
Гневом безмерным себя не терзай. Недостойным ужели
Зятем себе считаешь властителя Аидонея,
85 Единокровного брата родного? Притом же и чести
Он удостоен немалой, как натрое братья делились.
С теми живет он, над кем ему властвовать жребий достался».

Так отвечав, на коней закричал он. И быстрые кони,
Как легкокрылые птицы, помчали вперед колесницу.
90 Ей же еще тяжелей и ужасней печаль ее стала,
Гневом исполнилось сердце на тучегонителя Зевса.
Сонма богов избегая, Олимп населяющих светлый,
Долго она по людским городам и полям плодоносным
Всюду блуждала, свой вид изменив. И никто благодатной
95 Ни из мужей не узнал, ни из жен, подпоясанных низко,
Прежде чем в дом не пришла она храброго духом Келея
(Был в это время царем благовонного он Элевсина).
Сердцем печалуясь милым, богиня близ самой дороги
У Парфенейского села колодца, где граждане воду
100 Черпают,— села в тени под оливковым деревом, образ
Древней старухи приняв, для которой давно уже чужды
Венколюбивой дары Афродиты и деторождение.
Няни такие бывают у царских детей или также
Ключницы, в гулко звучащих домах занятые хозяйством.
105 Дочери там элевсинца Келея ее увидали.
Шли за водою они легкочерпную, чтобы, сосуды
Медные ею наполнив, в родительский дом воротиться.
Четверо, словно богини, цветущие девичьим цветом,—

Каллидика, Демо миловидная, и Клейсидика,
110 И Каллифоя (меж всеми другими была она старшей).
И не узнали: увидеть богов нелегко человеку.
Остановились вблизи и крылатое молвили слово:

«Кто ты из древнерожденных людей и откуда, старушка?
Что ты сидишь здесь одна, вдалеке от жилищ, и не входишь
115 В город? Немало там женщин нашла б ты в тенистых чертогах
В возрасте том же, в каком и сама ты, равно и моложе.
Все бы любовь проявили к тебе на словах и на деле».

Так говорили. Ответила им пречестная богиня:

«Милые детки! Кто б ни были вы между жен малосильных,
120 Здравствуйте! Все расскажу я. Ведь было бы мне непристойно
Гнусной неправдою вам на вопросы на ваши ответить.
Доя мне имя: такое дала мне почтенная мать.
Ныне из Крита сюда по хребту широчайшему моря
Я прибыла не по воле своей. Но, помимо желанья,
125 Силой меня захватили разбойники. Вскоре пристали
На быстроходном они корабле к Форикосу, где все мы,
Женщины, на берег вышли, равно и разбойники сами.
Близ корабельных причалов они там устроили ужин.
Сердце ж мое не к еде, услаждающей душу, стремилось.
130 Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили;
Так вот, блуждая, сюда наконец я пришла и не знаю,
Что это здесь за земля, что за люди ее населяют.
135 Дай вам великие боги Олимпа законных супругов,
Дай вам и деток они, по желанью родителей ваших,—
Вы же, о девы, меня пожалейте, во мне благосклонно,
Милые детки, примите участие и в дом помогите
Мужа попасть и жены, чтоб могла я для них со стараньем

140 Делать работу, какая найдется для женщины старой.
Я и за новорождённым ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;
Стлала б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин».

145 Тотчас ответила ей Каллидика, не зная мужа
Дева, из всех дочерей Келеевых лучшая видом:

«Бабушка! Как ни горюй человек, все же волей-неволей
Сносит он божьи дары, ибо много сильнее нас боги.
Все я подробно тебе расскажу и мужей перечислю,
150 Кто здесь у нас обладает великою силой почета,
Кто выдается в народе и кто многомудрым советом
И справедливым судом охраняет у города стены.
Встретишь у нас хитроумного ты Триптолема, Диокла,
Долиха и Поликсена, и знатного родом Евмолпа,
155 Также отца моего, знаменитого храбростью духа.
Дома у всех их обширным хозяйством заведуют жены:
Вряд ли из них изо всех хоть одна, после первого ж взгляда,
Видом твоим пренебрегши, твое предложенье отвергнет.
Все тебя примут охотно: богине ты видом подобна.
160 Если желаешь, то здесь подожди нас. Домой воротившись,
Всё подпоясанной низко Метанире, матери нашей,
Мы по порядку расскажем. Быть может, к себе она примет
В дом наш тебя, и к другим обращаться тебе не придется.
Сын у нее многомилый в чертоге, устроенном прочно,
165 Позднорожденный растет, горячо и издавна желанный.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы,—
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Так говорила. Она головою кивнула. И девы
170 Воду в блестящих сосудах назад понесли величаво.

Прибыли быстро в великий отцовский дворец и поспешно
Матери все сообщили, что видели, что услышали.
Тотчас велела им мать поскорей за безмерную плату
К ней чужестранку призвать. Как олени иль юные телки
175 Прыгают по лугу в пору весеннюю, сытые кормом,
Так понеслись по дороге ущелистой девы, руками
Тщательно складки держа прелестных одежд; развевались
Волосы их над плечами, подобные цвету шафрана.
Возле дороги богиню нашли они, там же, где прежде
180 С нею расстались. К чертогам отца повели ее девы.
Сердцем печалуясь милым, богиня за девами следом
Шла, с головы на лицо опустив покрывало, и пеплос
Черный вокруг ее ног развевался божественно легких.
Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея
185 И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,
Мальчика, отпрыск недавний, держа у груди. Подбежали
Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
До потолка головой и сияньем весь вход озарила.
190 Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
С кресла она поднялась и его уступила богине.
Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра,
Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив.
195 Пестрый тогда ей придвинула стул многоумная Ямба,
Сверху овечьим руном серебряным покрывши сиденье.
Села богиня, держа пред лицом покрывало руками.
Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
И никого не старалась порадовать словом иль делом.
200 Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.
Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную:

Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.
205 Милой с тех пор навсегда ей осталась и в таинствах Ямба.
Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив
Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
210 Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.
И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:

«Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
Ты приходишь, я вижу, родителей. В царских родах лишь
215 Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры.
Что же до божьих даров, все мы волей-неволей их сносим,
Как ни горюем душой: под ярмом наши согнуты шеи.
Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я.
Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
220 Поздно его и неожиданно, его горячо я желала.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы,—
Право, люблю из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Тотчас прекрасновечная ей отвечала Деметра:

225 «Радуйся также и ты, да пошлют тебе счастье боги!
Сына с великим стараньем вскормить я тебе обещаюсь,
Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки,
Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку:
Противоядье я знаю сильнее, чем всякие травы,
230 Знаю и против вредительских чар превосходное средство».

Молвила так и прижала младенца к груди благовонной,
Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.

Вскармливать стала богиня прекрасного Демеофонта,
Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
235 Сына Келея-владыки. И рос божеству он подобным.
Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,
240 Словно как факел, она погружала, и было им дивно,—
Так он стремительно рос, так богам становился подобен.
И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,
Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
245 Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
Проговорила слова окрыленные в горе великом:

«Сын Демеофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит,
Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»

250 Так говорила, печалась. Услышала это богиня.
Гневом наполнилось сердце Деметры прекрасновенчанной.
Милого сына, царицей нежданно рожденного на свет
В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.
255 И взговорила при этом к Метанире с поясом пышным:

«Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
Клятвой богов я клянуса, водой беспощадною Стикса,—
260 Сделать могла бы навек нестареющим я и бессмертным
Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
Ныне же смерти и Кер уж избежать ему невозможно.
В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:

К нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он.
265 Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору
Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки...

* * * * *

Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
270 Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме
Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
Чтобы стоял на холме, выдающемся над Калихором.
Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
Чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли».

275 Так сказала богиня, и рост свой и вид изменила,
Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
280 Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.
Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
Долго немой оставалась царица и даже забыла
Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
Жалобный голос младенца услышали издали сестры,
285 С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
Свет засветила другая; на нежных ногах устремилась
К матери третья — из спальни ее увести благовонной.
Бился младенец, купали его огорченные сестры,
290 Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
Было кормилицам этим и няням далеко до прежней!

Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
Славной богине они. А когда засветилось утро,

295 Все рассказали Келею широкодержавному точно,
Что приказала Деметра прекрасновечная сделать.
Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
Отдал приказ на холме выдающемся храм богатеиший
Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенник в храме.
Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
300 Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.
После того как исполнили все и труды прекратили,
Каждый домой воротился. Тогда золотая Деметра
Села во храме одна, вдалеке от блаженных бессмертных,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.

305 Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
Семя сокрыла Деметра прекрасновечная в почве.
Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
Падали в борозды тщетно ячменные белые зерна.
310 С голоду племя погибло 6 людей, говорящих раздельно,
Все без остатка, навек прекратились бы славные жертвы
И приношенья богам, в олимпийских чертогах живущим,
Если бы Зевс не размыслил и в сердце решенья не принял.
Прежде всего златокрылой Ириде призвать повелел он
315 Пышнокудрявую, милую видом Деметру-богиню.
Так он сказал. И, словам чернотучего Зевса-Кронида
Внявши, помчалась Ирида на быстрых ногах сквозь пространство,
В город сошла Элевсия, благовонным куреньем богатый,
В храме сидящей нашла в одеянии черном Деметру
320 И окрыленное слово, окликнув богиню, сказала:

«Вечное знающий Зевс-промыслитель тебя, о Деметра,
К племени вечноживущих богов призывает вернуться.
Ты же иди,— да не будет напрасным Кронидово слово!»

Так говорила, прося. Но душой не склонилась богиня.
325 Тотчас отец и других к ней отправил богов всеблаженных,
Вечно живущих. И все к ней один за другим приходили,
Звали богиню и много дарили даров превосходных,
Почестей много сулили, ее меж бессмертными ждущих.
Но не сумел ни один убедить ни рассудка, ни сердца
330 Гневной Деметры. Сурово все речи отвергла богиня.
На благовонный Олимп и ногою, сказала, не ступит,
Черной земле не позволит плода ни единого выслать,
Прежде чем дочери милой своей не увидит глазами.

Это услышавши, Зевс, тяжело и пространно гремящий,
335 Тотчас отправил в Эреб златожезлого Аргоубийцу,
Чтобы, приятною речью хитро обольстивши Аида,
Чистую Персефонею из темного мрака он вывел
На свет, в собрание богов, чтоб, ее увидавши глазами,
Мать оскорбленная гнев свой великий в душе прекратила.
340 И не ослушался Зевса Гермес, но в глубины земные
Тотчас поспешно спустился, покинув жилище Олимпа.
Аидонея-владыку нашел он в подземных чертогах;
С ним, против воли своей, восседала на ложе супруга,
Черной терзаясь тоскою по матери. Гневом безмерным
345 Все еще дух волновался ее на решенье бессмертных.
Близко представши, могучий сказал ему Аргоубийца:

«Чернокудрявый Аид, повелитель ушедших от жизни!
Зевс мне, родитель, велел достославную Персефонею
Вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидавши,
350 Гнев на бессмертных и злобу ужасную мать прекратила.
Ибо великое дело душою она замышляет,—
Слабое племя людей земнородных вконец уничтожить,
Скрывши в земле семена, и лишить олимпийцев бессмертных

355 Почестей. Гневом ужасным богиня полна. Не желает
Знаться с богами. Сидит вдалеке среди душистого храма,
Город скалистый избрав Элевсин для себя пребываньем».

Так он сказал. Улыбнулся бровями владыка умерших,
Аидоней, и, послушный велениям властителя Зевса,
Персефонею разумной тотчас же отдал приказанье:

360 «К матери черноодежной немедля иди, Персефона,
Кроткую силу и благостный дух во груди сохраняя.
И не печалься чрезмерно: не хуже других твоя доля.
Право, не буду тебе я в богах недостойным супругом,
Брат родителя Зевса родной. У меня пребывая,
365 Будешь владычицей ты надо всем, что живет и что ходит,
Почести будешь иметь величайшие между бессмертных.
Вечная кара постигнет того из людей нечестивых,
Кто с подобающим даром к тебе не придет и не будет
Радовать силы твоей, принося, как положено, жертвы».

370 Так он промолвил. Вскочила, объятая радостью, с ложа
Мудрая Персефонея. Тогда повелитель умерших
Зернышко дал проглотить ей граната, сладчайшее меда,
С замыслом тайным, чтоб навек супруга его не осталась
Там наверху с достославной Деметрою черноодежной.
375 Раньше того уж бессмертных своих лошадей быстроногих
Многодержавный Аид в колесницу запряг золотую.
На колесницу богиня вступила. И, в милые руки
Вожжи и бич захвативши, коней устремил из чертогов
Аргоубийца могучий; охотно они полетели.
380 Быстро великий проделали путь; ни широкое море
Бега бессмертных коней задержать не могло, ни речные
Воды, ни гор высота, ни зеленых долин углубленья.
Поверху резали воздух они высоко над землю.

385 Там, где сидела Деметра в прекрасном венке, колесницу
Остановил он,— пред храмом душистым. Она же, увидев,
Ринулась, словно менада в горах по тенистому лесу.

А Персефона

Матери милой своей

Бросилась

390 Ей же

.

.

«Дочь моя

Пищи. Скажи откровенно

395 Ибо тогда, возвратившись,

Подле меня и отца твоего чернотучего Зевса

Будешь ты жить на Олимпе, бессмертными чтимая всеми.

Если ж вкусила, обратно пойдешь и в течение года

Третью будешь ты часть проводить в глубине преисподней.

400 Две остальные — со мною, а также с другими богами.

Чуть же наступит весна и цветы благовонные густо

Черную землю покроют,— тогда из туманного мрака

Снова ты явишься на свет, на диво бессмертным и смертным.

* * * * *

Также о том, как тебя обманул Полидегмон могучий».

405 Тотчас в ответ ей сказала прекрасная Персефонея:

«Все, как случилось, тебе откровенно, о мать, расскажу я.

После того как Гермес-благодает, глашатай проворный,

Мне приказанье принес от Кронида и прочих бессмертных

К ним из Эреба прийти, чтоб, меня увидавши глазами,

410 Гнев на бессмертных и злобу ужасную ты прекратила,—

Радостно тотчас вскочила я с ложа. Тогда потихоньку

Сунул зерно мне граната он в руку,— сладчайшее вкусом,—
И, против воли моей, проглотить его силой заставил.
Что ж до того, как похитил меня он по мысли коварной
415 Зевса, отца моего, как увлек в преисподнее царство,—
Я расскажу, без ответа вопросов твоих не оставив.
Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли.
Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Файно и Электра,
Также Мелита и Яхе, Роденя и Каллироя,
420 Тиха, Мелбосис и цветколикая с ней Окироя.
И Хризеида с Акастой, Адмета с Янирою вместе,
Также Родопя, Плуты, и прелестная видом Калипсо,
С ними Урания, Стикс и приятная всем Галаксавра,
Дева-Паллада, к сраженьям зовущая, и Артемида
425 Стрелолюбивая — все мы играли, цветы собирали,
Ирисы рвали с шафраном приветливым и гиацинты,
Роз благовонных бутоны и лилии, дивные видом,
Также нарциссы, коварно землю рожденные черной.
Радуюсь сердцем, цветок сорвала я. Земля из-под низу
430 Вдруг раздалась. Взвился из нее Полидегмон могучий.
Быстро под землю меня он умчал в золотой колеснице,
Как ни противилась я. Закричала я голосом громким.
Хотя и с печалью, но все я по правде тебе сообщаю».

Так целый день непрерывно, душе отзываясь душою,
435 Крепко обнявшись, сидели они и душой веселились,
Глядя одна на другую. Забыло все горести сердце.
Радость взаимно они получали и радость давали.
Дева-Геката приблизилась к ним в покрывале блестящем;
Чистую дочь Деметры в объятья она заключила.
440 С этой поры ей служанкой и спутницей стала царица.
С вестью отправил к ним Зевс, тяжело и пространно гремящий,
Пышноволосяную Рею, чтоб в пеплосе черном Деметру
В сонм олимпийцев обратно она привела, обещаясь

Почести ей даровать величайшие между бессмертных.
445 Постановил он, чтоб дочь ее в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две ж остальные — с Деметрой, а также с другими богами.
Так он сказал, и приказа его не ослушалась Рея.
Быстро покинув вершины Олимпа, она ниспустилась
450 В Рарион. Выменем был он земли живоносным дотолем,
Но живоносным тепер уже не был. Без зелени, дикий,
Он простирался, в себе сохранивши ячменные зерна,
Как порешила Деметра прекраснородыжная. Вскоре,
С новой весной, предстояло, однако, опять ему пышно
455 Заколоситься, густые колосья с зерном полновесным
К самой земле преклонить и снопами обильно покрыться.
Там-то впервые сошла из эфира пространного Рея.
Радуюсь духом, с любовью они друг на друга взглянули.
И взговорила к ней вот как блестящеодежная Рея:

460 «Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно гремящий,
В сонм олимпийцев тебя призывает вернуться, и много
Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.
Постановил он, чтоб дочь твоя в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
465 Две остальные — с тобою, а также с другими богами.
Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно
В гневе своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
Произрасти для людей живоносные зерна немедля!»

470 Так говорила. И ей не была непослушна Деметра.
Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных,
Зеленью буйной, цветами широкою землю одела
Щедро. Сама же, поднявшись, пошла и владыкам державным,—
С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,

475 Силе Евмолпа, а также владыке народов Келею,—
Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства. Святы они и велики. Об них ни расспросов
Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:
В благоговенье великом к бессмертным уста замолкают.
480 Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.
Тот же, кто им непричастен, по смерти не будет веки
Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном.
Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
С матерью вместе на светлый Олимп, в собранье бессмертных.
485 Там обитают они подле Зевса, метателя молний,
В славе и чести великой. Блажен из людей земнородных,
Кто благосклонной любви от богинь удостоится славных:
Тотчас нисходит в жилище его очага покровитель
Плутос, дарующий людям обилье в стадах и запасах.

490 Вы же, под властью которых живут Элевсин благовонный,
Парос, водой отовсюду омытый, и Антрон скалистый,—
Ты, о царица Део, пышнодарная, чтимая всеми,
С дочерью славной своею, прекрасною Персефонею,—
Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню!
495 Ныне ж, вас помянув, я к песне другой приступаю.

VI. К А Ф Р О Д И Т Е

Песня моя — к Афродите прекрасной и златовенчанной,
Чести великой достойной. В удел ей достались твердыни
В море лежащего Кипра. Туда по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
5 Влажную силой своею. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой:
Голову вечную ей увенчали сработанным тонко,
Чудно прекрасным венцом золотым и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;
10 Шею прекрасную вместе с серебряно-белую грудью
Ей золотым ожерельем обвили, какими и сами
Оры в повязках златых украшают себя, отправляясь
На хоровод ли прелестный бессмертных, в дворец ли отцовский.
После того как на тело ее украшения надели,
15 К вечным богам повели. И, Киприду приветствуя, боги
Правую руку ей жали, и каждый желаньем зажегся
Сделать супругой законной своей и ввести ее в дом свой,
Виду безмерно дивясь Кифереи фиалковенчанной.

Славься, с ресницами гнутыми, нежная! Даруй победу
20 Мне в состязании этом, явись мне помощницей в песне!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

VII. ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

О Дионисе я вспомню, рожденном Семелю славной,—
Как появился вблизи берегов он пустынного моря
На выступающем мысе, подобный весьма молодому
Юноше. Вкруг головы волновались прекрасные кудри,
5 Иссиня-черные. Плащ облекал многомошные плечи
Пурпурный. Быстро разбойники вдруг появились морские
На крепкопалубном судне в дали винно-черного моря,
Мужи тирренские. Злая вела их судьба. Увидали,
Перемигнулись и, на берег выскочив, быстро схватили
10 И посадили его на корабль, веселяся душою.
Верно, то сын, говорили, царей, питомцев Кронида.
Тяжкие узы они на него наложить собрались.
Но не смогли его узы сдержать, далеко отлетели
Вязи из прутьев от рук и от ног. Восседал и спокойно
15 Черными он улыбался глазами. Все это заметил
Кормчий и тотчас, окликнув товарищей, слово промолвил:

«Что за могучего бога, несчастные, вы захватили
И заключаете в узы? Не держит корабль его прочный.

20 Это иль Зевс-громовержец, иль Феб-Аполлон сребролукий,
Иль Посейдон. Не на смертнорожденных людей он походит,
Но на бессмертных богов, в олимпийских чертогах живущих.
Ну же, давайте отчалим от черной земли поскорее,
Тотчас! И рук на него возлагать не дерзайте, чтоб в гнев
Он не воздвигнул свирепых ветров и великого вихря!»

25 Так он сказал. Но сурово его оборвал предводитель:

«Видишь — ветер попутный! Натянем же парус, несчастный!
Живо за снасти берись! А об нем позаботятся наши.
Твердо надеюсь: в Египет ли с нами прибудет он, в Кипр ли,
К гиперборейцам, еще ли куда,— назовет наконец он
30 Нам и друзей и родных и богатства свои перечислит,
Ибо само божество нам в руки его посылает».

Так он сказал и поднял корабельную мачту и парус.
Ветер парус срединный надул, натянулись канаты.
И совершаться пред ними чудесные начали вещи.
35 Сладкое прежде всего по судну быстроходному всюду
Вдруг зажурчало вино благовонное, и амвросийный
Запах вокруг поднялся. Моряки в изумленье глядели.
Вмиг протянулись, за самый высокий цепляясь парус,
Лозы туда и сюда, и в обилии гроздья повисли;
40 Черный вокруг мачты карабкался плющ, покрываясь цветами,
Вкусные всюду плоды красовались, приятные глазу,
А на уключинах всех появились венки. Увидавши,
Кормчему тотчас они приказали корабль поскорее
К суше направить. Внезапно во льва превратился их пленник.
45 Страшный безмерно, он громко рычал; среди судна же являя
Знаменья, создал медведицу он с волосистым затылком.
Яростно встала она на дыбы. И стоял на высокой
Палубе лев дикоглазый. К корме моряки побежали:

Мудрого кормчего все они в ужасе там обступили.

50 Лев, к предводителю прыгнув, его растерзал. Остальные,
Как увидали, жестокой судьбы избегая, поспешно
Всею гурьбой с корабля поскакали в священное море
И превратились в дельфинов. А к кормчему жалость явил он,
И удержал, и счастливейшим сделал его, и промолвил:

55 «Сердцу ты мил моему, о божественный кормчий, не бойся!
Я Дионис многошумный. На свет родила меня мать,
Кадмова дочь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом».

Славься, дитя светлоокой Семелы! Тому, кто захочет
Сладкую песню наладить, забыть о тебе невозможно.

VIII. К АРЕСУ

Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный,
Сильный рукой и копьем, неустанный, защита Олимпа.
Многосчастливой Победы родитель, помощник Фемиды,
5 Грозный тиран для врагов, предводитель мужей справедливых,
Мужества царь скиптроносный, скользящий стезей огнезарной
Меж семипутных светил по эфиру, где вечно коней ты
Огненных гонишь своих по небесному третьему кругу!
Слух преклони, наш помощник, дарующий смелую юность,
10 Жизнь освещающий нам с высоты озарением кротким,
Ниспосылающий доблесть Аресову. Если бы мог я
Горькое зло от моей отогнать головы, незаметно
Разумом натиск обманной души укротить и упрочить
Сызнава острую силу в груди, чтоб меня побуждала
15 В бой леденящий вступить. Ниспошли же, блаженный, мне
смелость,
Сень надо мной сохрани неколеблемых мирных законов,
И да избегну насильственных Кер и схватки с врагами!

IX. К А Р Т Е М И Д Е

Муза, воспой Артемиду, родную сестру Дальновержца,
Стрелолюбивую деву, совместно возвращенную с Фебом.
Поит она лошадей в тростниках высоких Мелита
И через Смирну несется в своей всезлатой колеснице
В Кларос, богатый лозами,— туда, где сидит, дожидаясь
Стрелолюбивой сестры-дальновержицы, Феб сребролукий.

Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!
Первая песня — тебе, с тебя свою песнь начинаю.
Славу ж воздавши тебе, приступаю к другому я гимну.

Х. К А Ф Р О Д И Т Е

Кипророжденную буду я петь Киферею. Дарами
Нежными смертных она одаряет. Не сходит улыбка
С милого лика ее. И прелестен цветок на богине.

Над Саламином прекрасным царящая с Кипром обширным,
⁵ Песню, богиня, прими и зажги ее страстью горячей!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

ХІ. К А Ф И Н Е

Славить Палладу-Афину, оплот городов, начинаю,
Страшную. Любит она, как и Арес, военное дело,
Яростный воинов крик, городов разрушенье и войны.
Ею хранится народ, на сраженье ль идет, из сраженья ль.

⁵ Славься, богиня! Пошли благоденствие нам и удачу!

ХИ. К Г Е Р Е

Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
5 Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом.

ХІІІ. К Д Е М Е Т Р Е

Пышноволосую петь начинаю Деметру честную
С дочерью славной ее, прекрасною Персефоней.

Славься, богиня! Наш город храни. Будь первая в песне.

XIV. К МАТЕРИ БОГОВ

Мать всех бессмертных богов и смертных людей восславь мне,
Дочь великого Зевса, о звонкоголосая Муза!
Любы ей звуки трещоток и бубнов и флейт переливы,
Огненнооких рыканье львов, завывания волчи,
5 Звонкие горы и лесом заросшие логи глухие.

Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!

XV. К ГЕРАКЛУ ЛЬВИНОДУШНОМУ

Зевсова сына Геракла пою, меж людей земнородных
Лучшего. В Фивах его родила, хороводами славных,
С Зевсом-Кронидом в любви сочетавшись, царица Алкмена.
Некогда, тяжело трудясь на службе царю Еврисфею,
⁵ По бесконечной земле он и по морю много скитался;
Страшного много и сам совершил, да и вынес немало.
Ныне, однако, в прекрасном жилище на снежном Олимпе
В счастье живет и имеет прекраснородную Гебу.

Славься, владыка, сын Зевса! Подай добродетель и счастье.

XVI. К А С К Л Е П И Ю

Всяких целителя болей, Асклепия петь начинаю.
Сын Аполлона, рожден Коронидою он благородной,
Флегия царственной дочерью, на пышной Дотийской равнине,—
Радость великая смертных и злых облегчитель страданий.

Радуйся также и ты, о владыка! Молюсь тебе песней.

XVII. К ДИОСКУРАМ

Кастора и Полидевка пою, Тиндаридов могучих.
От олимпийского Зевса-владыки они происходят.
Их родила под горами Тайгета владычица Леда,
Тайно принявша бремя в объятиях Зевса-Кронида.

Славьтесь вовек, Тиндариды, коней укротители быстрых!

XVIII. К ГЕРМЕСУ

Петь начинаю Гермеса Килленского, Аргобийцу.
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя.
Чести достойная дочь Атланта, в любви сочетавшись
5 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе взошел к ней Кронид непогодною ночью,
В пору, как сладостный сон овладел белолокотной Герой,
Втайне равно от бессмертных и смертных свершился союз их.

10 Радуйся с нами и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

XIX. К ПАНУ

Спой мне, о Муза, про Пана, Гермесова милого сына.
С нимфами светлыми он — козлоногий, двурогий, шумливый —
Бродит по горным дубравам, под темною сенью деревьев.
Нимфы с верхушек скалистых обрывов его призывают,
5 Пана они призывают с курчавою, грязною шерстью,
Бога веселого пастбищ. В удел отданы ему скалы,
Снежные горные главы, тропинки кремнистых утесов.
Бродит и здесь он и там, продираясь сквозь частый кустарник;
То приютится над краем журчащего нежно потока,
10 То со скалы на скалу понесется, все выше и выше,
Вплоть до макушки, откуда далеко все пастбища видны.
Часто мелькает он там, на сверкающих, белых равнинах,
Часто, охотясь, по склонам проносится, с дикого зверя
Острых очей не спуская. Как только же вечер наступит,
15 Кончив охоту, берет он свирель, одиноко садится
И начинает так сладко играть, что тягаться и птичка
С ним не могла бы, когда она в чаше, призывно тоскуя,
В пору обильной цветами весны заливается песней.

Звонкоголосые к богу собираются горные нимфы,
20 Пляшут вблизи родника темноводного быстрюю пляску,
И далеко по вершинам разносится горное эхо.
Сам же он то в хороводе ступает, а то в середину
Выскочит, топает часто ногами, на звонкие песни
Радуюсь духом. И рысья за ним развеивается шкура.
25 Так они пляшут на мягком лугу, где с травой вперемежку
Крокусы и гиацинты душистые густо пестреют.
Песни поют про великий Олимп, про блаженных бессмертных,
И про Гермеса, — как всех, благодетельный, он превосходит,
Как для богов олимпийских посланником служит проворным
30 И как в Аркадию он, родниками обильную, прибыл,
В место, где высится роща его на Киллене священной.
Бог — у смертного мужа там пас он овец густорунных.
Там, для себя незаметно, зажегся он нежною страстью
К дочери Дриопа, нимфе прекрасноволосой и стройной.
35 Скорый устроился брак. Родила ему нимфа в чертогах
Многолюбивого сына, поистине чудище с виду!
Был он с рогами, с ногами козлиными, шумный, смешливый.
Ахнула мать и вскочила и, бросив дитя, убежала:
В ужас пришла от его бородатого, страшного лика.
40 На руки быстро Гермес благодетельный принял ребенка.
Очень душой веселился он, глядя на милого сына.
С ним устремился родитель в жилище блаженных бессмертных,
Сына укутавши шкурой пушистою горного зайца.
Сел перед Зевсом-властителем он меж другими богами
45 И показал им дитя. Покаталися со смеху боги.
Больше же прочих бессмертных Вакхей-Дионис был утешен.
Всех порадовал мальчик, — и назвали мальчика *Паном*.

Радуйся также и сам ты, владыка! Молюсь тебе песней,
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XX. К ГЕФЕСТУ

Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиною он светлокою славным ремеслам
Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
⁵ Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.

Милостив будь, о Гефест! Поддай добродетель и счастье!

XXI. К А П О Л Л О Н У

Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,
С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.

⁵ Радуйся много! Да склонит тебя моя песня на милость!

XXII. К ПОСЕЙДОНУ

Песня — о бoге великом, владыке морей Посейдоне.
Землю и море бесплодное он в колебанье приводит,
На Геликоне царит и на Эгах широких. Двойную
Честь, о земли Колебатель, тебе предоставили боги:

⁵ Диких коней укрощать и спасать корабли от крушенья.

Слава тебе, Посейдон,— черновласый, объемлющий землю!
Милостив будь к мореходцам и помощь подай им, блаженный!

XXIII. К З Е В С У

Зевс, меж богов величайший и лучший, к тебе моя песня!
Громораскатный, владыка державный, судья-воздаятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.

Милостив будь, громозвучный Кронид,— многославный,
великий!

XXIV. К ГЕСТИИ

Дом священный метателя стрел, Аполлона-владыки,
Ты охраняешь в Пифоне божественном, дева Гестия!
Влажное масло с твоих нистекает кудрей непрестанно.
Этот, владычица, дом посети,— низойди благосклонно
5 Вместе с Кронидом всемудрым. И дай моей песне приятность.

XXV. К МУЗАМ И АПОЛЛОНУ

С Муз мою песню начну, с Аполлона и с Зевса-Кронида,
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и левцы происходят и лирники-мужи;
Все же цари — от Кронида. Блажен человек, если Музы
5 Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!

Радуйтесь, дочери Зевса, и песню мою отличите!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVI. К ДИОНИСУ

Шумного славить начну Диониса, венчанного хмелем,
Многохвалимого сына Кронида и славной Семелы.
Пышноволосые нимфы вскормили младенца, принявши
К груди своей от владыки-отца, и любовно в долинах
5 Нисы его воспитали. И, волей родителя-Зевса,
Рос он в душистой пещере, причисленный к сонму бессмертных.
После того как возрос он, богинь попечением вечных,
Вдаль устремился по логам лесным Дионис многопетый,
Хмелем и лавром венчанный. Вослед ему нимфы спешили,
10 Он же их вел впереди. И гремел весь лес необъятный.

Так же вот радуйся с нами и ты, Дионис многогроздный!
Дай и на будущий год нам в веселии снова собраться!

XXVII. К А Р Т Е М И Д Е

Песня моя — к златострельной и любящей шум Артемиде,
Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
5 И на тенистых отрогах свой лук всезлатой напрягает,
Стрелы в зверей посылая стеньящие. В страхе трепещут
Главы высокие гор. Густотенные чащи лесные
Стонут ужасно от рева зверей. Содрогается суша
И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
10 Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.
После того как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
И направляется к дому великому милого брата
Феба, царя-дальновержца, в богатой округе дельфийской.
15 Чтобы из Муз и Харит хоровод устроить прекрасный.
Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы,
Тело приятно украсив, вперед выступает пред всеми
И хоровод зачинает. И пеньем бессмертным богини

Славят честную Лето, как детей родила она на свет,
20 Между бессмертными всеми отличных умом и делами.

Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVIII. К А Ф И Н Е

Славную петь начинаю богиню, Палладу-Афину,
С хитро искусным умом, светлоокою, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион.
5 Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных. Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,
Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
10 Заколебался великий Олимп, застонали ужасно
Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней, и стоял он, доколе доспехов
15 Богоподобных своих не сложила с бессмертного тела
Дева Паллада-Афина. И радость объяла Кронида.

Радуйся много, о дочь эгидодержавного Зевса!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXIX. К ГЕСТИИ

Почетъ большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
5 Пира, в котором бы кто, при начале его, возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким.
Также и ты, сын Кронида и Майи, Аргобийца,
Вестник блаженных бессмертных, с жезлом золотым, благодавец,
Помощь пошли благосклонно с Гестией почтенной и милой!
10 Оба в прекрасных жилищах людей, населяющих землю,
Вы обитаете, зная душою, что мило другому,
Разум и молодость в людях успехом прекрасным венчая.

Радуйся, Крониоса дочь, и ты, о Гермес златожезлый!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXX. К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

Петь начинаю о Гее-всематери, прочноустойной,
Древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей.
Ходит ли что по священной земле или плавает в море,
Носится ль в воздухе — все лишь твоими щедротами живо.
5 Ты плодovitость, царица, даешь и даешь плодородье;
Можешь ты жизнь даровать человеку и можешь обратно
Взять ее, если захочешь. Блажен между смертных, кого ты
Благоволеньем почтишь: в изобилии все он имеет.
Тяжкие гнутся колосья на ниве, на пастбище тучном
10 Бродит бесчисленное стадо, и благами дом его полон.
Сами ж они изобильный красивыми женами город
Правят по добрым законам. Богатство и счастье с ними.
Хвалятся их сыновья жизнерадостным, свежим весельем,
Девушки — дочери их, — в хороводах кружась цветоносных,
15 Нежные топчут цветы на лугах в ликовании светлом.
Так отличаешь ты их, многочтимая, щедрая Гея!

Радуйся, мать богов, о жена многозвездного Неба!
Сердцу приятную жизнь ниспошли благосклонно за песню!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXXI. К ГЕЛИЮ

О Каллиопа, от Зевса рожденная Муза! Восславь мне
Гелия: был он рожден волоокою Эйрифаессой
Сыну Геи-Земли и звездного Неба-Урана.
Эйрифаессу, родную сестру, Гиперион в супруги
5 Взял, и его подарила богиня потомством прекрасным:
Эос-Зарей розорукой, кудрявой Селеной-Луною
И богоравным, не знающим устали Гелием-Солнцем.
Свет с высоты посылает бессмертным богам он и людям,
10 На колесницу взойдя. Из-под шлема глядят золотого
Страшные очи его. И блестящими сам он лучами
Светится весь. От висков же бессмертной главы ниспадают
Волосы ярко блестящие, лик обрамляя приятный,
Складки прекрасных и тонких одежд. Жеребцы же под богом...
* * * * *
15 Там, задержавши коней с колесницею златояремной,
К вечеру с неба на них в Океан опускается Гелий.

Радуйся, царь! Благосклонно счастливую жизнь подари нам!
Песню начавши с тебя, воспую я людей говорящих,
Полубогов. Их дела показали бессмертные людям.

XXXII. К СЕЛЕНЕ

О длиннокрылой, прекрасной Луне расскажите мне, Музы,
Сладкоречивые, в пенье искусные дочери Зевса!
Неборожденное льется сиянье на темную землю
От головы ее вечной, и все красотою великой
6 Блещет в сиянии том. Озаряется воздух бессветный
Светом венца золотого, и небо светлеет, едва лишь
Из глубины Океана, омывши прекрасную кожу,
Тело облекши блестящей одеждою, издали видной,
И лучезарных запрягши коней — крепкошеих, гривастых, —
10 По небу быстро погонит вперед их Селена-богиня
Вечером, в день полнолуныя. Великий свой круг совершая,
Ярче всего в это время она, увеличившись, блещет
В небе высоком, служа указаньем и знаменьем людям.
С нею когда-то сопрягся Кронион любовью и ложем.
15 Затяжелевши, ему родила она деву Пандию,
Между бессмертными всеми отличную видом прекрасным.

Слава царице, Селене святой, белокурой богине,
С мудрым умом, пышнокудрой! Начавши с тебя, воспою я
Полубогов, знаменитых героев, деянья которых
20 Сладкими славят устами служители Муз, песнопевцы.

XXXIII. К Д И О С К У Р А М

Об Тиндаридах начните рассказ, быстроглазые Музы,—
Зевсовых детях, рожденных прекраснородыжною Ледой,—
Касторе, коннике мощном, и брате его Полидевке
Безукоризненном. С Зевсом-владыкой в любви сочетавшись,
5 Их под главою Тайгета, великой горы, во спасенье
Людам она родила, населяющим черную землю,
И кораблям быстроходным, когда на неласковом море
Зимние бури бушуют. С судна воссылая молитвы,
Люди на помощь зовут сыновей многомогущного Зевса,
10 Режут им белых ягнят, на носу корабельном собравшись.
Ветер великий меж тем и свирепые волны морские
В воду корабль погрузили. Но вдруг появились братья.
Быстро промчавшись эфиром на крыльях своих золотистых,
Ветров неистово злых бушеванье тотчас прекратили.
15 Сделали гладкой поверхность над бездною белого моря —
Для мореходцев прекраснейший знак и трудов разрешение.
Радость взяла их, и горестный труд свой они прекратили.

Славьтесь вовек, Тиндариды, коней укротители быстрых!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXXIV. ОТРЫВКИ ГИМНА К ДИОНИСУ

* * * * *

Кто говорит, что в Дракане, а кто — что в Икаре ветристом,
Кто — что на Накосе иль на Алфее глубокопучинном
Зевсу Семела тебя, забеременев, на свет родила,
Отрасль Кронида, Зашитый в бедро! Утверждают другие,
5 Будто бы в Фивах божественных ты, повелитель, родился.
Все они лгут. Вдалеке от людей породил тебя, пряхась
От белолокотной Геры, родитель бессмертных и смертных.
Есть, вся заросшая лесом, гора высочайшая, Ниса:
От Финикии вдали и вблизи от течений Египта...

* * * * *

10 «Изображений ее [?] немало воздвигнется в храмах.
Так как их три, то и будут на третьем году постоянно
Люди тебе приносить гекатомбы из жертв безупречных...»

[Молвил Кронион и иссиня-черными двинул бровями:
Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной
15 На плечи пали его. И Олимп всколебался великий.]

Так сказавши, кивнул головою Кронид-промыслитель.

Милостив будь, женолюб, Зашитый в бедро! И в начале
Мы воспеваем тебя и в конце. Для того, кто захочет
Помнить о песне священной, забыть о тебе невозможно.

Радуйся также и ты, Дионис, из бедра порожденный,
С матерью славной Семелой, что ныне зовется Фионой!

РАБОТЫ И ДНИ

Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу,
Я призываю,— воспойте родителя вашего Зевса!
Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль бесчестье —
Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
5 Силу бессильному дать и в ничтожество сильного ввергнуть,
Счастье отнять у счастливого, безвестного вдруг возвеличить,
Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному сгорбить —
Очень легко громовержцу Кронида, живущему в вышних.

10 Глазом и ухом внимай мне, во всем соблюдай справедливость,
Я же, о Перс, говорить тебе чистую правду желаю.

Знай же, что две существует различных Эриды на свете,
А не одна лишь всего. С одобреньем отнесся б разумный
К первой. Другая достойна упреков. И духом различны:
Эта — свирепые войны и злую вражду вызывает,
15 Грозная. Люди не любят ее. Лишь по воле бессмертных
Чтут они против желанья тяжелую эту Эриду.

Первая раньше второй рождена многосумрачной Ночью;
Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний,
Зевс, в эфире живущий, и более сделал полезной:

20 Эта способна понудить к труду и ленивого даже;
Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с насадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна.

25 Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.

Перс! Глубоко себе в душу сложи, что тебе говорю я:
Не поддавайся Эриде злорадной, душою от дела
Не отвращайся, беги словопрений судебных и тяжб.

30 Некогда времени тратить на всякие тяжбы и речи
Тем, у кого невелики в дому годовые запасы
Вызревших зерен Деметры, землей посылаемых людям,
Пусть, кто этим богат, затевает раздоры и тяжбы
Из-за чужого достатка. Тебе же совсем не пристало б
35 Сызнова так поступать: но давай-ка рассудим сейчас же
Спор наш с тобою по правде, чтоб было приятно Крониду.
Мы уж участок с тобой поделили, но много другого,
Силой забравши, унес ты и славишь царей-дароядцев,
Спор наш с тобою вполне, как желалось тебе, рассудивших.

40 Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина,
Что на великую пользу идут асфодели и мальва.

Скрыли великие боги от смертных источники пищи:
Иначе каждый легко бы в течение дня наработал
Столько, что целый бы год, не трудясь, имел пропитанье.

45 Тотчас в дыму очага он повесил бы руль корабельный,

Стала б ненужной работа волов и выносливых мулов.
Но далеко Громовержец источники пищи запрятал,
В гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный.
Этого ради жестокой заботой людей поразил он...

* * * * *

50 Спрятал огонь. Но опять благороднейший сын Иапета
Выкрал его для людей у всемудрого Зевса-Кронида,
В нарфекс порожний запрятав от Зевса, метателя молний.
В гневе к нему обратился Кронид, облаков собиратель:

«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах хитрых!

55 Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал
На величайшее горе себе и людским поколениям!
Им за огонь ниспошлю я беду. И душой веселиться
Станут они на нее и возлюбят, что гибель несет им».

Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и смертных.

60 Славному отдал приказ он Гефесту, как можно скорее
Землю с водою смешать, человеческий голос и силу
Внутрь заложить и обличье прелестное девы прекрасной,
Схожее с вечной богиней, придать изваянью. Афине
Он приказал обучить ее ткать превосходные ткани,
65 А золотой Афродите — обвеять ей голову дивной
Прелестью, мучащей страстью, грызущую члены заботой.
Аргоубийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий
Внутрь ей вложить приказал и двуличную, живую душу.

Так он сказал. И Кронида-владыки послушались боги.

70 Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой
Тотчас слепил из земли знаменитый хромец обоногий.
Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина.
Девы-Хариты с царицей Пейто золотым ожерельем
Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры

75 Пышные кудри цветами весенними ей увенчали.
[Все украшенья на теле оправила дева Афина.]
Аргоубийца ж, вожатай, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.
80 Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал,
Ибо из вечных богов, населяющих дома Олимпа,
Каждый свой дар приложил, хлебодным мужам на погибель.

Хитрый, губительный замысел тот приводя в исполнение,
Славному Аргоубийце, бессмертных гонцу, свой подарок
85 К Эпиметею родитель велел отвести. И не вспомнил
Эпиметей, как ему Прометей говорил, чтобы дара
От олимпийского Зевса не брать никогда, но обратно
Тотчас его отправлять, чтобы людям беды не случилось.
Принял он дар и тогда лишь, как зло получил, догадался.

90 В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.
94 Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила
95 Женщина эта и беды лихие наслала на смертных.
Только Надежда одна в середине за краем сосуда
В крепком осталась своем обиталище,— вместе с другими
Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора
Крышку сосуда, по воле эгидодержавного Зевса.
100 Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду,
Ибо исполнена ими земля, исполнено море.
К людям болезни, которые днем, а которые ночью,
Горе неся и страданья, по собственной воле приходят
В полном молчании: не дал им голоса Зевс-промыслитель.
105 Замыслов Зевса, как видишь, избежать никак невозможно.

Если желаешь, тебе расскажу хорошо и разумно
Повесть другую теперь. И запомни ее хорошенько.

109 Создали прежде всего поколение людей золотое
110 Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
115 Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства,—
120 Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
125 Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась.

После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью.
130 Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
135 Были они воздержаться, бессмертным служить не желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землю
Зевс-громовец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.

140 После того как земля поколение и это покрыла,
Дали им люди название подземных смертных блаженных,
Хоть и на месте втором, но в почете у смертных и эти.

Третье родитель Кронид поколение людей говорящих,
Медное создал, ни в чем с поколением несхожее прежним.
145 С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомоштных.
150 Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
Все низошли безыменно: и, как ни страшны они были,
155 Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.

После того как земля поколение и это покрыла,
Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше,—
Славных героев божественный род. Называют их люди
160 Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.
В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили,
Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
165 Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.
Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
170 Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилье приносит.

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
175 Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
[Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага.
180 Зевс поколение людей говорящих погубит и это
После того, как на свет они станут рождаться седыми.]
Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
185 Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
190 И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет отдаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
195 Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
200 Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Басню теперь расскажу я царям, как они ни разумны.
Вот что однажды сказал соловью пестрогласному ястреб,
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.

205 Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такую к нему обратился:

«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
210 Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим:
Не победит он его — к униженью лишь горе прибавит!»

Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая птица.

Слушайся голоса правды, о Перс, и гордости бойся!
Гибельна гордость для малых людей. Да и тем, кто повыше,
215 С нею прожить нелегко; тяжело она ляжет на плечи,
Только лишь горе случится. Другая дорога надежней:
Праведен будь! Под конец посрамит гордеца непременно
Праведный. Поздно, уже пострадав, узнает это глупый.

Ибо тотчас за неправым решением Орк поспешает.
220 Правды же путь неизменен, куда бы ее ни старались
Неправосудьем своим своротить дарождные люди.
С плачем вослед им обходит она города и жилища,
Мраком туманным одевшись, и беды на тех посылает,
Кто ее гонит и суд над людьми сотворяет неправый.

225 Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,—
Там государство цветет, и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка.
230 И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут:
Пищу обильную почва приносит им; горные дубы
Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел.

235 Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою,
Жены детей им рожают, наружностью схожих с отцами.
Всякие блага у них в изобилье. И в море пускаться
Нужды им нет: получают плоды они с нив хлебородных.

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,
Тем воздает по заслугам владыка Кронид дальнозоркий.

240 Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.

Беды великие сводит им с неба владыка Кронион,—
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
245 Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.

Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.
Близко, повсюду меж нас, пребывают бессмертные боги
250 И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,
Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит.
Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
255 По миру всюду они, облеченные мглою туманной.
Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя-Зевса немедля садится богиня
260 И о неправде людской сообщает ему. И страдает
Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду
Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде.

265 Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил.
Злее всего от дурного совета советчик страдает.
Зевсово око все видит и всякую вещь примечает;
Хочет владыка, глядит,— и от взоров не скроется зорких,
Как правосудье блюдетса внутри государства любого.
270 Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,
Да заказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым,
Если чем кто неправее, тем легче управу находит?
Верю, однако, что Зевс не всегда же терпеть это будет.

Перс! Хорошенько запомни душою внимательной вот что:
275 Слушайся голоса правды и думать забудь о насилье.
Ибо такой для людей установлен закон Громовержцем:
Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная,
Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды.
Людам же правду Кронид даровал — высочайшее благо.
280 Если кто, истину зная, правдиво дает показанья —
Счастье тому посылает Кронион широкоглядящий.
Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется,
Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко.
Жалким, ничтожным у мужа такого бывает потомство;
285 А доброклятенный муж и потомков оставит хороших.

С доброю целью тебе говорю я, о Перс безрассудный!
Зла натворить сколько хочешь — весьма немудреное дело.
Путь не тяжелый ко злу, обитает оно недалеко.
Но добродетель от нас отделили бессмертные боги
290 Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,
И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины,
Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.

Тот — наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заране предвидит, что выйдет из дела.

295 Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
К сердцу не хочет принять — совсем человек бесполезный.

Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов, — чтобы голод тебя ненавидел,
300 Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.

Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
305 Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением.
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.

Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
310 Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.

Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься — скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
315 Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.

Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу, —
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.
320 Лучше добром богоданным владеть, чем захваченным силой.
Если богатство великое кто иль насильем добудет,
Или разбойным своим языком, — как бывает нередко
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти
Ум отуманен и вытеснен стыд из сердца бесстыдством, —

325 Боги легко человека такого унижат, разрушат
Дом,— и лишь краткое время он тешиться будет богатством.
То же случится и с тем, кто обидит просящих защиты
Иль чужестранцев, кто к брату на ложе взойдет, чтобы тайно
Совокупиться с женою его,— что весьма непристойно! —
330 Кто легкомысленно против сирот погрешит малолетних,
Кто нехорошею бранью отца своего обругает,—
Старца, на грустном пороге стоящего старости тяжкой.
Истинно, вызовет гнев самого он Кронида, и кара
Тяжкая рано иль поздно постигнет его за нечестье!

335 Этого ты избегай безрассудной своею душою.
Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку,
Свято и чисто, сжигай перед ними блестящие бедра.
Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появленье ль священного света встречаешь,
340 Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы — другие.

Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится,— когда еще пояс подвывает
345 Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.

Истая язва — сосед нехороший; хороший — находка.

В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.

Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.

Точно отмерив, бери у соседа займы: отдавая,
350 Меряй такую же мерой, а можешь,— так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится.

Выгод нечистых беги: нечистая выгода — гибель.

Тех, кто любит,— люби; если кто нападет,— защищайся.

355 Только дающим давай; ничего не давай не дающим.
Всякий дающему даст, не дающему всякий откажет.

Дать — хорошо; но насильно берущего смерть ожидает.

Тот, кто охотно дает, если даже дает он и много,—
Чувствует радость, давая, и сердцем своим веселится.
360 Если же кто своевольно берет, повинуюсь бесстыдству,—
Пусть и немного он взял,— но печалит нам милое сердце.

Если и малое даже прикладывать к малому будешь,
Скоро большим оно станет; прикладывай только почаще.

Жгучего голода тот избежит, кто копить приучился.

Если что заперто дома, об этом заботы немного.

365 Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.

Братъ — хорошо из того, что имеешь. Но гибель для духа
Рваться к тому, чего нет. Хорошенько подумай об этом.

Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка,
Будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость.

370 Другу всегда обеспечена будь договорная плата.

С братом и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях делай.

Как подозрительность, так и доверчивость гибель приносит.

Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
375 Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!

Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком, и опять одного лишь оставит.

380 Впрочем, Кронида легко осчастливить богатством и многих:
Больше о многих заботы, однако и выгоды больше.

Если к богатству в груди твоей сердце стремится, то делай,
Как говорю я, свершая работу одну за другою.

Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай; а начнут заходить — за посев принимайся.
385 На сорок дней и ночей совершенно скрываются с неба
Звезды-Плеяды, потом же становятся видными глазу
Снова в то время, как люди железо точить начинают,
Всюду таков на равнинах закон,— и для тех, кто у моря
Близко живет, и для тех, кто в ущелистых горных долинах,
390 От многошумного моря седого вдали, населяет
Тучные земли. Но сеешь ли ты, или жнешь, или пашешь —
Голым работай всегда! Только так приведешь к окончанью
Вовремя всякое дело Деметры. И вовремя будет
Все у тебя возрастать. Недостатка ни в чем не узнаешь
395 И по чужим безуспешно домам побираться не будешь.
Так ведь ко мне ты теперь и пришел. Но тебе ничего я
Больше не дам, не отмерю: работай, о Перс безрассудный!
Вечным законом бессмертных положено людям работать.
Иначе вместе с детьми и женою, в стыде и печали,
400 По равнодушным соседям придется тебе побираться.
Разика два или три подадут вам, но если наскучишь,
То ничего не добьешься, напрасно лишь речи потратишь.
Пастбище слов твоих будет без пользы. Подумай-ка лучше,
Как расплатиться с долгами и с голодом больше не знаться.

405 В первую очередь — дом и вол работающий для пашни,
Женщина, чтобы волов подгонять: не жена — покупная!
Все же орудия в доме да будут в исправности полной,
Чтоб не просить у другого; откажет он,— как обернешься?

Нужное время уйдет, и получится в деле заминка.
410 И не откладывай дела до завтра, до послезавтра:
Пусты амбары у тех, кто работать ленится и вечно
Дело откладывать любит: богатство дается стараньем.
Мешкотный борется с бедами всю свою жизнь непрерывно.

В позднюю осень, когда ослабляет палящее солнце
415 Жгучий свой зной потогонный, и льется на землю дождями
Зевс многомогущий, и снова становится тело людское
Быстрым и легким,— недолго тогда при сиянии солнца
Над головами рожденных для смерти людей совершает
Сириус путь свой, но больше является на небе ночью.
420 Леса, который теперь ты подрубишь, червяк не источит.
Сыплются листья с деревьев, побеги свой рост прекращают.
Самое время готовить из дерева нужные вещи.
Срезывай ступку длиной в три стопы, а пестик — в три локтя;
Ось — длиной в семь стоп,— всего это будет удобней;
425 Если ж и в восемь, то выйдет еще из куска колотушка.
Режь косяки по три пяди к колесам в десять ладоней.
Режь и побольше суков искривленных из падуба; всюду
В поле ищи и в горах и, нашедши, домой относи их:
Нет превосходнее скрепы для плуга, чем скрепа такая,
430 Если рабочий Афины, к рассохе кривую ту скрепу
Прочно приладив, гвоздями прибьет ее к плужному дышло.
Два снаряди себе плуга, чтоб были всегда под рукою,—
Цельный один, а другой составной; так удобнее будет:
Если сломаешь один, остается другой наготове.
435 Дышло из вяза иль лавра готовь,— не точат их черви;
Скрепу из падуба делай, рассоху — из дуба. Быков же
Девятилетних себе покупай ты, вполне возмужалых:
Сила таких немала, и всего они лучше в работе.
Драться друг с другом не станут они в борозде, не ломают
440 Плуга тебе, и в работе твоей перерыва не будет.

Сорокалетний за ними да следует крепкий работник,
Съевший к обеду четыре куса восьмидольного хлеба,
Чтобы работал усердно и борозду гнал бы прямую,
Вбок на приятелей глаз не косил бы, но душу в работу
445 Вкладывал. Лучше его никогда молодой не сумеет
Поля засеять, чтоб не было нужды в посеве вторичном.
Кто помоложе, тот больше на сверстников в сторону смотрит.

Строго следи, чтобы вовремя крик журавлиный услышать,
Из облаков с поднебесных высот ежегодно звучащий;
450 Знак он для сева дает, провозвестником служит дождливой
Зимней погоды и сердце кусает мужам безволовным.
Дома корми у себя в это время волов кривоногох.
Слово нетрудно сказать: «Одолжи мне волов и телегу!»
Но и нетрудно отказом ответить: «Волы, брат, в работе!»
455 Самонадеянно скажет иной: «Сколочу-ка телегу!»
Но ведь в телеге-то сотня частей! Иль не знает он, дурень?
Их бы вот загодя он на дому у себя заготовил!

Только что время для смертных придет приниматься за
вспашку,
Ревностно все за работу берись,— батраки и хозяин.
460 Влажная ль почва, сухая ль — паши, передышки не зная,
С ранней вставая зарею, чтоб пышная выросла нива.
Вспашешь весной, а летом вдвоишь,— и обманут не будешь.
Передвоив, засевай, пока еще борозды рыхлы.
Пар вдвоенный детей от беды защитит и утешит.

465 Жарко подземному Зевсу молись и Деметре пречистой,
Чтоб полновесными вышли священные зерна Деметры.
В самом начале посева молись им, как только, за ручку
Плужную взявшись рукой, острием батога прикоснешься
К спицам волов, на ярмо налегающих. Сзади с мотыгой

470 Мальчик-невольник пускай затруднение птицам готовит,
Семя землей засыпая. Для смертных порядок и точность
В жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок.
Склонятся так до земли наливные колосья на ниве,—
Только бы добрый конец пожелал даровать Олимпице!
475 От паутины очисти сосуды. И будешь, надеюсь,
Всею душой веселиться, припасы из них доставая.
В полном достатке до светлой весны доживешь, и не будет
Дела тебе до сеседей,— в тебе они будут нуждаться.

Если священную почву засеешь при солновороте,—
480 Жать тебе сидя придется, помалу горстями хватая;
Пылью покрытый, не очень-то радуясь, свяжешь колосья
И повесешь их в корзине; никто на тебя и не взглянет.
Впрочем, изменчивы мысли у Зевса-эгидодержавца,
Людам, для смерти рожденным, в решенья его не проникнуть.
485 Если посеешься поздно, то вот что помочь тебе может:
В пору, когда куковать начинает кукушка в дубовой
Темной листве, услаждая людей на земле беспредельной,
К третьему дню пусть Кронид задождит и струится, доколе
В уровень станет с воловьим копытом,— не выше, не ниже.
490 Так и посеявший поздно сравняется с сеявшим рано.
Все это в сердце своем сбереги и следи хорошенько
За наступающей светлой весной, за дождливыми днями.

Не заходи ни в корчму, разогретую жарко, ни в кузню
Зимней порою, когда человеку работать мешает
495 Холод: прилежный работу найдет и теперь себе дома.
Бойся, чтоб бедность жестокой зимою тебя не настигла:
Будешь ты тискать рукой исхудалой опухшие ноги.
Часто лентяй, исполненья надежды пустой ожидая,
Впавши в нужду, на дела нехорошие сердцем склонялся.
500 Трудно тому бедняку, кто в корчмах заседает, надеждой
Тешится доброй, когда он и хлеба куска не имеет.

Предупреждай домочадцев, когда еще лето в разгаре:
«Помните, лето не вечно продлится,— готовьте запасы!»

Месяц очень плохой — ленеон, для скотины тяжелый.
505 Бойся его и жестоких морозов, которые почву
Твердою кроют корой под дыханием ветра Борей:
К нам он из Фракии дальней приходит, кормилицы коней,
Море глубоко взрывает, шумит по лесам и равнинам.
Много высоковетвистых дубов и раскидистых сосен
510 Он, налетев безудержно, бросает на тучную землю
В горных долинах. И стонет под ветром весь лес неисчетный.
Дикие звери, хвосты между ног поджимая, трясутся,—
Даже такие, что мехом одеты. Пронзительный ветер
Их продувает теперь, хоть и густокосматы их груди.
515 Даже сквозь шкуру быка пробирается он без задержки,
Коз длинношерстных насквозь продувает. И только не может
Стад он овечьих продуть, потому что пушисты их руна,—
Он, даже старцев бежать заставляющий силой своею.
Не продувает он также и девушки с кожей нежной;
520 Дома сидеть остается она подле матери милой,
Чуждая мыслей пока о делах многозлатной Киприды;
Тщательно нежное тело омывши и смазавши жирно
Маслом, во внутренней комнате спать она мирно ложится
В зимнюю пору, когда в своем доме холодном и темном
525 Грустно *безкостый* ютится и сам себе ногу кусает;
Солнце не светит ему и не кажется желанной добычи:
Ходит оно далеко-далеко, над страной и народом
Черных людей, и приходит к всеэллинам много позднее.
Все обитатели леса, без рог ли они иль с рогами,
530 Щелкая жалко зубами, скрываются в чащи лесные.
Всем одинаково душу тревожит им та же забота:
Как бы в лесистом ущелье каком иль скалистой пещере

Скрыться от холода. Выглядят люди тогда, как *триногий*
С сгорбленной круто спиной, с головою, к земле обращенной:
535 Бродят, подобно ему, избегая блестящего снега.

В эту бы пору советовал я, для укрытия тела,
Мягкий плащ надевать и хитон, до земли доходящий,
Вытканый густо уточною нитью по редкой основе,
В них одевайся, чтоб волосы кожи твоей не дрожали
540 И не стояли по телу торчмя, не ерошились зябко.
На ноги — обувь из кожи быка, что не сдох, а зарезан;
В пору тебе чтоб была и выстлана войлоком мягким.
Шкуры козлят первородных, лишь холод осенний наступит,
Сшей сухожильем бычачьим и на спину их и на плечи,
545 Если под дождь попадаешь, накидывай. Голову сверху
Войлочной шляпой искусной покрой, чтобы уши не мокли.
Холодны зори в то время, как наземь Борей упадает.
Зорями с звездного неба на землю туман благодатный
Сходит и нивам владельцев блаженных несет плодородье.
550 С рек, непрерывно текущих, набравши воды изобильно
И высоко от земли унесенный дыханием ветра,
То он вечерним дождем проливается, то улетает,
Если подует фракийский Борей, разгоняющий тучи.
Раньше тумана работу кончай и домой отправляйся,
555 Чтоб непроглядный туман тот, спустившись, тебя не окутал,
Не промочил бы одежды и влажным не сделал бы тела.
Этого ты избегай. Тяжелейший за целую зиму
Названный месяц; тяжел для людей он, тяжел для скотины.
Корму довольно волам половины теперь, человеку ж
560 Больше давай: тут поможет сама долгота *благосклонной*.

Строго за этим следи, и до самого нового года
Ночи выравнивай с днями, пока не родит тебе снова
Общая мать-земля пищевых всевозможных припасов.

Только лишь царственный Зевс шестьдесят после солноворота
565 Зимних отмеряет дней, как выходит с вечерней зарею
Из океанских священных течений Арктур светоносный
И в продолжение ночи все время сверкает на небе.
Следом за ним, с наступившей весною, является к людям
Ласточка-Пандионида с звенящею, громкою песнью;
570 Лозы подрезывать лучше всего до ее появления.

В пору, когда, от Плеяд убегая, с земли на растенья
Станет взползать *домоносец*, не время окапывать лозы.
Нужно серпы наострять и рабочих будить спозаранку;
Долгого сна по утрам избегай и тенистых местечек
575 В жатву, когда иссыхает от солнца и морщится кожа.
Утром пораньше вставай и старайся домой поскорее
Весь урожай увезти, чтобы пищей себя обеспечить.
Добрую треть целодневной работы заря совершает.
Путь ускоряет заря, ускоряет и всякое дело.
580 Только забрезжит заря,— и выводит она на дорогу
Много людей и на многих волов ярмо налагает.

В пору, когда артишоки цветут и, на дереве сидя,
Быстро, размеренно льет из-под крыльев трескучих цикада
Звонкую песню свою средь томящего летнего зноя,—
585 Козы бывают жирнее всего, а вино всего лучше,
Жены всего похотливей, всего слабосильней мужчины:
Сириус сушит колени и головы им беспощадно,
Зноем тела опаляя. Теперь для себя отыщи ты
Место в тени под скалой и вином запасися библинским.
590 Сдобного хлеба к нему, молока от козы не кормящей,
Мяса кусок от телушки, вскормленной лесною травюю,
Иль первородных козлят. И вино попивай беззаботно,
Сидя в прохладной тени и, насытивши сердце едою,
Свежему ветру Зефиру навстречу лицо повернувши,

595 Глядя в прозрачный источник с бегущею вечно водою.
Часть лишь одну ты вина наливаи, воды же три части.

Только начнет восходить Орионова сила, рабочим
Тотчас вели молотить священные зерна Деметры
На округленном и ровном току, не закрытом от ветра.
600 Тщательно вымерив, ссыпь их в сосуды. А после того как
Кончишь работу и дома припасы готовые сложишь,
Мой бы совет,— батраком раздобудься бездомным да бабой,
Но чтоб была без ребят! С сосунком неудобна прислуга.
Псом заведись острозубым, да с кормом ему не скупися,—
605 *Спящего днем человека ты можешь тогда не бояться.*
Сена к себе наноси и мякины, чтоб на год хватило
Мулам твоим и волам. И тогда пусть рабочие отдых
Милым коленям дадут и волов отпрягут подъяремных.

Вот высоко середь неба уж Сириус стал с Орионом,
610 Уж начинает Заря розоперстая видеть Арктура:
Режь, о Перс, и домой уноси виноградные гроздья.
Десять дней и ночей непрерывно держи их на солнце,
Дней на пяток после этого в тень положи, на шестой же
Лей уже в бочки дары Диониса, несущего радость.
615 После ж того, как Плеяды, Гиады и мощь Ориона
Станут на западе,— помни, что время посева настало.

Вот как дели полевые работы в течение года.

Если же по морю хочешь опасному плавать, то помни:
После того как ужасная мощь Ориона погонит
620 С неба Плеяд и падут они в мглисто-туманное море,
С яростной силою дуть начинают различные ветры.
На море темном не вздумай держать корабля в это время,
Не забывай о совете моем и работай на суше.
Черный корабль из воды извлеки, обложи отовсюду

625 Камнем его, чтобы ветра выдерживал влажную силу;
Вытащи втулку, иначе сгниет он от Зевсовых ливней;
После того отнесешь к себе в дом корабельные снасти,
Да поладнее свернешь корабля мореходного крылья;
Прочно сработанный руль корабельный повесишь над дымом
630 И дожидайся, пока не настанет для плаванья время.
В море тогда свой корабль быстроходный спускай и такую
Кладью его нагружай, чтоб домой с барышом воротиться,
Как это делал отец наш с тобою, о Перс безрассудный,
В поисках добрых доходов на легких судах разъезжая.
635 Некогда так и сюда вот на судне заехал он черном
Длинной дорогой морской, эолийскую Киму покинув.
Не от избытка, богатства иль счастья оттуда бежал он,
Но от жестокой нужды, посылаемой людям Кронидом.
Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре,
640 Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной.

В памяти сроки держи и ко времени всякое дело
Делай, о Перс. В мореходстве особенно все это важно.
Малое судно хвали, но товары грузи на большое:
Больше положишь товару — и выгоды больше получишь;
645 Только бы ветры сдержали дурные свои дуновенья!

Если же в плаванье вздумаешь ты безрассудно пуститься,
Чтоб от долгов отвертеться и голода злого избегнуть,
То покажу я тебе многошумного моря законы,
Хоть ни в делах корабельных, ни в плаванье я неискусен.
650 В жизнь я свою никогда по широкому морю не плавал,
Раз лишь в Евбею один из Авлиды, где некогда зиму
Пережидали ахейцы, собирая в Элладе священной
Множество войск против славной прекрасными женами Трои.

На состязание в память разумного Амфидаманта
655 Ездил туда я в Халкиду; заране объявлено было

Призов немало сынами его большедушными. Там-то,
Гимном победу стяжав, получил я ушатый треножник.
Этот треножник в подарок я Музам принес Геликонским,
Где они звонкому пенью впервые меня обучили.
660 Вот лишь насколько я ведаю толк в кораблях многогвоздных,
Все ж и при этом тебе сообщу я, что в мыслях у Зевса,
Ибо обучен я Музами петь несравненные гимны.

Вот пятьдесят уже минуло дней после солноворота,
И наступает конец многотрудному, знойному лету.
665 Самое здесь-то и время для плаванья: ни корабля ты
Не разобьешь, ни людей не поглотит пучина морская,
Разве нарочно кого Посейдон, сотрясающий землю,
Или же царь небожителей Зевс погубить пожелают.
Ибо в руке их кончина людей и дурных и хороших.
670 Море тогда безопасно, а воздух прозрачен и ясен.
Ветру доверив без страха теперь свой корабль быстроходный,
В море спускай и товаром его нагружай всевозможным.
Но воротиться обратно старайся как можно скорее:
Не дожидайся вина молодого и ливней осенних,
675 И наступленья зимы, и дыханья ужасного Нота;
Яро вздымает он волны и Зевсовым их поливает
Частым осенним дождем и тягостным делает море.

Плавают по морю люди нередко еще и весною.
Только что первые листья на кончиках веток смоковниц
680 Станут равны по длине отпечатку вороньего следа,
Станет тогда же и море для плаванья снова доступным.
В это-то время весною и плавают. Но не хвалю я
Плаванья этого; очень не по сердцу как-то оно мне:
Краденым кажется. Трудно при нем от беды уберечься,
685 Но в безрассудстве своем и на это пускаются люди:
Ныне богатство для смертных самую душою их стало.

Страшно в волнах умереть. Не забудь же моих увещаний,
Все хорошенько обдумай в уме, что тебе говорю я.

И на чреватое судно всего не грузи, что имеешь;
690 Большую часть придержи, нагрузи же лишь меньшую долю:
Страшно несчастью подпасть на волнах многобурного моря.
Страшно, когда на телегу чрезмерную тяжесть наложишь,
И переломится ось под телегой, и груз твой погибнет.
Меру во всем соблюдай и дела свои вовремя делай.

695 В дом свой супругу вводи, как в возраст придешь подходящий.
До тридцати не спеши, но и за тридцать долго не медли:
Лет тридцати ожениться — вот самое лучшее время.
Года четыре пусть зреет невеста, женись на пятом.
Девушку в жены бери — ей легче внушить благонаравье.
700 Взять постарайся из тех, кто с тобою живет по соседству.
Все обгляди хорошо, чтоб не на смех соседям жениться.
Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,
Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей,
Жадной сластены. Такая и самого сильного мужа
705 Высушит пуще огня и до времени в старость загонит.

Кару блаженных бессмертных навлечь на себя опасайся,

Также не ставь никогда наравне товарища с братом.
Раз же, однако, поставил, то зла ему первым не делай
И не обманывай, чтобы язык потрепать. Если ж сам он
710 Первый тебя обижать или словом начнет, или делом,
Это попомнив, вдвойне отплати ему. Если же снова
В дружбу с тобой он захочет вступить и обиду загладить,
Не уклоняйся: друзей то и дело менять не годится.
Только чтоб видом наружным не ввел он тебя в заблужденье!

715 Слыть нелюдимым не надо, не надо и слыть хлебосолом;
Бойся считаться товарищем злых, ненавистником добрых.

Также людей не дерзай попрекать разрушащей душу,
Гибельной бедностью: шлют ее людям блаженные боги.

720 Лучшим сокровищем люди считают язык неболтливый.
Меру в словах соблюдешь — и всякому будешь приятен;
Станешь злословить других — о себе еще хуже услышишь.

На многолюдном, в складчину устроенном пире не хмурься;
Радостей очень он много дает, а расход пустяковый.

725 Также, не вымывши рук, не твори на заре возлияний
Черным вином ни Крониду, ни прочим блаженным бессмертным;
Так они слушать не станут тебя и молитвы отвергнут.

Стоя, и к солнцу лицом обратившись, мочиться не гоже.
Даже тогда на ходу не мочись, как зайдет уже солнце,
Вплоть до утра — все равно по дороге ль идешь, без дороги ль;
730 Не обнажайся при этом: над ночью ведь властвуют боги.
Мочится чтущий богов, рассудительный муж либо сидя,
Либо — к стене подойдя на дворе, огороженном прочно.

Совокупившись, не стой неодетый, с
Перед огнем очага, но держись в это время подальше.

735 Также, не с похорон грустно-зловещих домой воротившись,
Сей потомство свое, а с пира пришедши бессмертных.

Прежде чем в воду струистую рек, непрерывно текущих,
Ступишь ногой, помолись, поглядев на прекрасные струи,
И многоилоу, светлой водою умой себе руки.
740 Рук не умывши, души не очистив, пойдешь через реку,—
Боги тебя покарают, несчастье пославши вдогонку.

На пятипалом суку средь цветущего пира бессмертных
Светлым железом не надо с зеленого срезывать суши.

745 Также, в то время как пьют, черпака на кратерную крышку
Не помещай никогда: не весельем окончится это.

Дом себе строить начав, приводи к окончанию постройку,
Чтобы не каркала, сидя на доме, болтушка ворона.

Также не ешь и не мойся из тех горшконогов, в которых
Не приносилось жертв: и за это последует кара.

750 Мало хорошего, если двенадцатидневный ребенок
Будет лежать на могиле, — лишится он мужеской силы;
Или двенадцатимесячный: это нисколько не лучше.
Также не мой себе тело водою, которою мылась
Женщина: ибо придет и за это со временем кара
755 Тяжкая. Если увидишь горящую жертву, не смейся
Над непонятною тайной: воздаст тебе бог и за это.
Также, смотри, не мочись никогда ни в истоки, ни в устье
В море впадающих рек, — берегись и подумать об этом!
Не опоражнивай в них и желудка, — то будет не лучше.

760 Так поступай: от ужасной молвы человеческой бегай.
Слава худая мгновенно приходит, поднять ее людям
Очень легко, но нести тяжеленько и сбросить не просто.
И никогда не исчезнет бесследно молва, что в народе
Ходит о ком-нибудь: как там никак, и Молва ведь богиня.

765 Тщательно Зевсовы дни по значенью и сам различай ты
И обучай домочадцев. Тридцатое — день наилучший
767 Для обозренья свершенных работ, для дележки припасов.
768 Вот что различные дни у Кронида всемудрого значат,
769 Если в сужденьях народов об этом содержится правда.

770 Дни священные: день перед первым числом и четвертый.
День седьмой, — в этот день родился Аполлон златолирный, —

- Также восьмой и девятый. Особенно ж в месяце два есть
Дня при растущей луне, превосходных для смертных свершений,
День одиннадцатый и двенадцатый; оба счастливы
775 Для собиранья плодов и для стрижки овец густорунных.
Но между ними двоими — двенадцатый много счастливей.
Ткет паутину высоко парящий паук в это время,
Летом,— в ту пору, когда *запасливый* кучу готовит.
Женщина пусть в этот день к тканью на станке приступает.
- 780 Сев начинать на тринадцатый день опасайся всемерно;
Но для посадки растений тринадцатый день превосходен.
- В среднем десятке шестое число для растений опасно,
Но хорошо для зачатия мальчика. Девочке вредно
Замуж идти в этот день, равно как и на свет рождаться.
- 785 Также и в первом десятке шестое число для рожденья
Девочек мало полезно; козлят вылегчать и баранов
В это число хорошо и поскотину строить для стада.
День недурен для зачатия мальчика: будет любить он
Шутки, лукавые речи, обманы и шепот любовный.
- 790 В день восьмой кабанов подрезай и протяжно мычащих,
Крепких быков, а в двенадцатый день — выносливых мулов.
- День наиболее длинный меж чисел двадцатых рождает
Мужа искусного,— будет весьма он умом выдаваться.
День недурной мужеродный — десятый; а день женородный —
795 В среднем десятке четвертый; овец и собак острозубых,
Тяжелоногих, рогатых быков и выносливых мулов
В этот же день хорошо приручать. Берегися в четвертый
День после новой иль полной луны допускать себе в сердце
Скорби, грызущие дух: ибо день этот очень священный.
- 800 Также в четвертый вводи к себе в дом молодую супругу,
Птиц перед тем спросив, наилучших для этого дела.

Пятых же дней избегай: тяжелы эти дни и ужасны;
В пятый день, говорят, Эриннии пестуют Орка,
Клятвопреступным на гибель рожденного на свет Эридой.

805 В среднем десятке седьмого священные зерна Деметры
Вей на току округленном, душою отдавшись работе.
В этот же день лесорубы пусть рубят домовые бревна
И деревянные части для стройки судов быстроходных.
А за постройку саму приниматься четвертого надо.

810 В среднем десятке девятка лишь к вечеру лучше бывает.
Что же до первой девятки — вреда не несет она людям:
День для посадки растений хорош, для рожденья ребенка —
Мальчика ль, девочки ль. Очень он плох никогда не бывает.

815 Мало кто знает, как в месяце третья девятка полезна:
Бочку ль с вином начинать, налагать ли ярмо на затылки
Мулам, быкам и коням быстроногим, спускать ли на воду
Многоскамейчатый, быстрый корабль — в этот день превосходно.
Мало, однако, таких, кто про день этот правильно скажет.

820 Винную бочку вскрывай четвертого; самый священный
День меж четвертыми — средний; про тот, что идет за двадцатым,
Мало кто знает, что утром хорош он, но к вечеру хуже.

Эти вот дни для людей земнородных — великая польза.
Прочие все — ничего не несущие дни, без значенья.
Каждый различное хвалит. Но толком лишь мало кто знает.
825 То, словно мачеха, день, а другой раз — как мать, человеку,

Тот меж людьми и блажен и богат, кто, все это усвоив,
Делает дело, вины за собой пред богами не зная,
Птиц вопрошает и всяких деяний бежит нечестивых.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ

(ТЕОГОНИЯ)

С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
На Геликоне они обитают высоком, священном.
Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник...

* * * * *

- 5 Нежное тело свое искупавши в теченьях Пермесса,
Иль в роднике Иппокрене, иль в водах священных Ольмея,
На геликонской вершине они хоровод заводили,
Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.
Снявшись оттуда, туманом одевшись густым, непроглядным,
- 10 Ночью они приходили и пели чудесные песни,
Славя эгидодержавца Кронида с владычицей Герой,
Города Аргоса мощной царицею златообутой,
Зевса великую дочь, синеокою деву Афину,
И Аполлона-царя с Артемидою стрелолобивой,
- 15 И земледержца, земных колебателя недр Посейдона,

И Афродиту с ресницами гнутыми, также Фемиду,
Златовенчанную Гебу-богиню с прекрасной Дионой,
С ними — Лето́, Иапета и хитроразумного Крона,
Эос-Зарю и великого Гелия с светлой Селеной,
20 Гею-мать с Океаном великим и черною Ночью,
Также и все остальное священное племя бессмертных.

Песням прекрасным своим обучили они Гесиода
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
25 Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы:

«Эй, пастухи полевые,— несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»

Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса.
30 Вырезав посох чудесный из пышнозеленого лавра,
Мне его дали, и дар мне божественных песен вдохнули,
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет.
Племя блаженных богов величать мне они приказали,
Прежде ж и после всего — их самих воспевать непрестанно...
35 Впрочем, ну, как я могу говорить о скале или дубе?

С Муз песнопенье свое начинаем, которые пеньем
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе,
Все излагая подробно, что было, что есть и что будет,
Хором согласно звучащим. Без усталости сладкие звуки
40 Льют их уста. И смеются палаты родителя — Зевса
Тяжкогремящего, лишь зазвучат в них лилейные песни
Славных богинь. И ответно звучат им жилища блаженных
И олимпийские главы. Богини же гласом бессмертным
Прежде всего воспевают достойное почестей племя
45 Тех из богов, что Землей рождены от широкого Неба,

И благодавцев-богов, что от этих богов народились.
Зевса вторым после них, отца и бессмертных и смертных,
В самом начале и в самом конце воспевают богини,—
Сколь превосходнее всех он богов и могучее силой.
50 Племя затем воспевая людей и могучих Гигантов,
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы.
Семя во чрево приняв от Кронида-отца, в Пиерии
Их родила Мнемосина, царица высот Елевфера,
55 Чтоб улетали заботы и беды душа забывала.
Деять ночей сопрягался с богинею Зевс-промыслитель,
К ней вдалеке от богов восходя на священное ложе.
После ж того как исполнился год, времена обернулись,
Месяцы круг совершили и дней унеслося немало,
60 Единомысленных девять она дочерей народила,
С рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом,
Близ высочайшей вершины одетого снегом Олимпа.
Светлые там хороводы у них и прекрасные дома.
Рядом жилища имеют Хариты и Гимер-Желанье,
65 В празднествах жизнь проводя. Голосами прелестными Музы
Песни поют о законах, которые всем управляют,
Добрые нравы богов голосами прелестными славят.

Песнью бессмертной своею и голосом тешась прекрасным,
Музы к Олимпу пошли. И далеко звучали их гимны,
70 Милый их топот по черной земле раздавался в то время,
Как возвращались богини к родителю. В небе царит он,
Громом владеющий страшным и молнией огненно-жгучей,
Силою верх одержавший над Кроном-отцом. Меж богами
Все хорошо поделил он и каждому почесть назначил.

75 Это вот пели в дворцах олимпийских живущие Музы,
Девять богинь, дочерей многославного Зевса-владыки,—

Девы Клио и Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
И Эрато с Терпсихорой, Полимния и Урания,
И Каллиопа, — меж всеми другими она выдается:
80 Шествует следом она за царями, достойными чести.
Если кого отличить пожелают Кронидовы дщери,
Если увидят, что родом от Зевсом вскормленных царей он, —
То орошают счастливицу язык многосладкой росой.
Речи приятные с уст его льются тогда. И народы
85 Все на такого глядят, как в суде он выносит решенья,
С строгой согласные правдой. Разумным, решительным словом
Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет.
Ибо затем и разумны цари, чтобы всем пострадавшим,
Если к суду обратятся они, без труда возмещение
90 Полное дать, убеждая обидчиков мягкой речью.
Благоговейно его, словно бога, приветствуют люди.
Как на собранье пойдет он: меж всеми он там выдается.
Вот сей божественный дар, что приносится Музами людям.
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
95 Все на земле и певцы происходят и лирники-мужи.
Все же цари от Кронида. Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его любящийся голос!
Если нежданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
100 Песню услышать служителя Муз, песнопевца, о славных
Подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских,
И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился.

105 Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов, существующих вечно, —
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба,
Тех, кто от сумрачной Ночи, и тех, кого Море вскормило.
Все расскажите, — как боги, как наша земля зародилась,

110 Как беспредельное море явилось шумное, реки,
Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;
Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы все расскажите мне, Музы,
115 И сообщите при этом, что прежде всего зародилось.

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
119 Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
120 И, между вечными всеми богами прекраснейший,— Эрос.
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
125 Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
130 Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;
Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Иапета,
135 Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболее ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомошного он ненавидел.

Также Киклопов с душою надменною Гея родила,—
140 Счетом троях, а по имени — Бронта, Стеропа и Арга.

Молнию сделали Зевсу-Кронида и гром они дали.
Были во всем остальном на богов они прочих похожи,
Но лишь единственный глаз в середине лица находился:
Вот потому-то они и звались «Круглоглазы», «Киклопы»,
145 Что на лице по единому круглому глазу имели.
А для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.

Также другие еще родились у Геи с Ураном
Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных,—
Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес — надменные чада.
150 Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомоощных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали.

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,
155 Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появился,
Каждого в недрах Земли немедленно прятал родитель,
Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.
С полной утробой тяжко стонала Земля-великанша.
160 Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.
Тотчас породу создавши седого железа, огромный
Сделала серп и его показала возлюбленным детям
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:

«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
165 Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил. Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный, немедля отвечивал матери милой:

170 «Мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я.
Мало меня огорчает отца злоимянного жребий
Нашего. Ибо он первый ужасные веши замыслил».

Так он сказал. Ввеселилась душой исполинская Гея.
В место укромное сына запрятав, дала ему в руки
175 Серп острозубый и всяким коварствам его обучила.

Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он
Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный
180 Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным размахом.
И не бесплодно из Кроновых рук полетел он могучих:
Сколько на землю из члена ни вылилось капель кровавых,
Все их земля приняла. А когда обернулись годы,
185 Мощных Эриний она родила и великих Гигантов
С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих,
Также и нимф, что Мелиями мы на земле называем.
Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
190 По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою —
195 Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой,
«Пенорожденной», еще «Кифереей» прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
«Кипророжденной», — что в Кипре, омытом волнами, родилась.
201 К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня.
Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный.

С самого было начала дано ей в удел и владенье
Между земными людьми и богами бессмертными вот что:
205 Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.

Детям, на свет порожденным Землею, название *Титанов*
Дал в поношение отец их, великий Уран-повелитель.
Руку, сказал он, *простерли* они к нечестивому делу
210 И совершили злодейство, и будет им кара за это.

Ночь родила еще Мора ужасного с черною Керой.
Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений.
Мома потом родила и Печаль, источник страданий,
215 И Гесперид,— золотые, прекрасные яблоки холят
За океаном они на деревьях, плоды приносящих.
Мойр родила она также и Кер беспощадно казнящих.
[Мойры — Клофо именуются, Лахесис, Атропос. Людям
Определяют они при рожденье несчастье и счастье.]
220 Тяжко карают они и мужей и богов за проступки,
И никогда не бывает, чтоб тяжкий их гнев прекратился
Раньше, чем полностью всякий виновный отплату получит.
Также еще Немезиду, грозу для людей земнородных,
Страшная Ночь родила, а за нею — Обман, Сладострастье,
225 Старость, несущую беды, Эриду с могучей душою.

Грозной Эридою Труд порожден утомительный, также
Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы у смертных,
Схватки жестокие, Битвы, Убийства, мужей Избиенья,
Полные ложью слова, Словопренья, Судебные Тяжбы,
230 И Ослепленье души с Беззаконьем, родные друг другу,
И, наиболее горя несущий мужам земнородным,
Орк, наказующий тех, кто солжет добровольно при клятве.

Понт же Нерея родил, ненавистника лжи, правдолюбца,
Старшего между детьми. Повсеместно зовется он старцем,
235 Ибо душою всегда откровенен, безлобен, о правде
Не забывает, но сведущ в благих, справедливых советах.
Вслед же за этим Тавманта великого с Форкием храбрым
Понту Земля родила, и прекраснolanитную Кето,
И Еврибию, имевшую в сердце железную душу.

240 Многожеланные дети богинь родились у Нерея
В темной морской глубине от Дориды прекрасноволосой,
Дочери милой отца-Океана, реки совершенной.
Дети, рожденные ею: Плото, Сао и Евкранта,
И Амфитрита с Евдорой, Фетида, Галена и Главка,
245 Дальше — Спейо, Кимофоя, и Фоя с прелестной Галией,
И Эрато с Пасифеей и розоворукой Евникой,
Дева Мелита, приятная всем, Евлимена, Агава,
Также Дото и Прото, и Феруса, и Динамина,
250 Дальше — Несея с Актеей и Протомедея с Доридой,
Также Пандпейя и Галатея, прелестная видом,
И Гиппофоя, и розоворукая с ней Гиппоноя,
И Кимодока, которая волны на море туманном
И дуновения ветров губительных с Киматолегой
И с Амфитритой прекраснoлoдыжной легко укрощает.
255 Дальше — Кимо, Эиона, в прекрасном венке Галимеда,
И Главконома улыбкалюбивая, Понтопоря,
И Леагора, еще Евагора и Лаомедея,
И Пулиноя, а с ней Автоноя и Лиспанасса,
260 Ликом прелестная и безупречная видом Еварна,
Милая телом Псамата с божественной девой Мениппой,
Также Несо и Евпомпа, еще Фемисто и Проноя,
И, наконец, Немертея с правдивой отцовской душою.
Вот эти девы, числом пятьдесят, в беспорочных работах
Многоискусные, что рождены беспорочным Нереем.

265 Дочь Океана глубокотекущего, деву Электру
Взял себе в жены Тавмант. Родила она мужу Ириду
Быструю и Аэлло с Окипетою, Гарпий кудрявых.
Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных
Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.

270 Граий прекрасноранитных от Форкия Кето родила.
Прямо седыми они родились. Потому и зовут их
Граями боги и люди. Их двое,— одета в изящный
Пеплос одна, Пемфредо, Энио же, другая,— в шафранный.
Также Горгон родила, что за славным живут Океаном
275 Рядом с жилищем певиц Гесперид, близ конечных пределов
Ночи: Сфенно, Евриалу, знакомую с горем Медузу.
Смертной Медуза была. Но бессмертны, бесстаростны были
Обе другие. Спрягся с Медузою той Черновласый
На многотравном лугу, средь весенних цветов благовонных.

280 После того как Медузу могучий Персей обезглавил,
Конь появился Пегас из нее и Хрисаор великий.
Имя Пегас — оттого, что рожден у *ключей* океанских,
Имя Хрисаор — затем, что с *мечом золотым* он родился.
Землю, кормилицу стад, покинул Пегас и вознесся
285 К вечным богам. Обитает теперь он в палатах у Зевса.
И Громовержцу всеумудрому молнию с громом приносит.

Этот Хрисаор родил трехголового Герионея,
Соединившись в любви с Каллироею Океанидой.
Герионея того умертвила Гераклова сила
290 Возле ленивых коров на омытой водой Ерифее.
В тот же направился день к Тиринфу священному с этим
Стадом коровьим Геракл, через броды пройдя Океана,
Орфа убивши и стража коровьего Евритиона
За Океаном великим и славным, в обители мрачной.

295 Кето ж в пещере большой разрешилась чудовищем новым,
Ни на людей, ни на вечноживущих богов не похожим,—
Неодолимой Ехидной, божественной, с духом могучим,
Наполовину — прекрасной с лица, быстроглазую нимфой,
Наполовину — чудовищным змеем, большим, кровожадным,
300 В недрах священной земли залегающим, пестрым и страшным.
Есть у нея там пещера внизу глубоко под скалою,
И от бессмертных богов, и от смертных людей в отдаленье:
В славном жилище ей там обитать предназначили боги.
Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа Ехидна,
305 Гибель несущая, жизнь под землей проводила в Аримах.

Как говорят, с быстроглазую девою той сочетался
В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный.
И зачала от него, и детей родила крепкодушных.
Для Герiona сперва родила она Орфа-собаку;
310 Вслед же за ней — несказанного Цербера, страшного видом,
Медноголосого адова пса, кровожадного зверя,
Нагло-бесстыдного, злого, с пятьюдесятью головами.
Третьей потом родила она злую Лернейскую Гидру.
Эту вскормила сама белорукая Гера-богиня,
315 Неукротимую злобой пылавшая к силе Геракла.
Гибельной медью, однако, ту Гидру сразил сын Кронида,
Амфитрионова отрасль Геракл, с Иолаем могучим,
Руководимый советом добычницы мудрой Афины.
Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
320 Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами:
Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
Козьей — другою, а третьей — могучего змея-дракона.
Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.
325 Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвили.
Грозного Сфинкса еще родила она в гибель кадмейцам,

Также Немейского льва, в любви сочетавшись с Орфом.
Лев этот, Герой вскормленный, супругою славною Зевса,
Людам на горе в Немейских полях поселен был богиней.
330 Там обитал он и племя людей пожирал земнородных,
Царствуя в области всей Апасанта, Неми и Трета.
Но укротила его многомогущая сила Геракла.

Форкию младшего сына родила владычица Кето,—
Страшного змея: глубоко в земле залегая и свившись
335 В кольца огромные, яблоки он сторожит золотые.
Это — потомство, рожденное на свет от Форкия с Кето.

От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети,
Реки Нил и Алфей с Эриданом глубокопучинным,
Также Стримон и Меандр с прекраснострующим Истром,
340 Фазис и Рес, Ахелой серебристопучинный и быстрый,
Несс, Галиакмон, а следом за ними Гептапор и Родий,
Граник-река с Симоентом, потоком божественным, Эсеп,
Реки Герм и Пеней и прекраснострующийся Каик,
И Сангарийский великий поток, и Парфений, и Ладон,
345 Быстрый Эвен и Ардеск с рекою священной Скамандром.

Также и племя священное дев народила Тефия.
Вместе с царем Аполлоном и с Реками мальчиков юных
Пестуют девы,— такой от Кронида им жребий достался.
Те Океановы дщери: Адмета, Пейто и Электра,
350 Янфа, Дорида, Примно и Урания с видом богини,
Также Гиппо и Климена, Роденя и Каллироя,
Дальше — Зейксо и Клития, Идийя и с ней Пасифоя,
И Галаксавра с Плексаврой, и милая сердцу Диона,
Фоя, Мелобозис и Подидора, прекрасная видом,
355 И Керкеида с прелестным лицом, волоокая Плуту,
Также еще Персеида, Янира, Акаста и Ксанфа,
Милая дева Петрея, за ней — Менесфо и Европа,

Полная чар Калипсо, Телесто в одеянии желтом,
Азия, с ней Хрисеида, потом Евринома и Мегис.
360 Тиха, Евдора, и с ними еще — Амфи́ро, Окироя,
Стикс, наконец: выдается она между всеми другими.
Это — лишь самые старшие дочери, что народились
От Океана с Тефией. Но есть и других еще много.
Ибо всего их три тысячи, Океанид стройноногих.
365 Всюду рассеявшись, землю они обегают, а также
Бездны глубокие моря, богинь знаменитые дети.
Столько же есть на земле и бурливо текущих потоков,
Также рожденных Тефией, — шумливых сынов Океана.
Всех имена их назвать никому из людей не под силу.
370 Знает название потока лишь тот, кто вблизи обитает.

Фейя — великого Гелия с яркой Селеной и с Эос,
Льющею сладостный свет равно для людей земнородных
И для бессмертных богов, обитающих в небе широком,
С Гиперионом в любви сочетавшись, на свет породила.

375 С Крием в любви сочетавшись, богиня богинь Еврибия
На свет родила Астрея великого, также Паланта
И между всеми другими отличного хитростью Перса.

Эос-богиня к Астрею взошла на любовное ложе,
И родились у нее крепкодушные ветры от бога, —
380 Быстролетящий Борей, и Нот, и Зефир белопенный.
Также звезду Зареносца и сонмы венчающих небо
Ярких звезд родила спозаранку рожденная Эос.

Стикс, Океанова дочь, в любви сочетавшись с Палантом,
Зависть в дворце родила и прекраснолодыжную Нике.
385 Силу и Мощь родила она также, детей знаменитых.
Нет у них дома отдельно от Зевса, пристанища нету,
Нет и пути, по которому шли бы не следом за богом;
Но неотступно при Зевсе живут они тяжкогремящем.

Так это сделала Стикс, нерушимая Океанида,
390 В день тот, когда на великий Олимп небожителей вечных
Созвал к себе молневержец Кронид, олимпийский владыка,
И объявил им, что тот, кто пойдет вместе с ним на Титанов,
Почестей прежних не будет лишен и удел сохранит свой,
Коим дотоле владел меж богов, бесконечно живущих.
395 Если же кто не имел ни удела, ни чести при Кроне,
Тот и удел и почет подобающий ныне получит.
Первой тогда нерушимая Стикс на Олимп поспешила
Вместе с двумя сыновьями, совету отца повинувась.
Щедро за это ее одарил и почтил Громовержец:
400 Ей предназначил он быть величайшею клятвой бессмертных,
А сыновьям приказал навсегда у него поселиться.
Также и данные всем остальным обещанья сдержал он,
Сам же с великою властью и силой царит над вселенной.

Феба же к Кою вступила на многожеланное ложе
405 И, восприявши во чрево,— богиня в объятиях бога,—
Черноодежной Лето разрешилася, милою вечно,
Милою искони, самую кроткой на целом Олимпе,
Благостной к вечноживущим богам и благостной к людям.
Благоименную также она родила Астерию,—
410 Ввел ее некогда Перс во дворец свой, назвавши супругой.

Эта, зачавши, родила Гекату,— ее перед всеми
Зевс отличил Громовержец и славный удел даровал ей:
Править судьбою земли и бесплодно-пустынного моря.
Был ей и звездным Ураном почетный удел предоставлен,
415 Более всех почитают ее и бессмертные боги.
Ибо и ныне, когда кто-нибудь из людей земнородных,
Жертвы свои принося по закону, о милости молит,
То призывает Гекату: большую он честь получает
Очень легко, раз молитва его принята благосклонно.

420 Шлет и богатство богиня ему: велика ее сила.
Долю имеет Геката во всяком почетном уделе
Тех, кто от Геи-Земли родился и от Неба-Урана,
Не причинил ей насилья Кронид и не отнял обратно,
Что от Титанов, от прежних богов, получила богиня.

425 Все сохранилось за ней, что при первом разделе на долю
Выпало ей из даров на земле, и на небе, и в море.
Чести не меньше она, как единая дочь, получает,—
Даже и больше еще: глубоко она чтима Кронидом.
Пользу богиня большую, кому пожелает, приносит.

430 Хочет,— в народном собранье любого меж всех возвеличит.
Если на мужегубительный бой снаряжаются люди,
Рядом становится с теми Геката, кому пожелает
Дать благосклонно победу и славою имя украсить.
Возле достойных царей на суде восседает богиня.

435 Очень полезна она, и когда состязаются люди:
Рядом становится с ними богиня и помощь дает им.
Мощью и силою кто победит — получает награду,
Радуясь в сердце своем, и родителям славу приносит.
Конникам также дает она помощь, когда пожелает,

440 Также и тем, кто, среди синих, губительных волн промышляя,
Станет молиться Гекате и шумному Энносигею.
Очень легко на охоте дает она много добычи,
Очень легко, коль захочет, покажет ее — и отнимет.
Вместе с Гермесом на скотных дворах она множит скотину;

445 Стадо ль вразброску пасущихся коз иль коров круторогих,
Стадо ль овец густорунных, душой пожелав, она может
Самое малое сделать великим, великое ж — малым.
Так-то,— хотя и единая дочь у матери,— все же
Между бессмертных богов почтена она всяческой честью.

450 Вверил ей Зевс попеченье о детях, которые узрят
После богини Гекаты восход многовидящей Эос.
Искони юность хранит она. Вот все уделы богини.

Рея, поятая Кроном, детей родила ему светлых,—
Деву-Гестию, Деметру и златообутую Геру,
455 Славного мощью Аида, который живет под землею,
Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея,
И промыслителя Зевса, отца и бессмертных и смертных,
Громы которого в трепет приводят широкую землю.
Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени
460 Новорожденный младенец из матери чрева святого:
Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана
Царская власть над богами другому кому не досталась.
Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана,
Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном,
465 Как он сам ни могуч,— умышленьем великого Зевса.
Вечно на страже, ребенка, едва только на свет являлся,
Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе.
Но наконец, как родить собралась она Зевса-владыку,
Смертных отца и бессмертных, взмолилась к родителям Рея,
470 К Гее великой, Земле, и к звездному Небу-Урану,—
Пусть подадут ей совет рассудительный, как бы, родивши,
Спрятать ей милого сына, чтоб мог он отмстить за злодейство
Крону-владыке, детей поглотившему, ею рожденных.
Вняли молениям дщери возлюбленной Гея с Ураном
475 И сообщили ей точно, какая судьба ожидает
Мощного Крона-царя и его крепкодушного сына.
В Ликтос послали ее, плодородную критскую область,
Только лишь время родить наступило ей младшего сына,
Зевса-царя. И его восприяла Земля-великанша,
480 Чтобы на Крите широком владыку вскормить и взлелеять.
Быстрою, черною ночью сначала отправилась в Дикту
С новорожденным богиня и, на руки взявши младенца,
Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере,
На многолесной Эгейской горе, середь чаши тенистой.
485 Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея

Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель
В руки завернутый камень схватил и в желудок отправил.
Злой нечестивец! Не ведал он в мыслях своих, что остался
Сын невредимым его, в безопасности полной, что скоро
490 Верх над отцом ему взять предстояло руками и силой
С трона низвергнуть и стать самому над богами владыкой.

Начали быстро расти и блестящие члены, и сила
Мощного Зевса-владыки. Промчались года за годами.
Перехитрил он отца, предписаний послушавшись Геи:
495 Крон хитроумный обратно, великий, извергнул потомков,
Хитростью сына родного и силой его побежденный.
Первым извергнул он камень, который последним пожрал он.
Зевс на широкодорожной земле этот камень поставил
В многосвященном Пифоне, в долине под самым Парнасом,
500 Чтобы всегда там стоял он как памятник, смертным на диво.

Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно
Вверг в заключение отец, на свободу он вывел обратно.
Благодеянья его не забыли душой благодарной
Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей
505 Молнией: прежде в себе их скрывала Земля-великанша.
Твердо на них полагаясь, людьми и богами он правит.

Океаниду прекраснолодыжную, деву Климену,
В дом свой увел Иапет и всходил с ней на общее ложе.
Та же ему родила крепкодушного сына Атланта,
510 Также Менетия, славой затмившего всех, Прометея
С хитрым, искусным умом и недалежного Эпиметея.
С самого этого начала несчастьем явился для смертных:
Первый от Зевса он девушку, им сотворенную, принял
В жены. Менетия ж наглого Зевс протяженногремящий
515 В мрачный отправил Эреб, ниспровергнувши молнией дымной
За нечестивость его и чрезмерную, страшную силу.

Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью мощной,
На голове и руках неустанных широкое небо
Там, где граница земли, где певичы живут Геспериды.
520 Ибо такую судьбу ниспослал ему Зевс-промыслитель.
А Прометей, на выдумки хитрого, к средней колонне
В тяжких и крепких оковах Кронид привязал Громовержец
И длиннокрылого выслал орла: бессмертную печень
Он пожирал у титана, но за ночь она выростала
525 Ровно настолько же, сколько орел пожирал ее за день.
Сыном могучим Алкмены прекраснородыжной, Гераклом,
Был тот орел умерщвлен, а сын Иапета избавлен
От жесточайших страданий и тяжко-мучительной скорби,—
Не против воли высокоцарящего Зевса-Кронида:
530 Ибо желалось Крониду, чтоб сделалась слава Геракла
Фиворожденного больше еще на земле, чем дотоле;
Честью великой решив отличить знаменитого сына,
Гнев прекратил он, который дотоле питал к Прометею
Из-за того, что тягался он в мудрости с Зевсом могучим.
535 Ибо в то время, как боги с людьми препирались в Меконе,
Тушу большого быка Прометей многохитрый разрезал
И разложил на земле, обмануть домогаясь Кронида.
Жирные в кучу одну потроха отложил он и мясо,
Шкурою все обернув и покрывши бычачьим желудком,
540 Белые ж кости собрал он злокозненно в кучу другую
И, разместивши искусно, покрыл ослепительным жиром.
Тут обратился к титану родитель бессмертных и смертных:

«Сын Иапета, меж всеми владыками самый отличный!
Очень неровно, мой милый, на части быка поделил ты!»

545 Так насмехался Кронид, многосведущий в знаниях вечных.
И, возражая, ответил ему Прометей хитроумный,
Мягко смеясь, но коварных повадок своих не забывши:

«Зевс, величайший из вечно живущих богов и славнейший!
Выбери то для себя, что в груди тебе дух твой укажет!»

550 Так он сказал. Но Кронид, многосведущий в знаниях вечных,
Сразу узнал, догадался о хитрости. Злое замыслил
Против людей он и замысел этот исполнить решился.
Правой и левой рукою блистающий жир приподнял он —
555 И рассердился душою, и гнев ворвался ему в сердце,
Как увидел он искусно прикрытые кости бычачьи.
С этой поры поколенья людские во славу бессмертных
На алтарях благовонных лишь белые кости сжигают.
В гневе сказал Прометею Кронид, облаков собиратель:

«Сын Иапета, меж всех наиболее на выдумки хитрый!
560 Козней коварных своих, мой любезный, еще не забыл ты!»

Так говорил ему Зевс, многосведущий в знаниях вечных.
В сердце великом навеки обман совершенный запомнив,
Силы огня неустанной решил ни за что не давать он
Людям ничтожным, которые здесь на земле обитают.
565 Но обманул его вновь благороднейший сын Иапета:
Неутомимый огонь он украл, издали заметный,
Спрятавши в нартексе полом. И Зевсу, гремящему в высях,
Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он сердцем,
Как увидел у людей свой огонь, издали заметный.
570 Чтоб отплатить за него, изобрел для людей он несчастье:
Тотчас слепил из земли знаменитый хронец обоногий,
Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой;
Пояс на ней застегнула Афина, в серебристое платье
Деву одевши; руками держала она покрывало
575 Ткани тончайшей, с главы ниспадавшее,— диво для взоров:
578 Голову девы венцом золотым увенчала богиня.
Сделал венец этот сам знаменитый хронец обоногий
580 Ловкой рукою своей, угождая родителю Зевсу.

Много на нем украшений он вырезал, — диво для взоров, —
Всяких чудовищ, обильно питаемых сушей и морем.
Много их тут поместил он, сияющих прелестью многой,
Дивных: казалось, что живы они и что голос их слышен.

585 После того как создал он прекрасное зло вместо блага,
Деву привел он, где боги другие с людьми находились, —
Гордую блеском нарядов Афины могучеотцовной.
Диву бессмертные боги далися и смертные люди,
Как увидали приманку искусную, гибель для смертных.

591 Женщин губительный род от нее на земле происходит.
Нам на великое горе, они меж мужчин обитают,
В бедности горькой не спутницы, — спутницы только в богатстве.
Так же вот точно в покрытых ульях хлопотливые пчелы
595 Трутней усердно питают, хоть пользы от них и не видят;
Пчелы с утра и до ночи, покуда не скроется солнце,
Изо дня в день суетятся и белые соты выводят;
Те же все время внутри остаются под крышею улья
И пожинаяют чужие труды в ненасытный желудок.
600 Так же высокогремящим Кронидом, на горе мужчинам,
Посланы женщины в мир, причастницы дел нехороших.
Но и другую еще он беду сотворил вместо блага:
Кто-нибудь брака и женских вредительных дел избегает
И не желает жениться: приходит печальная старость —
605 И остается старик без ухода! А если богат он,
То получает наследство какой-нибудь родственник дальний!
Если же в браке кому и счастливый достанется жребий,
Если жена попадется ему сообразно желаньям,
Все же немедленно зло начинает с добром состязаться
610 Без передышки. А если жену из породы зловредной
Он от судьбы получил, то в груди его душу и сердце
Тяжкая скорбь наполняет. И нет от беды избавленья!

Не обойдет, не обманет никто многомудрого Зевса!
Сам Иапетионид Прометей, благодетель великий,
615 Тяжкого гнева его не избег. Как разумен он ни был,
Все же хотел не хотел — а попал в неразрывные узы.

К Обриарею, и Котту, и Гиесу с первого взгляда
В сердце родитель почуял вражду и в оковы их ввергнул,
Мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь.
620 В недрах широкодорожной земли поселил их родитель.
Горестно жизнь проводили они глубоко под землю,
Возле границы пространной земли, у предельного края,
С долгой и тяжкою скорбью в душе, в жесточайших страданиях,
Всех их, однако, Кронид и другие бессмертные боги,
625 Реей прекрасноволосой рожденные на свет от Крона,
Вывели снова на землю, совета послушавшись Геи:
Точно она предсказала, что с помощью тех великанов
Полную боги победу получают и громкую славу.
Ибо уж долгое время сражались друг против друга
630 В ярых, могучих боях, с напряжением, ранящим душу,
Боги-Титаны и боги, рожденные на свет от Крона:
Славные боги-Титаны — с Офрийской горы высочайшей,
Боги, рожденные Реей прекрасноволосой от Крона,
Всяких податели благ, — с вершин многоснежных Олимпа.
635 Гневом, душе причиняющим боль, пламенея друг к другу,
Десять уж лет непрерывно они меж собою сражались,
А разрешенья тяжелой вражды иль ее окончанья
Не приходило, и не было видно конца межусобью.
Вызволив тех великанов могучих, подали им боги
640 Нектар с амвросией — пищу, которой питаются сами.
И преисполнилось сердце у каждого смелостью мощной.
После того как амвросией с нектаром те напитались,
Слово родитель мужей и богов обратил к великанам:

«Слушайте, славные чада, рожденные Геей с Ураном!
645 Слово скажу я, какое душа мне в груди приказала.
Очень уж долгое время, сражаясь друг против друга,
Бьемся мы все эти дни непрерывно за власть и победу,—
Боги-Титаны и мы, рожденные на свет от Крона.
650 Встаньте навстречу Титанам, в жестоком бою покажите
Страшную силу свою и свои необорные руки.
Вспомните нашу любовь к вам, припомните, сколько страданий
Вы претерпели, пока мы вам тягостных уз не расторгли
И из подземного мрака сырого не вывели на свет».

Так он сказал. И ответил тотчас ему Котт безупречный:

655 «Мало, божественный, пового нам говоришь ты: и сами
Ведаем мы, что и духом и мыслью ты всех превосходишь,
Злое проклятие разве не ты отвратил от бессмертных?
И не твоим ли советом из тьмы преисподней обратно
Возвращены мы сюда из оков беспощадных и тяжких,
660 Вынесши столько великих мучений, владыка, сын Крона!
Ныне разумною мыслью, с внимательным духом тотчас же
Выступим мы на защиту владычества вашего в мире
И беспощадной, ужасной войною пойдем на Титанов».

Так он сказал. И одобрили слово, его услышавши,
665 Боги, податели благ. И войны возжелали их души
Пламенной даже, чем раньше. Убийственный бой возбудили
Все они в этот же день,— мужчины, равно как и жены,—
Боги-Титаны и те, что от Крона родились, а также
Те, что на свет из Эреба при помощи Зевсовой вышли,—
670 Мощные, ужас на всех наводящие, силы чрезмерной.
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомошных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.

Вышли навстречу Титанам они для жестокого боя,
675 В каждой из рук многомошнных держа по скале крутобойкой.
Также Титаны с своей стороны укрепили фаланги
С бодрой душою. И подвиги силы и рук проявили
Оба врага. Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
680 И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
Так они друг против друга метали стениящие стрелы.
685 Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходилися боги на битву.

Сдерживать мощного духа не стал уже Зевс, но тотчас же
Мужеством сердце его преисполнилось, всю свою силу
Он проявил. И немедленно с неба, а также с Олимпа,
690 Молнии сыпля, пошел Громовержец-владыка. Перуны,
Полные блеска и грома, из мощной руки полетели
Часто один за другим; и священное взвихрилось пламя.
Жаром палимая, глухо и скорбно земля загудела,
И затрещал под огнем пожирающим лес неиссечтнный.
695 Почва кипела кругом. Океана кипели теченья
И многошумное море. Титанов подземных жестокий
Жар охватил, и дошло до эфира священного пламя
Жгучее. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли
Каждому яркие взблески перунов летящих и молний.
700 Жаром ужасным объят был Хаос. И когда бы увидел
Все это кто-нибудь глазом иль ухом бы шум тот услышал,
Всякий, наверно, сказал бы, что небо широкое сверху
Наземь обрушилось,— ибо с подобным же грохотом страшным
Небо упало б на землю, ее на куски разбивая,—
705 Столь оглушительный шум поднялся от божественной схватки.

С ревом от ветра крутилася пыль, и земля содрогалась;
Полные грома и блеска, летели на землю перуны,
Стрелы великого Зевса. Из гуши бойцов разъяренных
Клики неслись боевые. И шум поднялся несказанный
710 От ужасающей битвы, и мощь проявилась делний.
Жребий сраженья склонился. Но раньше, сошедшись друг
с другом,
Долго они и упорно сражались в схватках могучих.

В первых рядах сокрушающе-яростный бой возбудили
Котт, Бриарей и душой ненасытный в сражениях Гиес.
715 Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов
Быстро один за другим, и в полете своем затенили
Яркое солнце они. И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных.
720 Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба,
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
725 В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.

Медной оградю Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.

Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны
730 Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных
В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной.
Выхода нет им оттуда — его преградил Посидаон
Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.
Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гиес,
735 Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса.

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы и начала,
Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут.
740 Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота,
Дна не достиг бы той бездны в течение целого года:
Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б,
Стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся
Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи
745 Там расположены, густо одетые черным туманом.

Сын Иапета пред ними бескрайне широкое небо
На голове и на дланях, не зная усталости, держит
В месте, где с Ночью встречается День: чрез высокий ступая
Медный порог, меж собою они перебросятся словом —
750 И разойдутся; один поспешает наружу, другой же
Внутрь в это время нисходит: совместно обоих не видит
Дом никогда их под кровлей своею, но вечно вне дома
Землю обходит один, а другой остается в жилище
И ожидает прихода его, чтоб в дорогу пуститься.
755 К людям на землю приходит один с многовидящим светом,
С братом Смерти, со Сном на руках, приходит другая,—
Гибель несущая Ночь, туманом одетая мрачным.

Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,
Сон со Смертью — ужасные боги. Лучами своими
760 Ярko сияющий Гелий на них никогда не взирает,
Всходит ли на небо он иль обратно спускается с неба.
Первый из них по земле и широкой поверхности моря
Ходит спокойно и тихо и к людям весьма благосклонен.
Но у другой из железа душа и в груди беспощадной —
765 Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит,
Тех не отпустит назад. И богам она всем ненавистна.

Там же стоят невдали многозвонкие гулкие дома
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

Сторожем пес беспощадный и страшный сидит перед входом.

770 С злостью, коварной повадкой: встречает он всех проходящих,
Мягко виляя хвостом, шевеля добродушно ушами.

Выйти ж назад никому не дает, но, наметаясь, хватает
И пожирает, кто только попробует царство покинуть
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

775 Там обитает богиня, будящая ужас в бессмертных,
Страшная Стикс,— Океана, текущего кругообразно,
Старшая дочь. Вдалеке от бессмертных живет она в доме,
Скалы нависли над домом. Вокруг же повсюду колонны
Из серебра, и на них высоко он вздымается к небу.

780 Быстрая на ноги дочь Тавманта Ирида лишь редко
С вестью примчится сюда по хребту широчайшему моря.

Если раздоры и спор начинаются между бессмертных,
Если солжет кто-нибудь из богов, на Олимпе живущих,
С кружкою шлет золотою отец-молневержец Ириду,

785 Чтобы для клятвы великой богов принесла издалека
Многоименную воду холодную, что из высокой
И недоступной струится скалы. Под землю пространной
Долго она из священной реки протекает средь мочи,
Как океанский рукав. Десятая часть ей досталась:

790 Девять частей всей воды вокруг земли и широкого моря
В водоворотах серебряных вьется и в море впадает.
Эта ж одна из скалы вытекает, на горе бессмертным.

Если, свершив той водой возлияние, ложною клятвой
Кто из богов поклянется, живущих на снежном Олимпе,

795 Тот бездыханным лежит в продолжение целого года.
Не приближается к пище,— к амбросии с нектаром сладким,
Но без дыханья и речи лежит на разостланном ложе.
Сон непробудный, тяжелый и злой, его душу объемлет.

Медленный год протечет,— и болезнь прекращается эта.
800 Но за одну бедою другая является следом:
Девять он лет вдалеке от бессмертных богов обитает,
Ни на собрания, ни на пиры никогда к ним не ходит.
Девять лет напролет. На десятый же год начинает
Вновь посещать он собрания богов, на Олимпе живущих.
805 Так-то вот клясться богами положено ненарушимой
Стиксовой древней водою, текущей меж скал каменистых.

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы и начала,—
810 Страшные, мрачные; даже и боги пред ними трепещут.
Там же — ворота из мрамора, медный порог самородный,
Неколебимый, в земле широко утвержденный корнями.
Перед воротами теми снаружи, вдали от бессмертных,
Боги-Титаны живут, за Хаосом угрюмым и темным.
815 Там же, от них невдали, в глубочайших местах Океана,
В крепких жилищах помощники славные Зевса-владыки,
Котт и Гиес живут. Бриарей ж могучего сделал
Зятем своим Колебатель земли протяженногремющий.
Кимополею отдав ему в жены, любезную дочь.

820 После того как Титанов прогнал уже с неба Кронион,
Младшего между детьми, Тифоея, Земля-великанша
На свет родила, отдавшись объятиям Тартара страстным.
Силою были и жаждой деяний исполнены руки
Мощного бога, не знал он усталости ног; над плечами
825 Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.
Взглянет любой головою,— и пламя из глаз ее брызнет.
Глотки же всех этих страшных голов голоса испускали

830 Невыразимые, самые разные: то раздавался
Голос, понятный бессмертным богам, а за этим как будто
Яростный бык многомогущий ревел оглушительным ревом;
То вдруг рыканье льва доносилось, бесстрашного духом,
То, к удивлению, стая собак заливалась лаем,
835 Или же свист вырывался, в горах отдаваясь эхом.
И совершилось бы в этот же день невозвратное дело,
Стал бы владыкою он над людьми и богами Олимпа,
Если б остро не удумал отец и бессмертных и смертных.
Загрохотал он могуче и глухо, повсюду ответно
840 Страшно земля зазвучала, и небо широкое сверху,
И Океана теченья, и море, и Тартар подземный.
Тяжко великий Олимп под ногами бессмертными вздрогнул,
Только лишь с места Кронид поднялся. И земля застонала.
Жаром сплошным отовсюду и молния с громом, и пламя
845 Чудища злого объяли фиалково-темное море.
847 Все вокруг бойцов закипело — и почва, и море, и небо.
С ревом огромные волны от яростной схватки бессмертных
Бились вокруг берегов, и тряслася земля непрерывно.
850 В страхе Аид задрожал, повелитель ушедших из жизни,
Затрепетали Титаны под Тартаром около Крона
От непрерывного шума и страшного грохота битвы.
Зевс же владыка, свой гнев распалив, за оружие схватился,—
За грозовые перуны свои, за молнию с громом.
855 На ноги быстро вскочивши, ударил он громом с Олимпа,
Страшные головы сразу спалил у чудовища злого.
И укротил его Зевс, полосуюя ударами молний.
Тот ослабел и упал. Застонала Земля-великанша.
После того как низвергнул перуном его Громовержец,
860 Пламя владыки того из лесистых забило расселин
Этны, скалистой горы. Загорелась Земля-великанша
От несказанной жары и, как олово, плавиться стала,—
В тигле широком умело нагретое юношей ловким

865 Так же совсем и железо — крепчайшее между металлов,—
В горных долинах лесистых огнем укрошенное жарким,
Плавится в почве священной под ловкой рукою Гефеста.
Так-то вот плавиться стала земля от ужасного жара.
Пасмурно в Тартар широкий Кронид Тифоея забросил.

870 Влагу несущие ветры пошли от того Тифоея,
Все, кроме Нота, Борея и белого ветра Зефира:
Эти — из рода богов и для смертных великая польза.
Ветры же прочие все — пустовей, и без толку дуют.
Сверху они упадают на мглисто-туманное море,
Вихрями злыми крутятся, на великую пагубу людям;
875 Дуют туда и сюда, корабли во все стороны гонят
И мореходчиков губят. И нет от несчастья защиты
Людям, которых те ветры ужасные в море застигнут.
Дуют другие из них на цветущей земле беспредельной
И разоряют прелестные нивы людей земнородных,
880 Пылью обильною их заполняя и тяжким смятеньем.

После того как окончили труд свой блаженные боги
И в состязанье за власть и почет одолели Титанов,
Громогрящему Зевсу, совету Земли повинуюсь,
Стать предложили они над богами царем и владыкой.
885 Он же уделы им роздал, какой для кого полагался.

Сделалась первою Зевса супругой Метида-Премудрость;
Больше всего она знает меж всеми людьми и богами.
Но лишь пора ей пришла синеокою деву-Афину
На свет родить, как хитро и искусно ей ум затуманил
890 Льстивою речью Кронид и себе ее в чрево отправил,
Следуя хитрым Земли уговорам и Неба-Урана.
Так они сделать его научили, чтоб между бессмертных
Царская власть не досталась другому кому вместо Зевса.

Ибо премудрых детей предназначено было родить ей,—
895 Деву-Афину сперва, синеокою Тритогенею,
Равную силой и мудрым советом отцу Громовержцу;
После ж Афины еще предстояло родить ей и сына —
С сердцем сверхмошным, владыку богов и мужей земнородных.
Раньше, однако, себе ее в чрево Кронион отправил,
900 Дабы ему сообщала она, что зло и что благо.

Зевс же вторую Фемиду блестящую взял себе в жены.
И родила она Ор — Евномию, Дику, Ирену
(Пышные нивы людей земнородных они охраняют),
Также и Мойр, наиболее почтенных всемудрым Кронидом.
905 Трое всего их: Клофо и Лахесис с Атропос. Смертным
Людям они посылают и доброе все и плохое.

Трех ему розовощеких Харит родила Евринома,
Славная дочь Океана с прелестным лицом. Имена их
Первой — Аглая, второй — Евфросина и третьей — Фалия.
910 Взглянут — и сладко-истомая страсть из-под век их прелестных
Льется на всех, и блестят под бровями прекрасные очи.

После того он на ложе взошел к многокормной Деметре,
И Персефоной его белоколотной та подарила:
Деву похитил Аид у нее с дозволения Зевса.

915 Тотчас затем с Мнемосиной сошелся он пышноволобой.
Муз родила ему та, в золотых диадемах ходящих,
Девять счетом. Пиры они любят и радости песни.

С Зевсом эгидодержавным в любви и Лето сочеталась.
Феба она родила с Артемидою стрелолюбивой;
920 Всех эти двое прелестней меж славных потомков Урана.

Самой последнею Геру он сделал своею супругой.
Гебой, Ареем его и Илифией та подарила,
Совокупившись в любви с владыкой бессмертных и смертных,

925 Сам он родил из главы синеокою Тритогенею,—
Неодолимую, страшную, в битвы ведущую рати,
Чести достойную,— милы ей войны и грохот сражений.
В гневе великом на это, поссорилась Гера с супругом
II, не познавши любовных объятий, родила Гефеста.
Между потомков Урана в художествах всех он искусней.

930 От Амфитриты и тяжко гремящего Энносигея
Широкомощный, великий Тритон родился, что владеет
Глубью морской. Близ отца он владыки и матери милой
В доме живет золотом,— ужаснейший бог. Киферея
Щитодробителю Аресу Страх родила и Смятенье,
935 Ужас вносящих в густые фаланги мужей-ратоборцев
В битвах кровавых, совместно с Ареем, рушителем градов.
Дочь родила она также Гармонию, Кадма супругу.

Майя, Атлантова дочь, взошла на священное ложе
К Зевсу и вестником вечных богов разрешилась, Гермесом.
940 Кадмова дочь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом,
Сына ему родила Диониса, несущего радость,
Смертная — бога. Теперь они оба бессмертные боги.

Мощную силу Геракла на свет породила Алкмена,
В жаркой любви сочетавшись с Кронидом, собирающим тучи.

945 Сделал Аглаю Гефест, знаменитый хромец обоногий,
Младшую между Харит, своею супругой цветущей.

А Дионис златовласый Миносову дочь Ариадну
Русоволосую сделал своею супругой цветущей.
Зевс для него даровал ей бессмертье и вечную юность.

850 Сын необорно-могучий Алкмены прекраснородыжной,
Сила Геракла, приведши к концу многостонные битвы,
Сделал супругой почтенной своею на снежном Олимпе
Златообую Герой от Зевса рожденную Гебу.
Дело великое между богов совершил он, блаженный,
855 Ныне ж, бесстаростным ставши навеки, живет без страданий.

Кирку на свет родила Океанова дочь Персеида
Неутомимому Гелию, также Зета-владыку.
Царь же Зет, лучезарного Гелия сын знаменитый,
Взял себе в жены Идию, прекраснородную деву,
860 Дочь Океана, реки совершенной, богам повинуюсь.
Та же его подарила Медеей прекраснородыжной,
Силою чар Афродиты любви его страстной отдавшись.

Всем вам великая слава, живущие в домах Олимпа...

* * * * *

Материки, острова и соленое море меж ними.
865 Ныне ж воспойте мне племя богинь, олимпийские Музы,
Сладкоречивые дщери эгидодержавного Зевса,—
Тех, что, с мужчинами смертными ложе свое разделивши,—
Сами бессмертные,— на свет родили детей богоравных.

Плутос-богатство рожден был Деметрой, великой богиней.
870 С Иасионом-героем в любви сопряглась она страстной
В критской богатой округе на три раза вспаханной нови.
Бродит он, благостный бог, по земле и широкому морю
Всюду. И кто его встретит, кому попадетсЯ он в руки,
Тот богатеет и много добра наживать начинает.

875 Кадму Гармония, дочь золотой Афродиты, родила
В Фивах, стеною прекрасно венчанных, Ино и Семелу,
Также Агаву с прелестным и милым лицом, Полидора
И Автоною (супругом ей был Аристей длинновласый).

980 Силой Кипридиных чар Океанова дочь Каллироя
Соединилась в любви с крепкодушным Хрисаором мощным
И родила Герiona ему,— между смертными всеми
Самого мощного. Сила Геракла его умертвила
Из-за коров тяжконогих в омытой водой Эрифее.

Эос-Заря от Тифона родила царя эфиопов
985 Мемнона меднооружного с Эмафионом-владыкой.
После того от Кефала она родила Фаетона,
Светлого, мощного сына, бессмертным подобного мужа.
Был он с земли унесен Афродитой улыбкалюбивой
В то еще время, как был беззаботно-веселым ребенком,
990 В нежном цветении детства прекрасного. Храмы святые
Он по ночам охраняет, божественным демоном ставши.

Деву, дочь Эета-владыки, вскормленного Зевсом,
Внявши совету бессмертных богов, у Эета похитил
Сын благородный Эсона, труды многостонные кончив;
995 Много ему поручил совершить их владыка сверхмощный,
Мыслей и дел нечестивых исполненный, Пелий надменный.
Их совершивши и бед претерпевши немало, к Иолку
Прибыл на резвом своем корабле Эсонид с быстроглазой
Девой и сделал цветущей своею супругой ту деву.
1000 И сочетался с ней пастырь народов Ясон. И родила
Сына Медея она. В горах Филиридом Хароном
Был он вскормлен. И свершилось решенье великого Зевса.

Из дочерей же Нерея, великого старца морского,
Сына Фока на свет породила богиня Псамата,
1005 Через золотую Киприду в любви сочетавшись с Эаком.
Со среброногой богиней Фетидой Пелей сочетался,
И родился Ахиллес, львинодушный рядов прорыватель.

Славный Эней был рожден Кифереей прекрасновенчанной.
В страстной любви сопряглася богиня с Анхизом-героем
1010 На многолесных вершинах богатой оврагами Иды.

Кирка же, Гелия дочь, рожденного Гиперионом,
Соединилась в любви с Одиссеем, и был ею на свет
Агрый рожден от него и могучий Латин безупречный.
[И Телегона она родила чрез Киприду златую.]
1015 Оба они на далеких святых островах обитают
И над тирренцами, славой венчанными, властвуют всеми.
В жаркой любви с Одиссеем еще Калипсо сочetalась
И Навсифоя — богиня богинь — родила с Навсиномем.

Эти, с мужчинами смертными ложе свое разделивши,—
1020 Сами бессмертные, на свет родили детей богоравных.
Ныне же племя воспойте мне жен, олимпийские Музы,
Сладкоречивые дщери эгидодержавного Зевса...

Б О Е В А Я Ж И З Н Ъ

1

Я — служитель царя Эниалия, мощного бога.
Также и сладостный дар Муз хорошо мне знаком.

В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же —
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье.

3

То не пращи засвистят, и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.
В бое подобном они опытни боле всего, —
Мужи-владыки Евбеи, копейщики славные...

Чашу живее бери и шагай по скамьям корабельным.
 С кадей долбленых скорей крепкие крышки снимай,
 Красное черпай вино до подонков. С чего же и нам бы
 Стражу такую нести, не подкрепляясь вином?

Носит теперь горделиво саниц мой щит безупречный:
 Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
 Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
 Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

Гибельных много врагам в дар мы гостинцев несли.

Главк, смотри: уж будоражат волны море глубоко,
 И вокруг вершин Гирейских круто стали облака,—
 Признак бури. Ужас душу неожиданно берет...

Эрксий, где опять несчастный собирается отряд?

И, как жаждущий — напиться, боя я с тобой хочу.

В новичках буди отвагу. А победа — от богов.

11

Мы настигли и убили счетом ровно семерых:
Целых тысяча нас было...

12

Воистину, для всех ведь одинаков он,
Великий Арес...

13

И среди них, надеюсь, многих жаркий Сириус пожжет,
Острым светом обливая.

14

В свои объятья волны взяли души их.

15

Главк, до поры лишь, покуда сражается, дорог наемник.

16—85

И, как кариец, буду слыть наемником.
С другой чудесной силою целебною
Растения такого я знаком...

17

Нет, не люб мне вождь высокий, раскоряка-вождь не люб,
Гордый пышными кудрями иль подстриженный слегка.
Пусть он будет низок ростом, ноги — внутрь искривлены,
Чтоб ступал он ими твердо, чтоб с отвагой был в душе.

Памятник Архилоха на Паросе.

А

...и напал на них народ,
 Начал битву, и далеко шум разнесся боевой...
 многогибельный огонь...
 и когда лишь боязливый день пришел,
 Перестали мы бросать...

Б

. бросая копьа,
 Разрушались заметно стены
 Из камней соорудили Сами же пеан
 Мы лесбийский затанули и руками
 тяжело Зевс-отец загрохотал...

**ПЕРЕСЕЛЕНИЕ С ПАРОСА.
ЖИЗНЬ НА ФАСОСЕ**

19

К вам, измученным нуждою, речь, о граждане, моя.

20

Брось морскую жизнь, и Парос, и смоковницы его.

21

О Фасосе скорблю, не о Магнесии.

22

О Фасосе, несчастном трижды городе.

23

Словно скорби всей Эллады в нашем Фасосе сошлись.

...чтоб, над островом нависший,
Камень Тантала исчез.

[О Фасосе]

...как осла хребет,
Заросший диким лесом, он вздымается.
Невзрачный край, немилый и нерадостный,
Не то, что край, где плещут волны Сириса.

...Бурной носимый волной.
Пускай близ Салмидесса ночью темною
Взяли б фракийцы его
Чубатые,— у них он настрадался бы,
Рабскую пищу едя!
Пусть взяли бы его, закованного,
Голого, в травах морских,
А он зубами, как собака, ласкал бы,
Лежа без сил на песке
Ничком, среди прибоя волн бушующих.
Рад бы я был, если б так
Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал,—
Он, мой товарищ былой!

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

27

...и друзья-то сами мучают тебя.

28

...жадно упиваясь неразбавленным вином
И своей не внесши доли...
И никто тебя, как друга, к нам на пир не приглашал.
Но желудок твой в бесстыдство вверг тебе и ум и дух.

29

Главка мне воспой с кудрями, завитыми в рог...

30

Леопил теперь начальник, Леопил над всем царит,
Все лежит на Леопиле, Леопила слушай все.

211

**ЛЮБОВЬ.
НЕОБУЛА И ЛИКАМБ**

31

**Своей прекрасной розе с веткой миртовой
Она так радовалась. Тенью волосы
На плечи ниспадали ей и на спину.**

32

**...старик влюбился бы
В ту грудь, в те миррой пахнущие волосы.**

33

Если б все же Необулы мог коснуться я рукой.

34

Храня молчанье, за тобою вслед иду.

Сладко-истомная страсть,
товарищ, овладела мной.

От страсти обезжизневший,
Жалкий, лежу я, и волей богов несказанные муки
Насквозь пронзают кости мне.

Эта-то страстная жажда любовная, переполнив сердце,
В глазах великий мрак распространила,
Нежные чувства в груди уничтоживши.

Из дочерей Ликамба только старшую.

Зевс, отец мой! Свадьбы я не пировал!

Не стала бы старуха миррой мазаться.

Нежною кожей ты не цветешь уже:
вся она в морщинах.

И злая старость борозды проводит.

43

Слепых угрей ты приняла немало.

44

От страсти трепыхаясь, как ворона.

45

И спесь их в униженье вся повыдохлась.

46

Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб,
Кто разума лишил тебя?
Умен ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем.

47

И клятву ты великую
Забыл, и соль, и трапезу...

ГИБЕЛЬ АРХИЛОХОВА ЗЯТЯ

48

Ни ямбы, ни утехи мне на ум нейдут.

49

Если б его голова, милые члены его,
В чистый одеты покров, уничтожены были Гефестом.

50

Скорбью стнящей крушась, ни единый из граждан, ни город
Не пожелает, Перикл, в пире услады искать.
Лучших людей поглотила волна многошумного моря,
И от рыданий, от слез наша раздулася грудь.
Но и от зол неизбывных богами нам послано средство:
Стойкость могучая, друг, вот этот божеский дар.
То одного, то другого судьба поражает: сегодня
С нами несчастье, и мы стонем в кровавой беде,
Завтра в другого ударит. По-женски не падайте духом,
Бодро, как можно скорей, перетерпите беду.

51

Скроем же горе, что нам даровал Посидаон-владыка.

52

Жарко моляся средь волн густокудрого моря седого
О возвращенье домой...

53

Я ничего не поправлю слезами, а хуже не будет,
Если не стану бежать сладких утех и пиров.

ЖИЗНЕОТНОШЕНИЕ

54

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады,— твердо стой, не трепещи.
Победишь,— своей победы напоказ не выставляй,
Победят,— не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

55

* Все созидает для смертных забота и труд человека.

56

Все человеку, Перикл, судьба посылает и случай.

* Звездочкой впереди помечены фрагменты, принадлежность которых данному поэту в настоящее время отрицается.

[Говорит плотник Харон]

О многозлатом Гигесе не думаю
И зависти не знаю. На деяния
Богов не негодую. Царств не нужно мне.
Все это очень далеко от глаз моих.

Непристойно насмехаться над умершими людьми.

Погрешил я,— и с другими так случилось не раз.

Настроения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын,
Таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс.
И, как сложатся условия, таковы и мысли их.

Кто падет, тому ни славы, ни почета больше нет
От сограждан. Благодарность мы питаем лишь к живым,—
Мы, живые. Доля павших,— хуже доли не найти.

Но каждому другое душу радует.

Если, мой друг Эсимид, нарекания черни бояться,
Радостей в жизни едва ль много изведаеть ты.

По другим чтениям:

Если, мой друг Эсимид, названия труса бояться,
Радости в жизни едва ль много изведаеть ты.

РЕЛИГИЯ

64

В каждом деле полагайся на богов. Не раз людей,
На земле лежащих черной, ставят на ноги они.
Так же часто и стоящих очень крепко на ногах
Опрокидывают навзничь, и тогда идет беда.
Бродит он тогда по свету, нет ни разума, ни средств...

65

Можно ждать чего угодно, можно верить всему,
Ничему нельзя дивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень ночь послал на землю, заградивши свет лучей
У сияющего солнца. Жалкий страх на всех напал.
Все должны отныне люди вероятным признавать
И возможным. Удивляться вам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяются жильем
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор.

Но что за божество? И кем разгневано?

О Зевс, отец мой! Ты на небесах царишь,
 Свидетель ты всех дел людских,
 И злых и правых. Для тебя не все равно,
 По правде ль зверь живет иль нет.

Пророк неложный меж богов великий Зевс,—
 Сам он над будущим царь.

И владыке Дионису дифирамб умею я
 Затянуть прекрасноразвучный, дух вином воспламенив.

И ты, владыка Аполлон, виновников
 Отметь и истреби, как истребляешь ты.

Деметры чистой с Девой
 праздник я глубоко чту.

О Гефест! Услышь, владыка, стань союзником моим,
 Будь мне милостив и счастье дай, как ты давать привык!

И под флейту сам лесбийский начинаю я пеан.

Г И М Н К Г Е Р А К Л У

**Тенелла, победитель!
Радуйся, о царь Геракл,
Тенелла, победитель!
Ты сам и Иолай, бойцы-копейщики!
Тенелла, победитель!**

ЛИЧНОЕ

75

Словно ущелия гор обрывистых,
в молодости был я.

76

Цикаду ты схватил за крылышко!

77

В этом мастер я большой
Злом оплачивать ужасным тем, кто зло мне причинит.

78

И даром не спущу ему я этого!

Протягивая руку, побираюсь я.

**Часто копишь, копишь деньги,— копишь долго и с трудом,
Да в живот продажной девке вдруг и спустишь все дотла.**

РАЗНОЕ

81

Есть в доме круторогий, дюжий бык у нас,—
Не гулевой, в работе очень опытный.

82

И с гривую, до кожи с плеч остриженной.

83

Такой-то вот забор вокруг двора бежал.

84

В тени густой под стенкой улеглись они.

86—90

Эрасмонов сын, Харилай мой!
Вещь тебе смешную,
Любимейший друг, расскажу я:
вдоволь будет смеху!

Любить, хоть и очень он гадок,
и не сообщаться...

.
И шли там иные из граждан
сзади, большинство же...

.
И, руки к Деметре подъявши...

.
С зари все за чаши схватились;
в исступленье пьяном...

91

Весь заеден вшами.

92

Толпой народ валил на состязания,
Батусиад вместе с ним.

93

Войди: из благородных ты.

94

Воду держала она
Предательски в одной руке, огонь — в другой.

95

...напрягся ...его,
Как у осла приэнского,
Заводчика, на ячмене вскормленного.

И упасть на..... и прижаться животом
К животу, и бедра в бедра...

Длинный тот нарост меж бедер.

Ты желчи не имеешь в печени...

Законам критским обучается.

О вор, что ночью рыскаешь по городу!

Дрожа, как куропаточка.

...царь овцепитательницы Азии.

* Наксоса были столпами Аристофоонт и Мегатим,
Ныне в себе ты, земля, держишь, великая, их.

105

* Кудри скрывавший покров Алкибия с себя низлагает,
В брак законный вступив, Гере-владычице в дар.

106

Очень много ворон смоковница горная кормит,
Всею Пасифила гостям, добрая, служит собой.

107

Спас из пятидести только Койрана
добрый Посидаон.

108

Без платы не надейся переправиться!

Б А С Н И

ОРЕЛ И ЛИСИЦА

Общее содержание басни нам известно по позднейшей переделке Эзопа. Орел и лисица подружились между собой и поселились рядом,— орел на вершине дерева, лисица в кустах. Однажды, в отсутствие лисицы, орел схватил ее детенышей, принес к себе в гнездо и скормил своим птенцам. Через некоторое время орел похитил с жертвенника кусок козьего мяса и вместе с добычей занес в гнездо тлеющие угли. Гнездо загорелось, птенцы выпали из гнезда, и лисица пожрала их. Эзоп извлекает из басни соответственное случаю общее поучение. Свою басню Архилох, по-видимому, написал по частному поводу и извлекает из нее мораль более личного характера: Ликамб, отец его возлюбленной Необулы, обидел поэта, как орел лисицу, но судьба отомстила за Архилоха, и он вправе теперь смеяться над Ликамбом, как лисица над орлом.

Из дошедших отрывков к этой басне относятся, по-видимому, следующие:

109

Есть вот такая басенка:
Вошли однажды меж собой в содружество
Лисица и орел...

Орел похищает лисенят:

Принес обед ужасный он детенышам.

Орел, сидя на недоступной скале,
глумится над лисицею:

Взгляни-ка, вот она, скала высокая,
Крутая и суровая;
Сижу на ней и битвы не боюсь с тобой.

Лисица проклиняет орла:

Чтоб горько поплатился ты!

К этой же басне относятся три отрывка,
уже помещенные выше:

Лисица призывает Зевса в свидетели совершенного злодеяния:

О Зевс, отец мой! Ты на небесах царишь,
Свидетель ты всех дел людских,
И злых и правых. Для тебя не все равно,
По правде ль зверь живет иль нет!

Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб?
Кто разума лишил тебя?
Умен ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем.

И клятву ты великую
Забыл, и соль, и трапезу...

САФФ

ПОДРУГИ И УЧЕНИЦЫ. СОПЕРНИЦЫ

1

Пестрым троном славная Афродита,
Зевса дочь, искусная в хитрых ковах!
Я молю тебя,— не круши мне горем
Сердца, благая!

Но приди ко мне, как и раньше часто
Откликалась ты на мой зов далекий
И, дворец покинув отца, всходила

На колесницу
Золотую. Мчала тебя от неба
Над землей воробушков милых стая;
Трепетали быстрые крылья птичек

В далях эфира.
И, представ с улыбкой на вечном лице,
Ты меня, блаженная, вопрошала,—
В чем моя печаль, и зачем богиню
Я призываю,

И чего хочу для души смятенной.
«В ком должна Пейто, укажи, любовью
Дух к тебе зажечь? Пренебрег тобою
Кто, моя Псапфа?
Прочь бежит? — Начнет за тобой гоняться.
Не берет даров? — Поспешит с дарами.
Нет любви к тебе? — И любовью вспыхнет,
Хочет не хочет».
О, приди ж ко мне и теперь! От горькой
Скорби дух избавь и, чего так страстно
Я хочу, сверши и союзницей верной
Будь мне, богиня!

2

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Перед тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос
И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу,— уж я не в силах
Вымолвить слова.
Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.
Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прошусь я.
Но терпи, терпи: чересчур далеко
Все зашло...

Нет, она не вернулась!
 Умереть я хотела бы...
 А прощаясь со мной, она плакала,
 Плача, так говорила мне:
 «О, как страшно страдаю я.
 Псапфа! Бросить тебя мне приходится!»
 Я же так отвечала ей:
 «Поезжай себе с радостью
 И меня не забудь. Уж тебе ль не знать,
 Как была дорога ты мне!
 А не знаешь, так вспомни ты
 Все прекрасное, что мы пережили:
 Как фиалками многими
 И душистыми розами,
 Сидя возле меня, ты венчалася,
 Как густыми гирляндами
 Из цветов и из зелени
 Обвивала себе шею нежную.
 Как прекрасноволосую
 Умощала ты голову
 Миррой царственно-благоухающей,
 И как нежной рукой своей
 Близ меня с ложа мягкого
 За напитком ты сладким тянулася.
 И ни жертвы, ни
 Ни не было,
 Где бы мы
 И ни рожи священной»

4

Звезды близ прекрасной луны тотчас же
Весь теряют яркий свой блеск, едва лишь
Над землей она, серебром сияя,
Полная, встанет.

5

. уж любовью

.

Стоит лишь взглянуть на тебя,— такую
Кто же станет сравнивать с Гермионой!
Нет, тебя с Еленой сравнить не стыдно
Золотокудрой,
Если можно смертных равнять с богиней...

6

...теперь прелестные эти песни
Сладко буду петь я моим подругам.

7

Сердцем к вам, прекрасные, я останусь
Век неизменной.

8

Между дев, что на свет
солнца глядят,
вряд ли, я думаю,
Будет в мире когда
хоть бы одна
дева столь мудрая.

9

Девушку сладкоголосую...

11

Страстью я горю и безумствую...

12

Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам...

13

...обо мне же ты забыла...

14

Иль кого другого ты любишь больше,
Чем меня?

15

...Те, кому я
Отдаю так много, всего мне больше
Мук причиняют.

16

Противней тебя
я никого,
милая, не встречала!

17

Гиринна нежна,
но красотой
ты, Мнасидика, выше.

Я к тебе взываю, Гонгила,— выйди
 К нам в молочно-белой своей одежде!
 Ты в ней так прекрасна. Любовь порхает
 Вновь над тобою.

Всех, кто в этом платье тебя увидит,
 Ты в восторг приводишь. И я так рада!
 Ведь самой глядеть на тебя завидно
 Кипророжденной!

К ней молюсь я...

Приветов много
 Дочери Полианакса шлю я...

Очень Горго насытилась.

И какая тебя
 Так увлекла,
 в сполу одетая,
 Деревенщина?
 Не умеет она
 платья обвить
 около щиколки.

П Р И Р О Д А

33

Сверху низвергаясь, ручей прохладный
Шлет сквозь ветви яблонь свое журчанье,
И с дрожащих листьев кругом глубокий
Сон нистекает.

36

* Золотые горошки по берегу выросли густо.

38

Что ты, ласточка моя,
Пандионида...

39

Соловей, провозвестник весны сладкогласный.

40

О ГОЛУБЯХ

Стала в них холодною сила жизни,
И поникли крылья...

П О Э З И Я

41

Музы, ниспуститесь, золотой оставив
[Дом отца]

42

* Музы мне почет принесли, к искусствам
Приобщив своим.

43

* И не забудут об нас, говорю я, и в будущем.

44

Ты умрешь и в земле
будешь лежать;
вспоминания
Не оставишь в веках,
как и в любви;
роз пиэрийских ты
Не знавала душой;
будешь в местах
темных аидовых

Неизвестной блуждать
между теней,
смутно трепещущих.

45

* Ты как Каллиопа сама...

46

Лира, лира священная,
Ты подай мне свой голос!

Точнее:

Черепаша священная,
Стань звучащею ныне!

ЖИЗНЕОТНОШЕНИЕ

47

Кто прекрасен,— одно лишь нам радует зрение,
Кто ж хорош,— сам собой и прекрасным покажется.

48

Если бушует гнев в твоём сердце,
Оберегай язык свой от лая.

49

* Смерть есть зло. Самими это установлено богами:
Умирали бы и боги, если б благом смерть была.

50

[Умиравшая Сафо дочери]

В этом доме, дитя, полном служенья Музам,
Скорби быть не должно: нам неприлично плакать.

51

Я роскошь люблю;
 блеск, красота,
 словно сияние солнца,
Чаруют меня...

52

Богатство одно —
 спутник плохой
 без добродетели рядом.

53

...но своего
 гнева не помню я:
Как у малых детей,
 сердце мое...

РЕЛИГИЯ

54

Близко встал во сне предо мной сегодня
Образ твой прелестный, царица Гера!
Милый этот образ видали раньше
Братья-Атриды.

Дело ярой брани к концу приведши,
В Лесбос братья прежде всего приплыли
От Скамандра; дальше ж могли поехать
В Аргос отсюда,

Лишь когда в молитвах тебя призвали
С Зевсом и с Фионы желанным сыном.
Старый тот обычай блюдя, и ныне
Граждане чистой
Жертвой чтут тебя, и прекрасный пеплос
Девы [в храм] приносят
На тебя...

55

Говорила я во сне
с Кипророжденной.

56

Приди, Киприда,
В чаши золотые, рукою щедрой
Пировой гостям разливая нектар,
Смешанный тонко.

57

Зачем ты многоблаженной Афродите,
О Псапфа...

58

Покрывал этих пурпурных
Не отвергни, блаженная!
Из Фокеи пришли они,
Ценный дар...

59

На алтарь тебе от козы я белой
.
И свершу тебе возлиянье...

60

Пафос ли тебя, или Кипр, иль Панорм...

61

Золотовенчанная Афродита,
Если б мне тот жребий на долю выпал!

70

В золотых сандалиях мне недавно
Эос...

71

* ...но Арес сказал,
что приведет
силой Гефеста он.

72

Говорят, как-то раз
Леда яйцо
под гиацинтами
На прогулке нашла...

73

Очень близкие были подруги Лето и Ниоба.

77

Взошел уже полный месяц,— словно
Вокруг алтаря, они стояли.

78

И милый алтарь
девушки в пляске стройной
Ногами вокруг
нежными обходили,
Как критянки встарь...

79

И нежный в траве,
мягкий цветок искали.

ЛИЧНОЕ

80

Луна и Плеяды скрылись,
Давно наступила полночь,
Проходит, проходит время,—
А я все одна в постели.

81

Стань предо мною, мой друг, яви мне прелесть
Взоров твоих...

83

Есть прекрасное дитя у меня. Она похожа
На цветочек золотистый, милая Клеида.
Пусть дают мне за нее всю Лидию, весь мой милый
[Лесбос]...

Ты мне друг. Но жену
 в дом свой введи
 более юную.
 Я ведь старше тебя.
 Кров твой делить
 я не решусь с тобой.

Мне не кажется трудным до неба дотронуться.

Я не знаю, как быть: у меня два решения.

Нереиды милые! Дайте брату
 Моему счастливо домой вернуться,
 Чтобы все исполнилось, что душою
 Он пожелает.
 Чтоб забылось все, чем грешил он раньше,
 Чтоб друзьям своим он доставил радость
 И досаду недругам (пусть не будет
 Век у меня их!).
 Пусть захочет почести он с сестрою
 Разделить. Пускай огорчений тяжких
 Он не помнит. Ими терзаясь, много
 Горя и мне он
 Дал когда-то. К радости граждан, сколько
 Он нападок слышал, язвящих больно!

Лишь на время смолкли они — и тотчас
Возобновились.

.
. ты же свои печали
Темно-черной ночи отдай
.

А они, хвалясь, говорили вот что:
«Ведь опять Дориха-то в связь вступила,
Как домогалась!»

РАЗНОЕ

89

О матушка! Не в силах
за станком сидеть я ткацким.
Мне сердце стройный мальчик
покорил чрез Афродиту.

90

Устремилась, как к матери малый ребенок.

91

* Сыну-Пелагону здесь возлагает Мениск на могилу
Сеть и рыбацье весло, память о жизни плохой.

92

ПОДПИСЬ К СТАТУЕ

Девы! Без голоса я. Но, если кто спросит, ответит
Голос немолчный, что здесь врезан в подножье мое:

«Жрица Ариста, дочь Гермоклида Саонаиада,
Здесь воздвигла меня дочери Лето,— тебе,
О Эфопия, женщин владычица! Будь благосклонна,
К ней свою милость яви, род наш, богиня, прославь!»

94

Черной ночью глаза
сон отягчает.

95

Я же члены усталые
Расправлю на мягких подушках...

96

...а ноги
Пестрый ей ремень покрывал, лидийской
Чудной работы.

97

Ты, о забота моя!

98

Много более яйца!

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ
(ЭПИТАЛАМИИ)

100

Эй, потолок поднимайте,—
 О Гименей! —
Выше, плотники, выше!
 О Гименей!
Входит жених, подобный Арею,
Выше самых высоких мужей!

101

Выше, насколько певец лесбосский других превышает.

102

Сладкое яблочко ярко алеет на ветке высокой,—
Очень высоко на ветке; забыли сорвать его люди.
Нет, не забыли сорвать, а достать его не сумели.

256

Как гиацинт, что в горах пастухи попирают ногами,
И — помятый — к земле цветов пурпуровый никнет...

Все, что рассеет заря, собираешь ты, Геспер, обратно:
Коз собираешь, овец, — а у матери дочь отнимаешь.

«Вечно девой останусь я!»

«Выдадим», — сказал отец.

В семь сажен у привратника ноги,
На ступнях пятерные подошвы,
В двадцать рук их башмачники шили.

Свадьба, жених счастливый,
справлена, как мечтал ты.
Девушку ты имеешь
ту, о какой мечтал ты.

Ты так прелестна видом,
очи же

И разлился на милом
личике медоцветный...
. любовью
.
. почтила выше
всех тебя Афродита.

110

«Все ли еще мне невинность хранить свою?»

111

Невеста рада, пусть жених ликует.

112

С чем тебя бы, жених дорогой, я сравнила?
С стройной веткой скорей бы всего я сравнила.

113

Радуйся, о невеста!
Радуйся много, жених почтенный!

114

В мире девы подобной, жених, не бывало!

115

«Невинность моя, невинность моя,
куда от меня уходишь?»
«Теперь никогда, теперь никогда
к тебе не вернусь обратно!»

Спи же
 близ подруги твоей
 Нежной,
 на груди у нее.

С амвросией там
 воду в кратере смешали,
 Взял чашу Гермес
 черпать вино для бессмертных.
 И, кубки приняв,
 все возлиянья творили
 И благ жениху
 самых высоких желали.

. глашатай пришел...
 Вестник Идэй быстроногий, и вот что поведал он:

* * * * *

Слава по Азии всей разнеслася бессмертная:
 «С Плакии вечно бегущей, из Фивы божественной,
 Гектор с толпою друзей через море соленое
 На кораблях Андромаху везет быстроглазую,
 Нежную. С нею — немало запястий из золота,
 Пурпурных платьев и тканей, узорчато вышитых,
 Кости слоновой без счета и кубков серебряных».
 Милый отец, услышавши, поднялся стремительно,
 Вести дошли до друзей по широкому городу.
 Мулов немедля в повозки красивоколесные

ЭРИННА

1

Рыба помпил! Мореходцам счастливое плаванье плешь ты:
Сопровождай за кормой и подругу мою дорогую!

2

Как ты завистлив, Аид!..

3

...оттуда, из жизни,
Эхо пустое одно лишь доходит до царства Аида.
Тьма покрывает глаза мертвецам, и молчанье меж ними.

4

Вы, о колонны мои, вы, Сирены, ты, урна печали,
Что сохраняешь в себе пепла ничтожную горсть,—
Всех, кто пройдет близ могилы, встречайте приветливым словом,
Будут ли то земляки иль из других городов.

Всем вы скажите, что юной невестой легла я в могилу,—
 Что называл мой отец милой Бавкидой меня,
Что родилась я на Теносе и что подруга Эринна
 Здесь на могиле моей эти иссекла слова.

ПРАКСИЛЛА

1

Скорпион под любым
камнем тебе
может попасться, друг.

2

Вспомни то, что сказал
как-то Адмет:
добрых люби душой,
Но от низких держись
дальше: они —
неблагодарные.

3

Пей же вместе со мной,
вместе люби,
вместе венки плети
И безумствуй, как я;
вместе со мной
благогазумыен будь.

4

Вот что прекрасней всего из того, что я в мире оставил:
Первое — солнечный свет, второе — блестящие звезды
С месяцем, третье же — яблоки, спелые дыни и груши.

КОРИННА

1

Дела героев и героинь
На ионийский лад я пою.

Белоодежным я лишь пою
Танагриянкам песни мои;
Радости много город родной
В тех песнопеньях звонких нашел.

3

...я Миртиде
Ставлю в упрек звонкоголосой:
Спорить за приз с Пиндаром ей,
Женщине, смысл был ли какой?

1

По воле, мальчик, Зевса тяжкогромного
Конец приходит к смертному. Не сами мы
Судьбу решаем нашу. Кратковечные,
Как овцы, мы проводим жизнь, не ведаю,
Какой конец нам бог готовит каждому.
Бесплодно мы мятемся и, однако же,
Всё тешимся надеждой. Кто в ближайший день
Ждет радости, а кто — в далеком будущем.
Но каждый ждет, — пора придет желанная,
Получит много-много он богатств и благ.
Один же между тем печальной старостью
До времени сражен. Болезни тяжкие —
Удел других. Те, Аресом повержены,
Низводятся Аидом в землю черную.
Те в море ураганом настигаются
И в яростных пучинах волн пурпуровых
Находят смерть, хотя б могли пожить еще.
А те в петле кончают жизнь злосчастную
И с солнцем расстаются волей собственной.

Нейдет из бедствий мимо ни единое.
Но тысячи страданий, зол и горестей
Повсюду стерегут людей. По-моему,
Ни к бедствиям стремиться нам не нужно бы,
Ни духом падать, раз они настигли нас.

2

О мертвом, если б были мы разумнее,
Не долше б горевали мы, как день один.

ПАРФЕНЕИ

1

.....
Убитого Полидевком.

Не Ликайса лишь в числе усопших я вспомню,—
Вспомню Енарсфора с быстроногим Себром,
Многомошного Бокола

5 В ярких латах Гиппофоя,
И Евтейха-царя, и Аретия
С Акмоном, славным меж полубогов.

Скея, пастыря дружин
Великого, и Еврита,

10 В битвах стойкого бойца,
И Алкона — всех их, храбрых,
Не забудет песнь моя.

Сломили судьба и Порос
Тех мужей,— старейшие

15 Меж богов. Усилья ж тщетны.

На небо взлететь, о смертный, не пытайся,
Не дерзай мечтать о браке с Афродитой,

Кипрскою царицей, или
С дочерью прекрасной Порка,
20 Бога морского. Одни страстноокие
Входят Хариты в Кронидов дворец.

Из мужей сильнейшие —
Ничто. Божество над всеми
Царствует. Другьям богов
25 Оно посылает блага,
Как из почвы бьющий ключ.
Врагов же смиряет. Силой
Грозной некогда пошли
На Зевсов престол Гиганты.
30 Бой был тщетен. От стрелы одни погибли,
И от мраморного жернова — другие.
Всех Аид их ныне принял, —
Их, что собственным безумьем
Смерть на себя навлекли. Замышлявшие
35 Зло — претерпели ужасный конец.

Здесь уж есть бессмертных мечь.
Блажен, кто с веселым духом,
Слез не зная, дни свои
Проводит. А я блистанье
40 Агидо пою. Гляжу,
Как солнце блесит: его нам
Агидо дает познать.
Но мне ни хвалить прекрасной,
Ни хулить не позволяет та, что хором
45 Славно правит. Ведь сама она меж прочих
Выдается, словно кто-то
Посреди коров поставил
Быстрого в беге коня звонконогого,
Сходного с бысролетающим сном.

50 Не видишь? Вон пред нами конь
Енетский. Агесихоры
Волосы, моей сестры
Двоюродной, ярко блещут
Золотом беспримесным.
55 Лицом же она сребристым...
Но что еще тут говорить?
Ведь это — Агесихора!
После Агидо вторая красотою,—
Колаксаев конь за приз с ибенским спорит.
60 Поднимаются Плеяды
В мраке амвросийной ночи
Ярким созвездьем и с нами, несущими
Плуг для Орфрии, вступают в битву.

Изобильем пурпура
65 Не нам состязаться с ними.
Змеек пестрых нет у нас
Из золота, нет лидийских
Митр, что украшают дев
С блистающим томно взором.
70 Пышнокудрой нет Нанно
С Аретою богоподобной,
Нет ни Силакиды, ни Клэсисеры.
И, придя к Энесимброте, ты не скажешь:
«Дай свою мне Астафиду!»
75 Хоть взглянула б Янфемиды
Милая и Дамарета с Филиллою!»
Агесихора лишь выручит нас.

Разве стройноногая
Не с нами Агесихора?
80 Стоя возле Агидо,
Не хвалит она наш праздник?

Им обеим, боги, вы
Внемлите. Ведь в них — начало
И конец. Сказала б я:
85 «Сама я напрасно, дева,
Хором правя, как сова, кричу на крыше,
Хоть и очень угодить хочу Аотис:
Ибо всех она страданий
Исцелительница наших.
90 Но желанного мира дождались
Только чрез Агесихору девы».

Правда, пристяжной пришлось
Ее потеснить без нужды.
Но на корабле должны
95 Все кормчему подчиняться.
В пенье превзошла она
Сирен, а они — богини!
Дивно десять дев поет,
С одиннадцатью равняясь.
100 Льется песнь ее, как на теченьях Ксанфа
Песня лебеда; кудрями золотыми...

.

2

О Каллиопа! Зачни нам прелестную
Песню, и страстью зажги покоряющей
Гимн наш, и сделай приятным хор!

3

Муза небесная! Дочь
Зевса-царя!

звонко я песнь спою...

4

Слова и мелодию эту
Сочинил Алкман-певец,
У куропаток заимствовав их.

5

Знаю все напевы я
Птичьи...

6

И сколько их у нас ни есть,
Девы все кифариста жарко хвалят.

7

Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный дурачится, как
мальчик.
Сердце, берегись его! Несется по цветущим он верхушкам
кипериска...

8

И сладкий Эрос, милостью Киприды,
Нисходит вновь, мне сердце согревая.

9

Златокудрая Мегалострата, в девах
Блаженная, явила нам
Этот дар сладкогласных Муз.

10

А он на флейте будет нам
Мелодию подыгрывать.

[Девичий хор обращается к Алкману:]

Не деревенщина-мужик ты,
 Не простак и не дурачина,
 Не из фессалийских стран,
 Не эрисихеец, не пастух ты,—
 Родом ты из Сард высоких!

Как-нибудь дам я треногий горшок тебе,—
 в нем собирай ты различную пищу.
 Нет еще жара под ним, но наполнится
 скоро он кашей, которую в стужу
 Любит всеядный Алкман подогретою.
 Он разносолов различных не терпит,
 Ищет он пищи попроще, которую
 ест и народ...

Вот семь столов и столько же сидений,
 На тех столах — все маковые хлебцы,
 Льняное и сезамовое семя,
 И для детей в горшочках — хрисокола.

Он уж подаст бобовую нам кашу,
 И плод вошпанный пчел, и хидрон белый.

Милые девы, певицы прелестноголосые! Больше
Ноги меня уж не держат. О, если б мне быть зимородком!
Носится с самками он над волнами, цветущими пеной,
Тяжкой не зная заботы, весенняя птица морская.

20

Муза, приходи к нам, о звонкоголосая!
Многонапевную песнь
На новый лад начни для дев прекрасных!

21

Я несу тебе с молитвой
Тот венок из златоцветов
Вместе с кипером прелестным.

22

Будь мой приятен хор
Дому Зевса и тебе, о царь!

23

В собранье мужей и на пире
Пред гостями пеан зачинать подобает сладостнозвучный

24

«Если б женщиной стать мне!»

25

Тщетно крик все девушки подняли,
Как стая, в которую ястреб влетел.

26

«Зевс, мой отец! Если б мне был он мужем!»

27

Кто же бы высказать мог когда-либо мысли другого?

28

Железный меч не выше прекрасной игры на кифаре.

29

И нить тонка, и жестока Аванке!

30

Опыт — вот основа познания.

31

[Счастье]

**Доброзаконья сестра и Рассудка,
Дочь Осторожности.**

ИЗ ПЕСЕН К НАННО

1

Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?
Я бы хотел умереть, раз перестанут манить
Тайные встречи меня, и объятья, и страстное ложе.
Сладок лишь юности цвет и для мужей и для жен.
После ж того, как наступит тяжелая старость, в которой
Даже прекраснейший муж гадок становится всем,
Дух человека терзать начинают лихие заботы,
Не наслаждается он, глядя на солнца лучи,
Мальчикам он ненавистен и в женах презрение будит.
Вот сколь тяжелою бог старость для нас сотворил!

2

В пору обильной цветами весны распускаются быстро
В свете горячих лучей листья на ветках дерев.
Словно те листья, недолго мы тешимся юности цветом,
Не понимая еще, что нам на пользу и вред.
Час роковой настает, и являются черные Керы
К людям: у первой в руках — старости тяжкий удел,

Смерти удел — у другой. Сохраняется очень недолго
Сладостный юности плод: солнце взошло — и увял.
После ж того как пленительный этот окончится возраст,
Стоит ли жить? Для чего? Лучше тотчас умереть!
Беды несчастные душу нещадно терзать начинают:
У одного его дом гибнет, идет нищета.
Страстно другому детей бы хотелось иметь, и, однако,
Старцем бездетным с земли грустно он сходит в Анд.
Душегубительной третий болезнью страдает. И в мире
Нет человека, кого б Зевс от беды сохранил.

3

Минет пора — и прекраснейший некогда муж пробуждает
Пренебреженье одно в детях своих и друзьях.

4

Вечную, тяжкую старость послал Молневержец Тифону.
Старость такая страшней даже и смерти самой.

5

...Но пролетает стрелой, словно пленительный сон,
Юность почтенная. Вслед безобразная, трудная старость,
К людям мгновенно явясь, виснет над их головой,—
Старость презренная, злая. В безвестность она нас ввергает,
Разум туманит живой и повреждает глаза.

6

Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий
Лет шестьдесят,— а потом смерть бы послала судьба! —

7

...Одни из беспечных сограждан
Будут злословить тебя, но и похвалит ивой.

...да встанет меж нами с тобою правдивость!
 Выше, святей, чем она, нет ничего на земле.

Пилос покинув высокий, Нелеев божественный город,
 В Азию милую мы прибыли на кораблях
 И в Колофоне желанном осели,— чрезмерные силой,
 Всем показуя другим гордости тяжкой пример.
 После того, и оттуда уйдя, эолийскую Смирну
 Взяли мы волей богов, Алент-реку перейдя.

Век не увез бы из Эи большого руна золотого
 Собственной силой Ясон, трудный проделавши путь,
 И, совершив для безбожного Пелия тягостный подвиг,
 Век бы достигнуть не смог вместе с толпою друзей
 Струй Океана прекрасных...

* * * * *

У океанского берега, в твердыню Зета. Покой в нем
 Есть золотой, и лежат в этом покое лучи
 Быстрого Гелия-бога. Туда-то Ясон и приехал...

Гелию труд вековечный судьбою ниспослан на долю.
 Ни быстроногим коням отдых неведом, ни сам
 Он передышки не знает, едва розоперстая Эос
 Из океанских пучин на небо утром взойдет.
 Быстро чрез волны несется он в вогнутом ложе крылатом.
 Сделано дивно оно ловкой Гефеста рукой

Из многоцветного золота. Поверху вод он несется,
Сладким покоясь сном, из Гесперидской страны
В край эфиопов. Восхода родившейся в сумерках Эос
Ждут с колесницею там быстрые кони его.
Встав, Гиперионов сын на свою колесницу восходит...

12

Не о такой его силе и храбрости мне говорили
Жившие раньше меня. Видели сами они,
Как пред собою густые ряды конеборных лидийцев
Гнал на Гермосских полях он, копыеносец лихой.
И не совсем недовольна бывала Паллада-Афина
Храбростью ярой его в час, как на лучших бойцов
Он устремлялся в кровавой сумятице боя в то время,
Как осыпали его горькие стрелы врагов.
Вряд ли тогда между всеми врагами его ты нашел бы
Мужа, который бы мог мощное дело войны
Лучше его направлять. Он носился, сияя, как солнце...

13

Слава дурная о нем всюду идет меж людей.

АЛКЕЙ

Прогоним зиму. Ярко пылающий
Огонь разложим. Щедро мне сладкого
Налей вина. Потом под щеку
Мягкую мне положи подушку.

4

Обращение Алкея к Сафо:

Сафо фиалкокудрая, чистая,
С улыбкой нежной! Очень мне хочется
Сказать тебе кой-что тихонько,
Только не смею: мне стыд мешает.

Ответ Сафо:

Будь цель прекрасна и высока твоя,
Не будь позорным, что ты сказать хотел,—
Стыдясь, ты глаз не опустил бы,
Прямо сказал бы ты все, что хочешь.

1

Гелиос, сын Гиперионов, в чашу вошел золотую,
Чтоб, Океан переплывши широкий, достигнуть
Глубины обиталища сумрачной Ночи священной,
Чтобы мать увидеть, супругу законную, милых детей.
Сын же Зевсов пешком пошел в многотенную
Рощу лавровую...

2

...ибо царь Тиндарей,
Богам принося свои жертвы, лишь о Киприде не вспомнил
Нежнодарной. В гневе дочерей его
Двубрачными сделала и трибрачными богиня
И мужебежными...

3

Много-много яблок кидонских летело там в колесницу
к владыке,
Много и миртовых листьев,
Густо сплетенных венков из роз и гирлянд из фиалок.

4

Муза, о войнах забудь и вместе со мною восславь
И свадьбы богов, и мужей обеды пышные, и блаженных пиры!

5

Нежно, на радость народу, в честь пышнокудрых Харит
С приходом весны запоем мы песню,
Лад изыскавши фригийский.

6

Про самосских детей
 песню под звон
 лиры пленительной,
Утешая сердца,
 муза, начни,
 ясноголосая!

7

 ...больше всего
Игры и песни приятны Аполлону.
Горе и тяжкие стоны — Аида удел.

8

Бесполезно и вовсе не нужно о тех, кто умер,
Рыдать...

9

К умершему никто у нас не знает благодарности.

ЭЛЕГИИ

Сын Кронида, владыка, рожденный Лето! Ни в начале
Песни моей, ни в конце я не забуду тебя.

Первого буду тебя и последнего и в середине
Петь я, а ты преклони слух свой и благо мне дай!

- 5 Феб-Аполлон — повелитель, прекраснейший между богами!
Только лишь на свет тебя мать-Лето родила
Близ круговидного озера, пальму обнявши руками,—
Как амвросический вдруг запах широко залил
Делос бескрайний. Земля-великанша светло засмеялась,
10 Радостный трепет объял море до самых глубин.

Зевсова дочь, Артемида-охотница! Ты, что Атридом
Жертвой была почтена в час, как на Трою он шел,—
Жарким моленьям внемли, охрани от напастей! Тебе ведь
Это легко, для меня ж очень немалая вещь.

- 15 Зевсовы дщери, Хариты и Музы! На Кадмовой свадьбе
Слово прекрасное вы некогда спели ему:
«Все, что прекрасно, то мило, а что не прекрасно — немило».
Не человечьи уста эти слова изрекли.

Кирн! Мои поученья тебе да отмечены будут
20 Прочно печатью моей. Их не украдет никто,
Худшим никто не подменит хорошего, что написал я,
Буду везде говорить: «Это сказал Феогнид,
Славный повсюду меж всеми людьми, Феогнид из Мегары».
25 Но не могу я никак гражданам нравиться всем.
Этому, Полипайд, не дивись: и владыка Кронион,
Вёдро давая иль дождь, может ли всем угодить?

С умислом добрым тебя обучу я тому, что и сам я,
Кирн, от хороших людей малым ребенком узнал.
30 Будь благомыслен, достоинств, почета себе и богатства
Не добивайся кривым или позорным путем.
Вот что замети хорошенько себе: не завязывай дружбы
С злыми людьми, но всегда ближе к хорошим держись.
С этими пищу дели и питье, и сиди только с ними,
И одобренья ищи тех, кто душою велик.
35 От благородных и сам благородные вещи узнаешь,
С злыми погубишь и тот разум, что есть у тебя.
Помни же это и с добрыми знайся,— когда-нибудь сам ты
Скажешь: «Советы друзьям были не плохи его!»

Город беременен наш, но боюсь я, чтоб им порожденный
40 Муж дерзновенный не стал грозных восстаний вождем,
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
Близки к тому их вожди, чтобы в разнузданность впасть.
Люди хорошие, Кирн, никогда государств не губили.
То негодяи, простор наглости давши своей,
45 Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить.
Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город,—
Верь мне, недолго она в городе может царить,

Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
50 Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда — восстанья, гражданские войны, убийства,
Также монархи,— от них обереги нас, судьба!

Город наш все еще город, о Кири, но уж люди другие.
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
55 Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пассив, как дикий олень,—
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог?
Лжет гражданин гражданину, и все друг над другом смеются,
60 Знаться не хочет никто с мнением ни добрых, ни злых.
Кири, не завязывай искренней дружбы ни с кем из тех граждан,
Сколько бы выгод тебе этот союз ни сулил.
Всячески всем на словах им старайся представиться другом,
Важных же дел никаких не начинай ни с одним.
65 Ибо, начавши, узнаешь ты душу людей этих жалких,
Как ненадежны они в деле бывают любуи.
По сердцу им только ложь, да обманы, да хитрые козни,
Как для людей, что не ждут больше спасенья себе.

К низким людям, о Кири, никогда не иди за советом,
70 Раз собираешься ты важное дело начать.
Лишь к благородным иди, если даже для этого нужно
Много трудов перенести и издалека прийти.
Также не всякого друга в свои посвящай начинанья:
Много друзей, но из них мало кто верен душой.

75 Дело задумав большое, умей доверяться немногим,
Иначе будет, о Кири, непоправима беда.
Не дорожи серебром или золотом. Верные люди
Стоят дороже, о Кири, в жизненной тяжелой борьбе.

Полипаид мой! Немного найдешь ты товарищей в мире,
80 Кто бы в труднейших делах верен остался тебе,
Кто беззаветно и смело, душою душе откликаясь,
Счастье и горе с тобой был бы готов разделить.

Если бы даже весь мир обыскать, то легко и свободно
Лишь на одном корабле все уместиться б могли
85 Люди, которых глаза и язык о стыде не забыли,
Кто бы, где выгода ждет, подлостей делать не стал.

Что мне в любви на словах, если в сердце и в мыслях иное!
Любишь ли, друг мой, меня? Верно ли сердце твое?
Или люби меня с чистой душою, иль, честно отрекшись,
90 Стань мне врагом и вражду выкажи прямо свою.
Кто ж, при одном языке, два сердца имеет, товарищ
Страшный, о Кири мой! Таких лучше врагами иметь.

Если тебя человек восхваляет, пока на глазах он,
А удалясь, о тебе речи дурные ведет,—
95 Неблагородный тот друг и товарищ: приятное слово
Только язык говорит,— мысли ж иные в уме.
Другом да будет мне тот, кто характер товарища знает
И переносит его, как бы он ни был тяжел,
С братской любовью. Мой друг, хорошенько все это обдумай,
100 Вспомнишь ты позже не раз эти советы мои.

Кто тебе стал бы советовать с низким дружить человеком?
Выгоды нет никакой в дружбе с плохими людьми.
В тяжких страданиях, в несчастье к тебе не придет он на

помощь

И не захочет ничем добрым делиться с тобой.
105 Низкому сделав добро, благодарности ждать за услугу
То же, что семя бросать в белые борозды волн.

Если глубокое море засеешь, посева не снимешь;
Делая доброе злым, сам не дождешься добра.
Ибо душа ненасытна у них. Хоть разок их обидел,
110 Прежнюю дружбу тотчас всю забывают они.
Добрые ж все принимают от нас как великое благо,
Добрые помнят дела и благодарны за них.

Между дурными людьми никогда не ищи себе друга.
Гавань плохая они. Мимо свой путь направляй.

115 Милых товарищей много найдешь за питьем и едою.
Важное дело начнешь — где они? Нет никого!

Самое трудное в мире, о Кири мой, узнать человека
Лживого. Больше всего здесь осторожность нужна.

120 Золото ль, Кири, серебро ли фальшиво — беда небольшая,
Да и сумеет всегда умный подделку узнать.
Если ж душа человека, которого другом зовем мы,
Лжива и прячет в груди сердце коварное он,—
Самым обманчивым это соделали боги для смертных,
И убеждаться в такой лжи нам всего тяжелей.

125 Душу узнаешь — мужчины ли, женщины ль — только тогда ты,
Как испытаешь ее, словно вола под ярмом.
Это не то, что в амбар свой зайти и запасы измерить.
Очень нередко людей видимость вводит в обман.

Полипаид! Не молись, чтоб тебе выдаваться богатством
130 Иль добродетелью,— нет! Только бы счастье иметь!

Нет ничего в этом мире отца или матери лучше,
Если священная в них, Кири, справедливость живет.
Кири! Не сам человек — творец своей жизненной доли.
Счастье и бедствия шлют боги-податели нам.

- 135 Знает ли кто из людей, устремляясь к задуманной цели,
Что достижение даст, благо иль тяжкое зло?
Часто мы думаем зло сотворить,— и добро совершаем;
Думаем сделать добро,— зло причиняем взамен.
И никогда не сбывается то, чего смертный желает,
140 Жалко-беспомощен он, силы ничтожны его.
Тщетно мы, люди, гадаем и ждем. Ничего мы не знаем.
Все совершается так, как порешит божество.
Кто обманул о защите молящего или же гостя,
Скрыться не мог от богов, Полипаид, никогда.
- 145 Лучше прожить с невеликим достатком, блюдя благочестье,
Чем достояньем большим несправедливо владеть.
Всю целиком добродетель вмещает в себе справедливость.
Если ты, Кирн, справедлив,— весь и вполне ты хорош.
И нехороших людей божество одаряет богатством,
150 Но добродетель, о Кирн,— только немногих удел.
Гордость — первейшее зло, которым разят человека
Боги, решив из-под ног почву отнять у него.
Если владеет богатством большим человек нехороший,
С глупым, неладным умом,— гордость родит оно в нем.
- 155 Бедностью, дух разрушающей, иль нищетою злосчастной
Не попрекай никого, как бы ни гневался ты.
Зевс то сюда наклоняет весы, то туда и сегодня
Людям богатство дает, завтра лишает всего.
Самонадеянных слов избегай: не дано человеку
160 Знать, что готовит ему день приходящий и ночь.
Многие разумом низки и скорбны, но счастье везет им.
То, что казалось бедой, им лишь на пользу идет.
Есть же другие,— умом хоть богаты, но бедны удачей.
И не венчает у них дела успешный конец.

165 Нет никого между смертных, кто был бы блажен иль несчастлив,
Был бы хорош или зол без изволения богов.

Разное горе у разных людей. Но на скольких ни смотрит
Солнце, счастливого нет между людей никого.

170 Раз ты богами любим, то тебя и насмешник похвалит.
Как ни тянись, ничего сам ты не сможешь достичь.

Жарко бессмертным молись: у бессмертных вся сила над миром,
Всякое зло и добро к людям приходит чрез них.

Доброго мужа ужасней всего нищета укрощает;
Старость седая, озноб — менее страшны, о Кирн!
175 Чтоб нищеты избежать, и в глубокую бездну морскую
Броситься стоит, и вниз, в пропасть, с высокой скалы!
Каждый, кого нищета поразила, ни делать не может,
Ни говорить ничего: связан язык у него.

180 Всюду, о Кирн, по земле и по шире бескрайнего моря,
Нужно из тяжелой искать бедности выхода нам.
Лучше, мой Кирн дорогой, умереть бедняку, чем в страданиях
Жизнь на земле проводить, в тяжелой томясь нищете,

Кирн! Выбираем себе лошадей мы, ослов и баранов
Доброй породы, следим, чтобы давали приплод
185 Лучшие пары. А замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать, только б с деньгами была!
Женщина также охотно выходит за низкого мужа,
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало породы.
190 Знатные, низкие — все женятся между собой.
Полипаид, не дивись же тому, что порода сограждан
Все ухудшается: кровь перемешалась в ней.

Знает и сам, что из рода плохого она, и, однако,
Льстясь на богатство ее, в дом ее вводит к себе,—
195 Низкую знатный. К тому принуждаются люди могучей
Необходимостью: дух всем умиряет она.

Если от Зевса богат человек, справедливо и чисто
Ставши богатым, тогда прочно богатство его.
Если ж, стяжательный духом, несправедно он и случайно
200 Или же ложно клянясь, средства свои приобрел,—
Сразу как будто и выгода есть, но в конце торжествует
Разум богов и бедой делает счастье его.

Вот что, однако, сбивает людей: человеку не тотчас
Боги блаженные мстят за прегрешенья его.
205 Правда, бывает, и сам он поплатится тяжко за грех свой,
И наказание не ждет милых потомков его,
Но иногда беспощадная смерть, приносящая гибель,
Веки смыкает ему раньше, чем кара придет.

Нет у изгнанника милых друзей и товарищей верных.
210 Это в изгнание больней даже, чем ссылка сама.

Вредно вином упиваться сверх меры. Но ежели люди
С разумом пьют,— от вина польза одна, а не вред.

Каждому другу, о Кирн мой, характер выказывай разный,
Приноровляя свой нрав собственный к нраву его.
215 Пусть образцом тебе будет полип многохитрый: к какому
Камню прилепится он, вид он и примет того.

Нынче с одною являйся окраской, а завтра с другою.
Высшая мудрость гласит: приспособляйся, о Кирн!

Не возмущайся чрезмерно жестокою смутой сограждан,
220 Милый мой Кирн, и иди средней дорогой, как я.
Тот, кто уверен, что ближний понять ничего не способен,
Что лишь один изо всех он на все руки горазд,—

Непроходимый глупец, повредившийся в добром рассудке,
Право же, все мы равно многое можем свершить.
225 Только один не желает последовать зову корысти,
А у другого душа к козням коварным лежит.

233 Для легкомысленной черни твердынею служит и башней
Муж благородный, и все ж чести так мало ему!

Дал я крылья тебе, и на них высоко и свободно
Ты полетишь над землей и над простором морей,
Будешь присутствовать ты на пирах и на празднествах пышных,
240 Славное имя твое будет у всех на устах.
Милые юноши в пышных нарядах красиво и звонко
Будут под звуки тебя маленьких флейт воспевать,
Ясно звучащих. Когда же сойдешь ты в жилище Аида,
В мрачные недра земли, полные стонов и слез,—
245 Слава твоя не исчезнет, о Кирн, и по смерти, но вечно
В памяти будет людской имя храниться твое.
Ты по Элладе по всей пронесешься, бесплодное море,
Полное рыб, перейдешь, все острова посетишь.
И не на спинах коней ты поедешь,— фиалковенчаных
250 Муз сладкогласных дары всюду тебя понесут.
Все, кому дороги песни, кому они дороги будут,
Будешь знаком ты, пока солнце стоит и земля.
А между тем от тебя и следа я не вижу почета.
Будто мальчишку, меня словом ты вводишь в обман.

255 Лучше всего — справедливость: желанней всего быть здоровым.
Вещь же приятнее всех,— чтобы желание сбылось.
Я — скаковая, прекрасная лошадь, но плох безнадежно
Правящий мною ездок. Это всего мне больней.

260 О, как мне часто хотелось бежать, оборвавши поводья,
Сбросив внезапно с себя наземь того седока!

Вот что, поверь мне, ужасней всего для людей,— тяжелее
Всяких болезней для них, даже и смерти самой:
275 После того как детей воспитал ты, все нужное дал им
И накопил, сколько мог, много понесши трудов,—
Дети отца ненавидят и смерти отцовской желают,
Смотрят с враждой на него, словно к ним нищий вошел.

Ныне несчастья добрых становятся благом для низких
290 Граждан; законы теперь странные всюду царят:
Совести в душах людей не ищи; лишь бесстыдство и наглость,
Правду победно поправ, всею владеют землей.

Даже и льву не всегда пообедать приходится мясом.
Как ни могуч он, нужду все-таки знает и лев.

313 Если безумствуют люди, я тоже безумствую с ними,
Меж справедливых людей всех справедливее я.

351 Бедность проклятая! Что ты так цепко ко мне привязалась?
Что же к другим не идешь? Что так влюбила меня?
Ну же, иди, посети и жилище другого, и вечно
С нами делить перестань эту несчастную жизнь!

361 Кири! При великом несчастье слабеет душа человека.
Если ж отомстить удалось, снова он крепнет душой.

367 Мыслей сограждан моих уловить я никак не умею:
Зло ли творю иль добро — все негоден я им.
И благородный и низкий бранят меня с равным усердьем,
Но из глупцов этих мне не подражает никто.

Милый Зевс! Удивляюсь тебе я; всему ты владыка,
Все почитают тебя, сила твоя велика,
375 Перед тобою открыты и души и помыслы смертных,
Высшею властью над всем ты обладаешь, о царь!
Как же, Кронид, допускает душа твоя, чтоб нечестивцы
Участь имели одну с теми, кто правду блюдет,
Чтобы равны тебе были разумный душой и надменный,
380 В несправедливых делах жизнь проводящий свою?

В жизни бессмертными нам ничего не указано точно,
И неизвестен нам путь, как божеству угодить.

407 Лучший мой друг! Погрешил ты. А я — я ни в чем не виновен.
Сам к нехорошему ты этому мненью пришел.

413 Сколько б ни пил я, но так не упьюсь я, до этого пьяный,
Я не дойду, чтоб сказать страшное что про тебя!

425 Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться
И никогда не видеть яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.

Смертного легче родить и вскормить, чем вложить ему в душу
430 Дух благородный. Никто изобрести не сумел,

Как благородными делать дурных и разумными глупых.

Если бы нашим врачам способы бог указал,

Как исцелять у людей их пороки и вредные мысли,

Много бы выпало им очень великих наград.

435 Если б умели мы разум создать и вложить в человека,

То у хороших отцов злых не бывало б детей:

Речи разумные их убеждали б. Однако на деле,

Как ни учи, из дурных добрых людей не создашь.

Если омыть пожелаешь меня, то увидишь, какую

Чистой, прозрачной вода будет бежать с головы.

450 В деле найдешь ты любом, что с червонным я золотом сходен,

Красный имеющим цвет, если потрешь о брусок.

Ржавчины черной иль грязи на теле его не увидишь,

Чистым и ясным оно цветом нетленным цветет.

457 Нет, не подходит жена молодая для старого мужа!

Мало послушной рулю эта бывает ладья.

Также и якорь не держит ее: оборвавши канаты,

Рада зайти ночевать в гавань чужую она.

Не заставляй никого против воли у нас оставаться,

Не заставляй уходить, кто не желает того,

И не буди, Симонид мой, заснувших из нас, кто упился

470 Крепким вином и теперь сладким покоится сном.

Тех же, кто бодрствует, спать не укладывай против желанья.

Нет никого, кто б любил, чтоб принуждали его.

Если же хочет кто пить — наливай ему полную чашу.

Радость такую иметь можно не каждую ночь.

475 Что ж до меня, то вина медосладкого пил я довольно

И отправляюсь домой вспомнить о сладостном сне.

Пить прекращаю, когда от вина наибольшая радость.

Трезвым я быть не люблю, но и сверх меры не пью.

Тот же, кто всякую меру в питье переходит, не властен

480

Ни над своим языком, ни над рассудком своим,

Речи срамные ведет, за которые трезвый краснеет,

Дел не стыдится своих, совесть вином замутив.

Прежде разумный, теперь он становится глупым. Об этом

Помни всегда и вина больше, чем нужно, не пей.

485

Из-за стола поднимайся, пока допьяна не наполнился,

Чтоб не блевать за столом, словно поденщик иль раб.

Или сиди и не пей. А ты, передышки не зная,

Только твердишь: «Наливай!» Вот отчего ты и пьян.

То за любовь, то для спора, то в честь небожителей выпьешь,

490

То потому, что с вином чаша стоит под рукой.

Нет же сказать не умеешь. Совсем для тебя недостижен

Тот, кто и много хоть пьет, но не теряет ума.

Добрые речи ведите, за чашей веселою сидя,

И избегайте душой всяческих ссор и обид.

495

Пусть и застольные песни звучат,— в одиночку и хором.

Так вот бывают для всех очень приятны пиры.

Легок становится мыслью любой человек, если выпьет

Больше, чем нужно, вина,— глуп ли он был иль умен.

Как тяжело в голове, Ономакрит! Вино беспощадно

Одолевает меня, и языком уж своим

505

Я не владею, и стены кружатся. Но дай попытаюсь,

Встану,— ударит ли мне также и в ноги вино?

В разум — ударит ли? Очень я в сердце боюсь, чтобы пьяным

Глупостей мне не свершить и не наделать беды.

- 530 Не предавал никогда я друзей и товарищей верных.
В духе свободном моем рабского нет ничего.
- Милое сердце теплом у меня наполняется, только
Сладкий услышу напев нежно-тоскующих флейт.
Любо мне пить беззаботно и петь свои песни под флейту,
Любо мне также держать звучную лиру в руках.
-
- 537 Ни гиацинтов, ни роз не дождешься от лука морского;
Также свободных детей не ожидай от рабынь.
-
- 541 Полипаид, я боюсь, что надменность погубит наш город,
Как погубила уже хищных кентавров она.
-
- 581 Мне ненавистны жена-непоседа и муж ненасытный,
Любящий плугом своим пашню чужую пахать.
-
- 611 Ближних нетрудно ругнуть, и нетрудно себя возвеличить.
Низкие люди всегда так поступают, о Кирн!
Люди дурные молчать не желают и злое болтают.
Добрые люди во всем меру умеют блюсти.
-
- 617 То, чего хочется людям, сбывается в жизни не часто,
Ибо во много мы раз ниже бессмертных богов.
-
- 625 Трудно разумному долгий вести разговор с дураками.
Но и все время молчать — сверх человеческих сил.
-
- 643 Много за чашей вина обретишь ты товарищей милых,
В деле серьезном — увы! — мало находится их.
-

Ныне давно уже нет никакого стыда в человеке.

Только бесстыдство одно бродит по нашей земле.

Бедность проклятая! Как тяжело ты ложишься на плечи!

650

Как развращаешь зараз тело и душу мою!

Я так люблю красоту, благородство,— а ты против воли

Учишь насильно меня низость любить и позор!

653

Слишком в беде не горюй и не радуйся слишком при счастье:

То и другое умей доблестно в сердце нести.

687

Смертному против бессмертных богов невозможно бороться

Или же в тяжбу вступать: этого нам не дано.

695

Сердце! Не в силах тебе я доставить, чего ты желаешь.

Нужно терпеть: красоты хочешь не ты лишь одно.

Если дела у меня хороши, то друзей сколько хочешь;

Если случится беда, мало кто верность хранит.

Или еще, о владыка богов: справедливо ли это,

Что справедливейший муж, чуждый неправедных дел,

745

Не совершивший греха и обманчивых клятв не дававший,

Должен так часто терпеть незаслужённую скорбь?

Кто же, о, кто же из смертных, взирая на все это, сможет

Вечных богов почитать? Что перечувствует он,

Видя, как злой человек, человек, что не ведает страха

750

Ни перед гневом людей, ни перед гневом богов,

Гордый, кичится надменно богатством безмерным, а честный

В бедности жалкой влачит темные, тяжкие дни?

Это познавши, мой милый товарищ, живи справедливо,
Благоразумной душой дел нечестивых беги,
755 Не забывай никогда о словах моих. Время настанет,
Будешь ты рад, что внимал мудрым советам моим.

Благоволя к Алкофою, Пелопову славному сыну,
Сам ты, о Феб, укрепил город возвышенный наш.
775 Сам же от нас отрази и надменные полчища мидян,
Чтобы с приходом весны граждане наши могли
С радостным духом во славу тебе посылать гекатомбы
И, твой алтарь окружив, душу свою услаждать
Кликами, пеньем пеанов, пирами, кифарным бряцаньем.
780 Страх мою душу берет, как погляжу я кругом
На безрассудство и распри и войны гражданские греков.
Милостив будь, Аполлон, город от бед защити!

Некогда быть самому мне пришлось и в земле Сикелийской,
И виноградники я видел Евбейских равнин,
785 В Спарте блестящей я жил, над Евротом, заросшим осокой;
Люди любили меня всюду, где я ни бывал;
Радости мне ни малейшей, однако, они не давали:
Всюду рвался я душой к милой отчизне моей.

801 Не было, нет и не будет вовек человека такого,
Кто бы в Аид низошел, всем на земле угодив.
Даже и Зевс, повелитель бессмертных и смертных, не может
Действовать так, чтоб зараз людям понравиться всем.

825 Как же дерзаете вы распевать беззаботно под флейту?
Ведь уж граница страны с площади нашей видна!
Кормит плодами родная земля. Вы ж пируете праздно
В пурпурных ваших венках на волосах золотых!

830 Скиф! Пробудись, волоса остриги и покончи с пирами!
Пусть тебя болью пронзит гибель душистых полей!

К гибели, к воронам все наше дело идет! Но пред нами,
Кири, из блаженных богов здесь не виновен никто:
835 В бедствия нас из великого счастья повергли — насилье,
Низкая жадность людей, гордость надменная их.

Крепко пятою топчи пустодушный народ, беспощадно
Острою палкой коли, тяжким ярмом придави!
Верно, народа с подобной любовью к тиранам ни разу
850 Не доводилось еще солнцу видать на земле.

Я уж давно это знал, а теперь еще лучше изведал,
Что благодарности нет в сердце у низких людей.

855 Как уже часто наш город, ведомый дурными вождями,
Словно разбитый корабль, к суше причалить спешил!

Ни восхвалять, о вино, я тебя не могу, ни порочить.
Я ни люблю целиком, ни ненавижу тебя.
875 Ты и прекрасно и дурно. Ну, кто порицать тебя сможет?
Знающий меру вещей, — кто тебя сможет хвалить?

Радуйся жизни, о дух мой! Появятся скоро другие
Люди, а я, умерев, черною стану землей.

Выпей вина, что под сенью высокой Тайгетской вершины
880 Мне виноградник принес. Вырастил лозы старик
В горных укромных долинах, любезный бессмертным Феотим,
С Платанистунта-реки влажную водунося.

Выпьешь его — отряхнешь ты заботы тяжелые с сердца.

В голову вступит вино — станет легко на душе.

885 В городе мир и богатство да царствуют, чтоб с остальными
Мог пировать бы и я: злой не хочу я войны.

Ухом не слишком склоняйся к призывам глашатая громким:
Помни,— сражаемся мы не за родную страну.

943 Возле флейтиста вот так я по правую сторону стану,
Песню зачну и богам вечным мольбу вознесу.

Прежде, когда в роднике черноводном я брал себе воду,
960 Сладкой казалась мне и превосходной вода.
Ныне она замутилась, вода загрязнилась илом.
Буду я пить из другой речки или родника.

1007 Всем я советую людям: пока еще ярко цветешь ты
Юности цветом, пока дух благороден в тебе,—
Пользуйся тем, что имеешь. Не дважды бессмертные боги
Молодость людям дают, и не бывает от них
Нам избавленья от смерти. Придет невеселая старость,
И загрязнит нас она, и за макушку возьмет.

1041 Дайте сюда мне флейтиста! Бок о бок с рыдающим сядем,
Будем смеяться и пить, тешась печалью его!

1047 Будем теперь наслаждаться вином и прекрасной беседой.
Что же случится потом,— это забота богов.

1055 Но говорить перестанем об этом. Сыграй мне на флейте
Песню, и оба с тобой вспомним божественных Муз.

Нам они эти дары подарили, приятные сердцу,—
Мне и тебе, чтоб игрой души соседей пленять.

1063 В юности ночь проводить с молодой подругой иль другом,
Всею отдавшись душой пылу любовных утех,
Или же песни на пиршестве петь беззаботно под флейту,—
Радостней этого нет в жизни людской ничего
Ни для мужчин, ни для женщин. На что мне почет и богатство?
Лишь наслаждение одно важно и радостный дух!

Глупые мы, безрассудные люди! Ушедшую юность
Надо оплакивать нам, а не о мертвых тужить!

1080 Не посмеюсь никогда над врагом, если он благороден.
Друга не стану хвалить, если он низок душой.

Кастор и ты, Полидевк, что живете над светлоструйным
Быстрым Евротом-рекой в Лакедемоне святом!
Если я другу дурное советовал, пусть пострадаю!
Если советовал он, пусть пострадает вдвойне!

1090 Тяжесть, одну только тяжесть любовь мне твоя доставляет;
Ни ненавидеть тебя я не могу, ни любить.
Знаю я, как тяжело ненавидеть друзей своих прежних,
Но тяжело и любить тех, кто не хочет того.

1107 Горе, как я опустился! Посмешищем стал для врагов я,
Бременем стал для друзей, страшный удар претерпев!

1117 Всех бы божеств, о Богатство, желаннее, всех ты прекрасней!
Как бы кто ни был дурен, будет с тобою хорош.

1130 Я не горюю за чашей о бедности, губящей душу,
И злоязычье врагов мало печалит меня.
Юности милой приходит конец,— вот о чем я горюю!
Плачу о том, что идет трудная старость ко мне!

1155 Я не молюсь о богатстве, его не хочу. Но желал бы
Скромные средства иметь, чтоб без лишений прожить.

1191 Я не желаю по смерти на ложе покоиться царском.
Только бы мне хорошо было, когда я живу.
Терн ли колючий, ковер ли подстилкою мертвому служит,
Твердо ли ложе тогда, мягко ль,— не все ли равно?

Век не пойду я к тирану, не стану к себе его звать я,
В горе не буду я лить слез над могилой его,
1205 И не хочу я, чтоб, если умру, обо мне горевал он,
Чтобы ронял обо мне жаркие слезы с ресниц!

Трудно заставить врага-ненавистника верить обману.
1220 Друга же очень легко другу, о Кири, обмануть.

1255 Полно и радостно тот не живет, кто душой неспособен
Мальчиков юных любить, резвых коней и собак.

Непостоянному, мальчик, подобен ты коршуну нравом.
Нынче готов одного, завтра другого любить.

1386 О Киферея-Киприда, искусная в кознях, могучим
Даром тебя одарил Зевс, отличая тебя.
Ты покоряешь умнейших, и нет никого, кто настолько
Был бы могуч или мудр, чтобы тебя избежать.

Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедро питаемых, там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне же никогда не дает вздохнуть

Эрос. Летит от Киприды он —
Темный, вселяющий ужас всем,—
словно сверкающий молнией северный ветер фракийский,
и душу

Мощно до самого дна колышет
Жгучим безумием...

Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит
из-под век на меня

И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.

Так на бегах отличившийся конь неохотно под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

3

И горю, как долгою ночью горят
звезды блестящие в небе.

4

Сердце милое! Вечно меня, как пурпурица быстрая...

5

О Евриал, Харит лучезарных ветвь,
Ты, о питомец Муз пышнокудых! Кипридою
И нежной Пейто ты под розами вскормлен, цветущими пышно.

6

Мирты, и яблоки, и златоцветы,
Нежные лавры, и розы, и фиалки.

7

И соловьев
полная звуков заря
будит, бессонная.

8

На дереве том,
на вершине его,
утки пестрые сидят
В темной листве;
много еще
там яркозобых пурпурниц
И гальцион быстрокрылых...

Кассандра, Приама дочь,
 Синеокая дева в пышных кудрях,
 в памяти смертных живет.

Говорит Геракл:

Белоконных сыновей
 Молионы я убил,—
 Сверстников, крепко сращенных друг с другом,
 Храбрых. В яйце родилися серебряном
 Вместе они...

...из камней
 Гладких ту сушу создали руки людей,
 Где лишь хищные стаи рыб
 Раньше паслись среди улиток.

Боюсь, чтоб чести у людей
 Не купить ценой нечестья пред богами.

Чья жизнь уж погасла, для тех
 найти невозможно лекарства.

1

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеясь презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого глазееет.

2

Пирожком я позавтракал,
отломивши кусочек,
Выпил кружку вина,— и вот
за пектиду берусь я,
Чтобы нежные песни петь
нежной девушке милой.

Люблю, и словно не люблю.
И без ума, и в разуме.

...бросился я
вновь со скалы Левкадской
И безвольно ношусь
в волнах седых,
пьяный от жаркой страсти.

Ты, с кем Эрос властительный,
Афродита багряная,
Черноокие нимфы
Сообща забавляются
На вершинах высоких гор,—
На коленях молю тебя:
Появись и прими мою
Благосклонно молитву.
Будь хорошим советником
Клеобулу! Любовь мою
Не презри, о великий царь,
Дионис многославный!

Мальчик с видом девическим,
Просьб моих ты не слушаешь
И не знаешь, что душу ты
На вожжах мою держишь.

8

Я б хотел сойтись с тобою: ты имеешь нрав приятный...

9

Ибо мальчики за речи полюбить меня могли бы:
И приятно петь умею, говорить могу приятно.

10

...но стройность бедер
Покажи своих, о друг мой!

11

И спальня,— не женился он, а замуж вышел в спальне той.

12

Десять месяцев прошло уж, как Мегист наш благодушный,
Увенчав чело лозою, тянет сусло слаще меда.

13

Полные слез
он возлюбил сраженья.

14

А кто сражаться хочет,
Их воля: пусть воюют!

15

Бросив щит свой на берегах
речки прекрасноструйной.

Умереть бы мне! Не вижу никакого
Я другого избавленья от страданий!

Э П И Т А Ф И Я

Мощный в сраженьях Тимокрит,— его пред тобою гробница.
Арес не храбрых мужей, трусов одних бережет.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Н. Сахарный. Предисловие</i>	5
---	---

ГО М Е Р О В Ы Г И М Н Ы

I. К Аполлону Делосскому	39
II. К Аполлону Пифийскому	45
III. К Гермесу	58
IV. К Афродите	78
V. К Деметре	88
VI. К Афродите	105
VII. Дионис и разбойники	106
VIII. К Аресу	109
IX. К Артемиде	110
X. К Афродите	111
XI. К Афине	112
XII. К Гере	113
XIII. К Деметре	114
XIV. К Матери богов	115
XV. К Гераклу Львинодушному	116
XVI. К Асклепию	117
XVII. К Диоскурам	118
XVIII. К Гермесу	119
XIX. К Пану	120
XX. К Гефесту	122

XXI. К Аполлону	123
XXII. К Посейдону	124
XXIII. К Зевсу	125
XXIV. К Гестии	126
XXV. К Музам и Аполлону	127
XXVI. К Дионису	128
XXVII. К Артемиде	129
XXVIII. К Афине	131
XXIX. К Гестии	132
XXX. К Гее, матери всех	133
XXXI. К Гелию	134
XXXII. К Селене	135
XXXIII. К Диоскурам	136
XXXIV. Отрывки гимна к Дионису	137

Г Е С И О Д

Работы и дни	141
О происхождении богов (Теогония)	169

А Р Х И Л О Х

Боевая жизнь	205
Переселение с Пароса. Жизнь на Фасосе	209
Друзья и враги	211
Любовь. Небула и Ликамб	212
Гибель Архилохова зятя	215
Жизнеотношение	217
Религия	219
Личное	222
Разное	224
Басни	228

С А Ф О

Подруги и ученицы. Соперницы	233
Природа	242
Поэзия	243
Жизнеотношение	245
Религия	247

Личное	251
Разное	254
Свадебные песни (эпиталями)	256

ДРУГИЕ ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЕССЫ

Эринна	263
Праксилла	265
Коринна	266

СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ	269
-------------------------------	-----

АЛКМАН

Парфенеи	273
--------------------	-----

МИМНЕРМ

Из песен к Нанно	285
----------------------------	-----

АЛКЕЙ	291
-----------------	-----

СТЕСИХОР	295
--------------------	-----

ФЕОГНИД

Элегии	299
------------------	-----

ИВИК	321
----------------	-----

АНАКРЕОН	327
--------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Война мышей и лягушек. <i>Перевод М. Альтмана</i>	333
---	-----

Новонайденные стихотворения греческих лириков. <i>Перевод С. Лурье</i>	344
---	-----

КОММЕНТАРИИ	353
-----------------------	-----

ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЫ

Редактор С. Ошеро в
Художеств. редактор Л. Калитовска
Технический редактор В. Грищенко
Корректор Т. Лукьянова

•

Сдано в набор 17/VIII 1962 г.
Подписано в печать 16/II 1963 г.
Бумага 60 × 84¹/₁₆—25,5 печ. л.= 23,2 усл.
печ. л. 13,5 уч.-изд. л. Тираж 25 000
Цена 64 коп.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

•

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.
Занав 3272